

Biblioteka
U.M.K.
Toruń

325275

НОВЫЯ ТЕЧЕНІЯ
ВЪ ПОЛЬСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

О Ч Е Р К Ъ

Л. Э.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ Товарищества М. О. Вольфъ.

1898.

НОВЫЯ ТЕЧЕНІЯ
ВЪ ПОЛЬСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

О Ч Е Р К Ъ

Л. Э.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ Товарищества М. О. Вольфъ.

1898.

Типографія Ю. А. Мансфельдъ, Малая Морская, № 9.

325275

W. 2074/61

x25

I.

Не лишень характерности фактъ, что въ послѣдніе два года «польскій вопросъ» въ русской печати уступилъ мѣсто вопросу о «русско-польскихъ отношеніяхъ». Названіе разсматриваемаго вопроса не лишено значенія: *non en omen*. Изъ области исторіософіи и даже теософіи разсужденіе объ отношеніяхъ къ полякамъ переносится на почву практическую, а это несомнѣнно упрощаетъ дѣло и облегчаетъ взаимное разумѣніе.

Дѣйствительно, пока печать задавалась рѣшеніемъ «польскаго вопроса» во всемъ его объемѣ, разсужденіе приводило только къ признанію трудности его рѣшенія. «Въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ—говорится въ одной брошюрѣ 1881 года ¹⁾—существуетъ въ Европѣ такъ называемый польскій вопросъ... Россія болѣе другихъ государствъ заинтересована этимъ вопросомъ и, очень естественно, у насъ много говорилось и говорится о немъ; несмотря на то можно сказать положительно, что до сихъ поръ у насъ не было высказано ни одной здравой мысли, ни одного слова, которое дѣйствительно вело бы къ практическому рѣшенію вопроса».

¹⁾ «Что нужно для нашего сближенія съ поляками». Н. Д. Шигарина. Кіевъ, 1881.

Это не совсѣмъ справедливо въ томъ смыслѣ, что и при теоретическомъ обсужденіи давались иногда цѣнные указанія, какъ напр. въ статьяхъ А. Н. Пыпина, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1880 году ¹⁾. Самъ авторъ брошюры отнесся къ этому труду съ уваженіемъ и сочувствіемъ, но признаетъ, что «въ практическомъ смыслѣ очень мало двигаетъ впередъ польскій вопросъ». Надо однако замѣтить, что хотя эти статьи, по самому своему характеру, исключительно критическому, не могли «подвинуть вопросъ», предлагая положительныя мѣры, однако въ упомянутыхъ статьяхъ вполне ясно была высказана мысль о пользѣ «допущенія нѣкоторой свободы въ области образованія и литературы, допущенія нѣкоторой конкуренціи слабого съ сильнымъ»... «Не упоминая о другихъ стѣсненіяхъ, объ излишествахъ обрусѣнія— сказано въ одной изъ тѣхъ же статей—укажемъ для примѣра на крайне-стѣсненное положеніе польской печати...» Приведемъ еще слѣдующія слова заключительной статьи: «Славянское возрожденіе основалось на возбужденіи народности; все движеніе славянства съ конца прошлаго вѣка заключалось въ борьбѣ за права народности и цѣль движенія—достигнуть той широты національной дѣятельности, которая обезпечила бы славянству независимость его внутренней жизни и, въ концѣ концовъ, созданіе своей самобытной культуры; что же было бы, еслибы одно изъ самыхъ крупныхъ, послѣ русскаго, племенъ было лишено всѣхъ существенныхъ условій національнаго успѣха, какихъ добивается всякое маленькое племя и которыхъ достигнуть мы сами усердно желаемъ?»

¹⁾ «Польскій вопросъ въ русской литературѣ» I—VIII февраль по декабрь 1880 г.

Впрочемъ и самъ авторъ упомянутой выше брошюры даетъ указанія лишь общаго характера. Онъ признаетъ необходимымъ и возможнымъ сближеніе между русскими и поляками и для осуществленія его совѣтуетъ предварительно изучить польскія партіи и «протянуть руку той изъ партій, которая поняла необходимость соединенія съ нами». «Для сближенія нашего съ поляками—говоритъ онъ въ заключеніи—намъ нужно, главнымъ образомъ, быть по возможности болѣе гуманными и умѣренными, а полякамъ—выказать болѣе чистосердечія, тѣмъ же изъ нихъ, которые все еще склонны къ увлеченіямъ, понять и согласиться, что гораздо выгоднѣе добиваться цѣлей болѣе скромныхъ, но реальныхъ, чѣмъ гоняться за золотыми мечтами, которыя хотя и блестящи, но которымъ во-вѣки суждено оставаться только въ области фантазіи».

Эти слова, высказанныя 16 лѣтъ тому назадъ, имѣли уже и въ то время нѣкоторыя данныя для осуществленія, такъ какъ и тогда уже слышались въ польской печати единичные голоса, призывавшее поляковъ къ примиренію съ Россіей. Но обстоятельства вскорѣ затѣмъ сложились неблагоприятно для сближенія и голоса о немъ замолкли. Нынѣ, какъ мы увидимъ далѣе, примирительное направленіе высказывается въ польской печати съ гораздо большей ясностью и силою, такъ, что уже въ самомъ дѣлѣ можно замѣтить серьезное движеніе въ этомъ направленіи и признать нарожденіе среди польскаго общества партіи людей мыслящихъ трезво, умѣренныхъ и дѣйствительно расположенныхъ сознать себя нравственно солидарными съ Россією.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ новомъ движеніи въ польскомъ обществѣ, мы должны возвратиться

къ тѣмъ невыгодамъ, какія представляла для взаимнаго сближенія обѣихъ сторонъ обычная прежде постановка «польскаго вопроса» въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Со стороны поляковъ, она проявлялась именно въ «золотыхъ мечтахъ, блестящихъ, но осужденныхъ оставаться въ области фантазіи». Такова была мечта объ особой «миссіи» польскаго народа, то есть о предназначеніи для Польши искупить страданіями грѣхи свои и другихъ народовъ и путемъ такого искупленія возродиться въ «первобытной славѣ», разумѣется въ границахъ 1772 года. Надо, впрочемъ, прибавить, что эта, очевидно совершенно произвольная, мечта была прямо *aus der Luft gegriffen*—поэтами. Въ чистомъ видѣ она выразилась въ «*Livre des pèlerins polonais*» Мицкевича, а подъ вліяніемъ мистическаго ученія Товіянскаго о мессіанизмѣ, то есть о преемственности духа, воплощающагося постепенно въ разныхъ избранныхъ людяхъ и указывающаго человѣчеству пути къ совершенству и счастью, таже основная фантазія внушила Словацкому его «*Anhelli*» и «*Króla Ducha*». Мечта эта увлекала молодежь и производила собственно то дѣйствіе, что облекала для нея патріотическія стремленія и надежды въ таинство нѣкоего псевдо-религіознаго культа. Но никогда фантастическая теорія миссіи не была принимаема въ основу какой-либо политической партіи и не провозглашалась публицистами въ видѣ реальной исходной точки для дѣйствія, что и было бы нелѣпостью.

Съ русской же стороны польскій попросъ, со времени славянофиловъ, постоянно—какъ мы видѣли до 1880 года—а отчасти и послѣ того ставился не только въ меньшихъ размѣрахъ, но можно сказать еще болѣе

отвлеченно. Почти одинаково широко съ крайними польскими патриотами, хотя и условно, ставиль его въ 1848 году Хомяковъ въ письмѣ къ А. О. Смирновой, напечатанномъ въ «Русской Мысли» въ 1881 г. «Пусть—говорить онъ—возстановится Польша во сколько можетъ: Познань съ Гданскомъ, княжество Галицкое и Краковъ, герцогство Варшавское и часть Литвы, не говорящая по-русски». Для рѣшенія вопроса о возстановленіи Польши Хомяковъ предлагалъ все-народное голосованіе въ упомянутыхъ земляхъ, съ тѣмъ, чтобы каждый голосъ подавался на родномъ языкѣ: польскомъ, литовскомъ, галицкомъ (т. е. малорусскомъ).

Правда, Хомяковъ, заявляя такое «предложеніе», ожидалъ, что голосованіе не привело бы къ возстановленію Польши. «Вѣроятныя послѣдствія—прибавлялъ онъ—при уничтоженіи аристократическаго вліянія и уменьшеніи городского вліянія (?), въ крестьянствѣ оказалось бы много голосовъ въ нашу пользу, а въ Галичѣ большинство (по средству языка и особенно по духовному средству) было бы или за насъ, или, по крайней мѣрѣ, за отдѣльное существованіе и этимъ самымъ старая, клерикально-аристократическая Польша была бы подорвана навсегда. Въ Литвѣ—то же или почти то же, вслѣдствіе употребленія литовскаго языка». Замѣтимъ, что Хомяковъ дѣлалъ, вдобавокъ, еще оговорку, чтобы такое же голосованіе было распространено «на славянъ Лузаціи и Шлезіи, хорватовъ, словаковъ, румыновъ и другихъ» славянъ, входящихъ въ предѣлы венгерскаго королевства; но не предлагалъ однако распространить голосованіе на всѣхъ южныхъ славянъ, безъ различія государственной связи.

Еще гораздо ранѣе, въ «Одѣ», написанной Хомяковымъ въ 1831 г. т. е. послѣ польскаго воз-

станія, идеальнымъ рѣшеніемъ всего славянскаго вопроса, вмѣстѣ съ польскимъ, представляется федерація славянскихъ племенъ подъ главенствомъ Россіи:

«Орлы славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзностнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ, сѣвернымъ орломъ.
Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны» и пр.¹⁾

Другіе славянофилы допускали двойное рѣшеніе польскаго вопроса: добровольную принадлежность Польши къ Россіи, вслѣдствіе «возрожденія» духа польскаго общества и влюченія въ него элементовъ народныхъ или—отреченіе Россіи отъ Польши. Но при этомъ, борьбу между покоренной областью и покорившимъ ее государствомъ, примѣровъ которой не мало въ новѣйшей исторіи Европы (Италія, Бельгія, Греція, Сербія, Болгарія, Шлезвигъ-Гольштейнъ Ирландія), славянофилы, въ данномъ случаѣ, постоянно ставили въ чрезмѣрно широкія рамки борьбы двухъ міровъ: восточно-православнаго и западно-католическаго и протестантскаго, что крайне усложняло вопросъ и удаляло его отъ дѣйствительности.

Такъ, по имѣнію Самарина²⁾, «возможны два пути къ будущему разрѣшенію политическаго вопроса о Польшѣ: нераздѣльное соединеніе Польши съ Россіей или добровольное и полное отреченіе Россіи отъ Польши». Но при этомъ «главное основаніе» польскаго вопроса Самаринъ видѣлъ не просто въ фактѣ завоеванія, съ одной стороны, и стремленія къ независимости или по меньшей мѣрѣ, къ охраненію на-

¹⁾ «Польскій вопросъ» Пыпина, «Вѣст. Европы» 1880 г.

²⁾ Тамъ же

роднаго быта—съ другой, а прежде всего—въ борьбѣ «двухъ міровъ». «Польша и Россія—говорить онъ—противоположны, какъ противоположны представляемыя ими начала, римско-латинское и православно-славянское». Онъ отсылалъ своихъ читателей къ христіанской догматикѣ Хомякова, «гдѣ вопросъ возведенъ къ первымъ вѣкамъ христіанства, когда на соборахъ опредѣлялось философско-догматически существо св. Троицы.» Вообще основная точка возрѣнія славянофиловъ на польскій вопросъ была прямо клерикальная, такая, которую они сами признали бы совершенно неподходящею къ рѣшенію политическихъ вопросовъ, еслибы ее примѣняли какіе-либо западные публицисты къ борьбѣ Нидерландовъ съ Испаніей или объединявшейся Италіи съ папою.

Нельзя не признать однако, что отношеніе къ польскому вопросу славянофиловъ было въ умственномъ смыслѣ несравненно выше, чѣмъ узко-бюрократическія и мелко-придирчивыя сужденія газетъ послѣдующаго времени. За немногими и рѣдко являвшимися исключеніями, газеты либеральнаго направленія обходили молчаніемъ то, что дѣлалось въ Царствѣ послѣ подавленія возстанія и надѣла крестьянъ землею. Зато органы лагеря противоположнаго, идя по слѣдамъ М. Н. Каткова, облюбовали польскій вопросъ и вообще вопросъ объ окраинахъ и постоянно обрабатывали его въ смыслѣ поддержанія раздраженія и возбужденія національныхъ страстей.

Со времени подавленія послѣдняго возстанія прошло 30 лѣтъ и въ Польшѣ царило полное спокойствіе. А между тѣмъ мѣры ограниченія, не только не отмѣнялись постепенно, но наоборотъ нагромож-

дались одна на другую, такъ, что трудно было составить себѣ какое-либо понятіе о ихъ предѣлѣ и окончательной цѣли.

За исключеніемъ всесословной гмины (волости), въ Царствѣ не существуетъ никакихъ органовъ самоуправления: нѣтъ ни земскихъ учрежденій, ни дворянскихъ собраній, ни думъ, ни совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ. Гминное же управленіе всецѣло подчинено административныхъ органамъ: начальникамъ уѣздовъ и коммисарамъ по крестьянскимъ дѣламъ. Исключительное положеніе и широкія полномочія мѣстной власти совершенно измѣнили тамъ относительное значеніе законовъ и административныхъ распоряженій до такой степени, что мѣры по приведенію въ дѣйствіе закона иногда прямо не согласовались съ его цѣлью. вмѣстѣ съ тѣмъ, и послѣ того, какъ доступъ образованнымъ полякамъ къ государственной службѣ былъ уже затрудненъ въ русскихъ губерніяхъ, а подъ вліяніемъ вѣчнаго газетнаго наускиванія, затруднился отчасти и въ службѣ торгово-промышленной, началось и постепенно все усиливалось устраненіе поляковъ отъ должностей въ самомъ Царствѣ.

Казалось, что чѣмъ далѣе зайти въ ограниченія и попыткахъ къ обрусѣнію Польши, тѣмъ лучше. Едва ли, впрочемъ, даже и самые близорукіе «русскіе дѣятели» въ томъ краѣ могли имѣть искреннее убѣжденіе въ возможности передѣлать восемь или десять милліоновъ поляковъ въ русскихъ посредствомъ той или другой системы.

II.

Но если и предположимъ, что люди всегда нуждаются во внутреннемъ убѣжденіи, въ нравственной поддержкѣ, даже и находясь въ условіяхъ полного простора для дѣйствій по усмотрѣнію, то такую поддержку мѣстные дѣятели находили въ той части русской печати, которая имѣла задачей отвлекъ вниманіе общества отъ дѣла внутреннихъ улучшеній посредствомъ разжиганія національныхъ предубѣжденій. Правда, послѣ Каткова, среди этой печати не оказывалось сколько-нибудь выдающихся талантовъ. Но и самому Каткову, и особенно его послѣдователямъ пришелся какъ разъ на-руку славянофильскій взглядъ на польскій вопросъ въ его распространенныхъ размѣрахъ, какъ на естественную и будто бы неизбѣжную борьбу двухъ міровъ: польско-латинскаго, «іезуитскаго» и аристократическаго съ славянско-православнымъ и всенароднымъ. Гильфердингъ провозгласилъ, что Польша совершила измѣну славянству уже тѣмъ, что приняла католичество, а не православіе. Самаринъ допускалъ, что примиреніе можетъ и не состояться никогда съ шляхетско-іезуитскимъ польскимъ обществомъ, полагалъ условіемъ примиренія враждовавшихъ народовъ полное «возрожденіе» поляковъ, то есть отреченіе ихъ отъ прежнихъ идеаловъ и главнымъ образомъ отъ латинства или, по меньшей мѣрѣ, рожденіе Польши новой, крестьянской, демократической.

Уже Катковъ, дѣятель практической, и съ своей стороны изобрѣвшій «валленродизмъ» и «польскій катехизисъ», черпалъ въ исторіософическихъ взглядахъ славянофиловъ, какъ въ арсеналѣ оружія, для

повседневной борьбы противъ не только уже какихъ-либо непомѣрныхъ притязаній поляковъ, но и противъ фактическаго распространенія на нихъ одной равноправности. Затѣмъ, публицисты того же направленія уже размѣняли упомянутыя философскія воззрѣнія и литературныя обвиненія на побранки и аргументы противъ допущенія относительно поляковъ хотя бы простой идеи человѣчности.

Создались цѣлый словарь и специальная логика для сужденія о дѣлахъ польскихъ, словарь и логика, которыхъ невозможно было бы, да никто и не думалъ примѣнять въ отношеніяхъ къ какой-либо иной національности. Не странно ли было видѣть, какъ тѣ же «консервативные» русскіе органы, которые носились съ дворянской идеей, указывая въ укрѣпленіи крупнаго дворянскаго землевладѣнія, въ предоставленіи ему особыхъ правъ въ мѣстномъ управленіи и въ нераздѣльности дворянскихъ имѣній (маіоратъ)—необходимый и надежный оплотъ государства противъ всякихъ бѣдъ, ставили полякамъ въ вину «шляхетскіе» идеалы и стремленія? — Тѣ же публицисты, которые распространеніе своего религіознаго исповѣданія признавали однимъ изъ основныхъ принциповъ консервативной политики, называли приверженность поляковъ къ ихъ религіи фанатизмомъ, изувѣрствомъ и іезуитизмомъ. Достаточно было называть ихъ «церкви» «костелами и «кляшторами», дворянство—«шляхтой», а приверженность къ вѣрѣ—«изувѣрствомъ» и всякое противорѣчіе собственнымъ принципамъ будто бы исчезало.

Корреспонденты изъ Царства и изъ западныхъ губерній имѣли постоянной задачей сыскъ проявленій польской интриги и «захватовъ» полонизма. А такъ

какъ при безотвѣтномъ положеніи поляковъ и бдительности властей трудно было находить факты въ этомъ родѣ сколько-нибудь выдающіеся и осязательные, то корреспонденціи обыкновенно наполнялись произвольными общими характеристиками или фактами мелкими, да къ тому же передаваемыми по слуху и неуловимыми по неказанію именъ, а нерѣдко и мѣсть происшествій.

Дѣйствуя такимъ образомъ, корреспонденты газетъ извѣстнаго лагеря постоянно снабжали редакціи обвинительнымъ матеріаломъ, который потомъ обрабатывался въ передовыхъ статьяхъ, метавшихъ громы и носившихъ заглавія, въ родѣ: «Новый подвохъ польщизны», «*Caveant consules*» и т. п. Выработался даже новый типъ спеціалистовъ по части полнофобскихъ статей, спеціалистовъ, которые вели это дѣло профессионально, снабжая своими обличеніями нѣсколько газетъ. Что касается постоянныхъ корреспондентовъ на мѣстахъ, то въ Царствѣ всѣ они принадлежали къ числу лицъ, состоявшихъ на службѣ въ томъ краѣ и тѣмъ охотнѣе выставлявшихъ его въ состояніи вѣчнаго броженія, если не революціи, что этимъ могла только подтверждаться мнимая необходимость полного простора дѣйствій, хотя бы для самыхъ мелкихъ представителей власти, а также сохраненія за служащими въ Царствѣ высшихъ окладовъ и другихъ служебныхъ преимуществъ.

Хотя обличеніе и огульныя обвиненія, которыми нѣкоторыя русскія газеты осыпали поляковъ, были по большей части неосновательны и всегда преувеличены, нельзя однако умолчать и о томъ, что нѣкоторую вѣроятность придавало имъ несомнѣнное и общеизвѣстное въ Россіи враждебное настроеніе поля-

ковъ по отношеніи къ ней. Напрасную тревогу, которую били газеты, избравшія себѣ эту спеціальность, можно уподобить ходившимъ по всей Россіи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ обвиненіямъ противъ поляковъ въ пожарахъ, которые испоконъ вѣка ежегодно истребляютъ части русскихъ городовъ, а иногда и цѣлые города. Никогда не было доказано, чтобы поджигателями являлись именно поляки и надо думать, что эти обвиненія были просто выдуманы подъ впечатлѣніемъ страха, внушеннаго бѣдствіемъ. Но въ нихъ сказывалось истекавшее изъ возстаній и изъ привычки видѣть въ полякахъ народъ, заслужившій кару и караемый, сознаніе ихъ враждебности къ русскому государству и ко всему русскому вообще. Это-то сознаніе и создавало въ русскомъ обществѣ почву для слишкомъ легковѣрнаго воспріятія многихъ газетныхъ заподозрѣваній, а иногда даже ничѣмъ не подтвержденныхъ сказокъ, въ родѣ сказки о «польскомъ катехизисѣ.»

Враждебное настроеніе въ большинствѣ польскаго общества, то есть въ той части народа, которой доступны понятія политическія, составляло фактъ несомнѣнный и, къ сожалѣнію, это враждебное настроеніе, въ свою очередь, не было разборчиво. Отъ всего, что только носило на себѣ характеръ оффиціальнаго польскаго общества сторонилось безусловно, хотя бы это были учрежденія или мѣры характера вовсе не политическаго, а общепольскаго, напр. санитарныя и даже благотворительныя. Ни въ образованномъ обществѣ, ни среди польскаго мѣщанства, которое унаслѣдовало еще отъ времени магдебургскаго права, нѣкоторый духъ сословной солидарности, никогда какая-либо власть не называлась «своей». Сказать напр. «нашъ» губернаторъ, «наше» управ-

леніе, «наши» законы (исключая кодексовъ Наполеона и какихъ-либо уцѣлѣвшихъ остатковъ прежнихъ польскихъ узаконеній) для поляка было невысказано; это уже было бы ренегатство. Точно также — любить или хвалить что-либо русское. Вражда была глухая, по необходимости сдержанная, но неподдѣльная. А впрочемъ, по мягкости славянскаго характера вообще и свойственной полякамъ любезности (хотя далеко не всегда искренней) инымъ русскимъ людямъ, даже служащимъ удавалось отлично уживаться въ провинціальныхъ польскихъ городахъ.

Печальныхъ случаевъ въ томъ краѣ бывало слишкомъ много, едва ли не въ каждой образованной семьѣ и во множествѣ семей ремесленнаго сословія и о нихъ хранилось близкое воспоминаніе. Сверхъ того, раздраженіе поддерживалось и запрещенными, но проникавшими изъ-за границы газетными статьями, брошюрами и стихотвореніями. Закордонныя польскія газеты до послѣднихъ двухъ лѣтъ впадали въ ту же крайность, какъ и нѣкоторыя русскія спеціально полонофобскія изданія. Не было небыллицы про Россію, которая не принималась бы ими на вѣру и не воспроизводилась съ обычными комментаріями о «рабствѣ», «кнутѣ» и «Сибири».

Польское общество жило въ странномъ и для русскихъ людей даже малопонятномъ политическо-нравственномъ состояніи. Оно фактически повиновалось не только повелѣніямъ «чужихъ» законовъ, но и всякому, часто произвольному требованію и распоряженію начальника уѣзда или комиссара по крестьянскимъ дѣламъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, оно всѣхъ этихъ повелѣній, распоряженій и требованій «не признавало», видѣло въ нихъ просто дѣйствіе

стихийной, «чужой» силы. А между тѣмъ, нерѣдко по частному дѣлу, тому же непримиримому и не признающему властей поляку приходилось обращаться къ ихъ разрѣшенію или содѣйствію, а иногда даже представлять имъ удостовѣренія о своей политической благонадежности.

Не подлежитъ сомнѣнію, что это добровольное самоустраненіе отъ всего, носившаго на себѣ оффиціальную печать, довольно похоже на то, какъ оно проявляется у русскихъ сектантовъ «странниковъ» и «бѣгуновъ», видящихъ въ государствѣ—антихриста. Постоянное принужденіе и неизбѣжная, при наружномъ повиновеніи, а внутреннемъ возмущеніи, двуличность представляли собой крайне нездоровыя условія общественно-нравственнаго быта. И вспомнимъ, что такое состояніе длилось болѣе 60 лѣтъ. Оно было впервые порождено подавленіемъ возстанія 1830 и 1831 гг., но упрочилось именно подъ вліяніемъ 20-ти лѣтняго желѣзнаго режима Паскевича, когда не только распоряженія властей—отчасти по необходимости, но весьма часто и безъ нея—были крайне суровы, но еще и приводились въ исполненіе въ духѣ злобномъ, въ стремленіи не только повелѣвать, но и унижить при каждомъ случаѣ человѣческое достоинство и оскорбить національное чувство поляковъ.

Приведемъ здѣсь въ подтвержденіе только что указанной нами черты въ польскомъ политическомъ настроеніи нѣсколько словъ изъ одной, изданной три года тому назадъ польской брошюры, написанной уже въ духѣ примирительномъ ¹⁾. «Со старой дороги—говорится въ ней—мы сошли, но на новую вступить не

¹⁾ «Obrachunki Polityczne».

рѣшаемся. Мы не рѣшились доселѣ признать нашу принадлежность къ русскому государству за фактъ нормальный, примириться съ неизбежностью дальнѣйшаго существованія этого факта, у насъ не хватало на это мужества предъ самими собою». Въ брошюрѣ эта непримиримость довольно удачно сравнена съ «non possumus». Россія владѣла Польшею, всѣ повелѣнія и распоряженія русскихъ властей исполнялись поляками, по скольку они были къ тому вынуждены. И всетаки, они тѣшили себя тѣмъ, что нравственно не признаютъ ни властей, ни всякихъ дѣлъ послѣднихъ, претерпѣваютъ ихъ механически, но протестуя внутренно, а въ своей средѣ—гласно. Впрочемъ, выраженіе «тѣшили» себя мы употребили здѣсь только потому, что явленіе это должно было казаться страннымъ, со стороны. На самомъ же дѣлѣ оно, выражая собою непримиримость, имѣло не только серьезное, но даже преобладающее въ вопросѣ значеніе.

III.

Въ предшествующемъ мы бросили взглядъ на условія общественной жизни, создавшіяся для поляковъ послѣ возстаній, на отношеніе къ нимъ той воинствующей части русской печати, которая постоянно взывала къ дальнѣйшимъ ограниченіямъ и на настроеніе польскаго общества, которое хотя отказалось отъ борьбы активной, но насколько могло, сторонилось отъ государства, замыкаясь въ бездѣятельной непримиримости, возводя ее въ патріотическую обязанность и даже находя въ ней какъ бы извѣстнаго рода утѣшеніе среди горькой дѣйствительности.

Положеніе казалось безвыходнымъ. Но оно было неудовлетворительно не только для стороны покоренной и слабой, а также и для той стороны, въ рукахъ которой находится сила.

Одной матеріальной силою нельзя править неопредѣленное время. Порядокъ, держащійся на ней одной, не удовлетворяетъ и тѣхъ, кто одержалъ побѣду, но не можетъ не сознавать, что она остается неполною и даже какъ бы неокончательною безъ согласія присоединеннаго населенія. Были времена, когда побѣжденные народы обращались въ рабство; тогда можно было обходиться безъ нравственнаго признанія и добровольнаго содѣйствія покоренныхъ для утвержденія новаго порядка. Но когда миллионы людей остаются гражданами, они по необходимости призываются къ участию въ строительствѣ новаго порядка. И пока они сторонятся, органы власти видятъ въ этомъ какъ бы продолженіе борьбы, поводъ къ недовѣрію и къ мѣрамъ дальнѣйшаго приниженія, а желая создать что-либо прочное, чувствуютъ, что они дѣйствуютъ въ нѣкой пустотѣ и не находятъ для строительства того цемента, который въ дѣлахъ общественныхъ можетъ составить только сила органическая.

Это хорошо понималъ Николай Милютинъ. Въ своей запискѣ къ проекту объ учрежденіи гминнаго управленія и суда, онъ высказывалъ именно, что основаніемъ прочной политической системы въ Царствѣ можетъ быть лишь сила нравственная, ссылаясь на поговорку, что «on peut s'appuyer sur les bayonnettes, mais non pas s'y asseoir», говорилъ даже, что еслибы пришлось отказаться отъ надежды основать въ Польшѣ новый порядокъ на нравственной солидарности населенія, то слѣдовало бы отказаться отъ самой Поль-

ши. Установленія такой солидарности онъ и ждалъ отъ Польши обновленной, крестьянской, и прибавлялъ, что съ приобрѣтеніемъ нравственнаго соучастія народа слѣдуетъ снѣшить, такъ какъ впечатлѣніе, произведенное земельнымъ надѣломъ съ годами будетъ изглаживаться. Но дальнѣйшая мѣстная практика совѣмъ уклонилась отъ воззрѣній Милютина. Она состояла изъ ряда постоянныхъ шаговъ все въ сторону ограниченія правъ и полного пренебреженія къ силамъ нравственнымъ. Для созданія обновленной, крестьянской Польши необходимо было дать прежде всего широкую постановку народной школѣ и сдѣлать ее для крестьянъ симпатичною. Но съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ и что же мы видимъ? общій упадокъ уровня образованія.

Развѣ при этихъ условіяхъ позволительно ожидать созданія такой обновленной, крестьянской, но сознательной Польши, которая составила бы нравственную силу и прочное основаніе для новой системы управленія краемъ? Впрочемъ, о систематичности всего мѣне заботились. Политическая система есть нѣчто раціональное, рассчитанное на достиженіе ясно определенной цѣли и вмѣщающее въ себѣ только тѣ требованія, которыя соотвѣтствуютъ этой цѣли. Идти же все впередъ по пути ограниченій, не задаваясь даже вопросомъ, на чемъ остановиться, что осуществимо, а что нѣтъ—это уже не система, а рутина, это и не политика, а просто бюрократическая инерція въ направленіи первоначальнаго толчка.

Повторяемъ, очерченное выше положеніе дѣлъ въ Польшѣ не могло казаться удовлетворительнымъ и для сильнѣйшей стороны, если разумѣть великое, мировое, государство, а не мѣстныхъ чиновниковъ съ ихъ

исключительными правами и преимуществами. Какъ ни громаднa сила Россіи, какъ ни безоружна давно уже была Варшава противъ господствующей надъ ней цитаделью, для русскаго общества, а весьма вѣроятно и для центральной власти Польша всетаки постоянно представлялась обузою. Разница была, пожалуй, лишь въ томъ, что власть цѣнила стратегическое положеніе Польши, вдающейя клиномъ между Австріею и Пруссіею, а русское общество менѣе думало о такой выгодѣ.

Наиболѣе образованные люди въ Россіи, постоянно сознававшіе необходимость дальнѣйшихъ внутреннихъ преобразованій, не могли не сознавать одновременно, что система устрашенія и стѣсненій въ Польшѣ всегда совпадала съ подъемомъ реакціи въ самой Россіи. Въ либеральное царствованіе Александра I послѣдовало образованіе Царства Польскаго, какъ края, соединеннаго съ Россіею, но получившаго отдѣльное управленіе на началахъ представительства, подобно В. Княжеству Финляндскому, въ ту же эпоху присоединенному къ русскому государству; Паскевичевскому военно-полицейскому режиму въ Польшѣ соотвѣтствовалъ въ Россіи тридцатилѣтній періодъ самообольщенія, и самовосхваленія выдававшихся за патріотизмъ и національную самобытность. Затѣмъ, въ началѣ 60-хъ годовъ совпали великія преобразованія въ Россіи и попытка примиренія поляковъ предоставленіемъ Царству Польскому автономіи въ гражданскомъ управленіи. Далѣе, за новымъ возстаніемъ въ Польшѣ и возстановленіемъ тамъ и въ сосѣднихъ губерніяхъ военнаго режима, скоро появились первые зачатки реакціи въ самой Россіи. Не случайно Муравьевъ, правившій въ 1865 году въ Вильнѣ, въ 1866 году явился уже въ должности петербургскаго

генераль-губернатора съ чрезвычайными полномочіями. Наконецъ, и послѣдовавшій долговременный походъ противъ поляковъ производился органами реакціи и оставался не безъ вліянія на дѣйствія властей въ Польшѣ именно потому, что органы тѣ, въ теченіе того же продолжительнаго періода, пользовались также вліяніемъ въ самой Россіи въ томъ же смыслѣ и благодаря тѣмъ же приемамъ—обличенію мнимой слабости разныхъ вѣдомствъ, заподозрѣванію русской интеллигенціи, которую они называли не иначе, какъ «дряблой и ничтожной», независимыхъ судовъ, которые выставлялись чуть ли не какъ мятежное «государство въ государствѣ», наравнѣ съ заподозрѣваніями всюду польской интриги, съ безпрестаннымъ требованіемъ передѣлки недавно произведенныхъ преобразованій и всевозможнаго усиленія мѣръ строгости внѣ или поверхъ закона.

Подобныя совпаденія представлялись вполнѣ естественными, завися отъ того, какія теченія мысли государственной получали преобладаніе и къ какимъ дѣятелямъ, въ каждомъ отдѣльномъ періодѣ, переходило вліяніе. Даже независимо отъ самостоятельно выработанныхъ взглядовъ, сама практика вырабатываетъ у дѣятелей извѣстныя привычки и преимущественную склонность къ приемамъ того или другого рода. Не подлежитъ сомнѣнію, что просторъ личнаго усмотрѣнія и привычка къ дополненію закона собственными распоряженіями, усвоенныя «дѣятелями» на окраинѣ не будутъ оставлены ими на мѣстѣ, какъ поношенный виць-мундиръ, при переходѣ на высшую должность, уже въ центрѣ государства.

Не можетъ быть худшей школы для администраторовъ, чѣмъ дѣятельность, внушаемая постояннымъ недовѣріемъ ко всему окружающему и, въ свою

очередь, протекающая среди всеобщаго недоверія и нерасположенія. А благодаря печальнымъ отношеніямъ между поляками и Россіей въ продолженіи болѣе, чѣмъ 60-тилѣтняго періода, Польша служила именно такою школою для администраторовъ разныхъ степеней въ самой Россіи.

Слишкомъ усердные «дѣятели» на мѣстѣ и та часть русской печати, которая поддерживала ихъ виды, постоянно ссылались противъ всякой мысли объ установленіи болѣе благопріятныхъ отношеній къ полякамъ—на такой аргументъ, что полякамъ нельзя дѣлать никакой уступки, такъ какъ вслѣдъ за одной уступкой они тотчасъ потребуютъ другой, третьей—и т. д. Но дѣло въ томъ, что по этому воззрѣнію и отказъ мѣстныхъ дѣятелей отъ неправильнаго толкованія законовъ, какъ только оно основывается на рядѣ «бывшихъ примѣровъ», уже составлялъ бы уступку, а въ этомъ—очевидная натяжка. Еслибы даже только возстановить въ Царствѣ въ полной силѣ дѣйствіе законовъ и началъ управленія, выраженныхъ въ указахъ, отмѣнивъ хотя бы лишь всю массу нагромоздившихся за послѣднія 30 лѣтъ «примѣнительныхъ» и распространительныхъ указовъ, то упомянутые «мѣстные дѣятели» и органы печати несомнѣнно увидѣли бы въ этомъ большую и крайне нежелательную, даже опасную, на ихъ взглядъ, уступку. А между тѣмъ, если это и можно назвать «уступкой», то вѣдь то была бы уступка не польскимъ мечтаніямъ, но—законамъ российской имперіи и указамъ высшей власти.

То же самое слѣдуетъ сказать и о дарованіи полякамъ равноправности съ прочими русскими гражданами и о введеніи въ Царствѣ земскихъ, городскихъ и судебныхъ учрежденій въ томъ самомъ видѣ, какъ

они существуютъ внутри Россіи. Нѣтъ смысла видѣть въ полномъ уравнині поляковъ съ русскими и нѣмцами, а польской губерніи, польскаго уѣзда и города съ центральными губерніею, уѣздомъ и городомъ— «уступки» полякамъ, долженствующей въ нихъ якобы возбудить мечты объ отпаденіи отъ Россіи и пріобрѣтеніи политической независимости. Наоборотъ, ярые обличители и разслѣдователи сепаратизмовъ сами поддерживаютъ сепаратизмъ, доказывая необходимость исключительныхъ условій на окраинахъ. То, что могло являться неизбѣжнымъ въ моментъ борьбы, должно было имѣть лишь временный характеръ, а 30-тилѣтній періодъ, при полномъ уже спокойствіи, очевидно, слишкомъ продолжителенъ для временныхъ мѣръ.

Нельзя не сознать, что еслибы взаимныя отношенія сложились благопріятно, еслибы поляки пріобрѣвъ въ государствѣ полную равноправность и одинаковыя съ остальными областями учрежденія, явились въ самомъ дѣлѣ искренно солидарными членами его, гражданами нравственно преданными интересамъ его развитія и его могущества, то это, само по себѣ, составило бы важный шагъ въ исторіи славянскихъ отношеній Россіи. Покойный генералъ Фадѣевъ сказалъ не даромъ, что «рѣшеніе славянскаго вопроса для Россіи невысказано безъ предварительнаго рѣшенія польскаго вопроса».

Нельзя не коснуться еще одного немаловажнаго преимущества, которое было бы доставлено отысканіемъ удовлетворительнаго *modus vivendi* съ поляками,—каковой, судя по современнымъ заявленіямъ польскихъ газетъ, самимъ полякамъ представляется нынѣ только въ формѣ полной равноправности.

Выше было упомянуто мимоходомъ о стратеги-

ческомъ значеніи для Россіи обладанія Польшею. Конечно Россія достаточно сильна, чтобы она нуждалась въ какомъ либо содѣйствіи жителей Царства въ случаѣ войны съ западными сосѣдями. Совокупность новѣйшихъ усовершенствованій до такой степени усилила въ веденіи войны элементъ, такъ сказать, «машинный», что лишенное его гражданское населеніе, хотя бы оно поголовно вооружилось косами, топорами и даже ружьями,—не могло бы усилить русской арміи. Точно также, и возстаніе этого населенія лишь весьма мало затруднило бы дѣйствія русскихъ войскъ противъ внѣшнихъ непріятелей.

Но здѣсь опять представляется, далеко не мало-важное и въ этомъ отношеніи значеніе силы нравственной. Настроеніе пограничной области государства не можетъ не быть принимаемо въ расчетъ внѣшними непріятелями или хотя бы только соперниками этого государства въ мирное время. При обсужденіи вѣроятностей войны и даже при составленіи плановъ военныхъ дѣйствій, для обѣихъ сторонъ вовсе не все равно, какъ расположено по отношенію каждой изъ нихъ населеніе той или другой изъ пограничныхъ областей.

Разсматривая впередъ могуція произойти комбинаціи, мы были бы увѣрены, напр., что русское занятіе провинцій, именуемыхъ восточной и западной Пруссіей, могло бы быть только временное. Но совершенно иначе могъ бы представляться намъ вопросъ о занятіи Познани или Галиціи, еслибы мы знали, что мѣстныя населенія болѣе расположены къ Россіи, чѣмъ къ Пруссіи и Австріи. Совершенно также должны смотрѣть и государственные люди у нашихъ сосѣдей на Царство Польское.

Чтобы точнѣе объяснить эту мысль, предположимъ на минуту, что отношенія сдѣлались въ Царствѣ Польскомъ вполне удовлетворительны, даже до такой степени удовлетворительны, что познанскіе поляки, которые все болѣе тяготятся усиливающеюся системою германизациі, завидуютъ положенію населенія въ Царствѣ. Въ виду такого факта, германское правительство, готовясь къ возможной войнѣ съ Россіей, можетъ разсчитывать на занятіе Царства германскими войсками, но только на занятіе временное, потому что ему не было бы никакой выгоды присоединить къ своимъ двумъ милліонамъ враждебно настроеннаго польскаго населенія еще восемь милліоновъ населенія русской Польши, которое пришлось бы отрывать отъ Россіи противъ его воли и держать силою. Россія же, въ томъ самомъ предположеніи, будетъ имѣть въ виду, во-первыхъ, что если Царство и можетъ быть временно занято непріятелемъ, то отторгнуто отъ Россіи оно быть не можетъ, между тѣмъ, какъ при занятіи русскими войсками княжества Познанскаго, оно могло бы, въ случаѣ успѣха русскаго оружія, остаться за Россією. Такимъ образомъ, ставки съ обѣихъ сторонъ въ той страшной игрѣ, которая называется войною, представлялись бы неравными, т. е. Россія при неудачѣ могла бы менѣе потерять, чѣмъ Германія, а при успѣхѣ болѣе, чѣмъ эта послѣдняя пріобрѣсти.

Точно такъ же и при обратномъ предположеніи. Допустимъ, для примѣра, что отношенія въ Царствѣ становились бы еще менѣе благопріятны, чѣмъ нынѣ, что въ Царство, по мысли полонофобскихъ газетъ, направлена русская колонизація на государственный счетъ, а полякамъ воспрещено пріобрѣтать землю

иначе, какъ путемъ наслѣдства; что поляки не допускаются даже на должности желѣзнодорожныхъ рабочихъ, что треть костеловъ закрыты, а въ остальныхъ принудительно вводится дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ. Нельзя сомнѣваться, что при такомъ положеніи дѣлъ въ Царствѣ, познанскіе поляки считали бы себя всетаки гораздо болѣе обезпеченными въ правахъ, и Россіи при наибольшей удачѣ на войнѣ, не было бы разчета, присоединеніемъ какой-либо провинціи усиливать тотъ элементъ, котораго полное обрусѣніе составляетъ ея цѣль у себя дома. Германія же при подобныхъ условіяхъ, могла-бы разсчитать свой планъ военныхъ дѣйствій такъ, чтобы занять окончательно населенныя поляками губерніи Россіи и не предпринимать рискованнаго похода въ центръ ея, предоставивъ русскимъ арміямъ задачу изгнанія германскихъ армій изъ Царства.

Предшествующимъ примѣромъ мы хотѣли только выяснить то обстоятельство, что хотя ни въ какомъ содѣйствіи поляковъ при войнѣ Россія не нуждается и никакое польское возстаніе, даже при виѣшней войнѣ, не могло бы представляться для нея опаснымъ, но тѣмъ не менѣе, ошибочно было бы утверждать, что не только въ политическомъ, но даже и въ стратегическомъ отношеніи совсѣмъ ужъ не надо считаться съ настроеніемъ покоренныхъ областей.

Мы должны остановиться еще нѣсколько долѣе на почвѣ виѣшнихъ для Россіи соображеній—въ виду того именно обстоятельства, что польское населеніе не замыкается въ предѣлахъ одной Россіи, но значительныя его части входятъ еще въ составъ сосѣднихъ государствъ, Пруссіи и Австріи, находящихся въ союзѣ противъ Россіи и Франціи. Раздѣленный

на три части въ смыслѣ политическомъ и таможенномъ польскій народъ, какъ живой организмъ, сохраняетъ и доселѣ органическую цѣльность и улучшение русско-польскихъ отношеній не можетъ не отзываться въ настроеніи всѣхъ поляковъ вообще относительно Россіи.

Виды отдаленнаго будущаго не входятъ въ рамки настоящей статьи. Но мы хотѣли впередъ устранить возраженія въ томъ именно смыслѣ, что на русско-польскія отношенія всегда будутъ до нѣкоторой степени вліять мнѣнія и стремленія поляковъ австрійскихъ и прусскихъ. На это мы и отвѣчаемъ, что разъ улучшение отношеній будетъ осуществлено, есть основаніе полагать, что ни въ Пруссіи, ни въ Австріи поляки не только не будутъ этимъ недовольны, но наоборотъ, и сами совершенно измѣнятъ свое настроеніе по отношенію къ Россіи. Еще въ 1872 году извѣстный польскій писатель и патриотъ Крашевскій, въ своей брошюрѣ «Ludziom dobrej wiary i dobrej woli» сравнивая положеніе поляковъ въ трехъ раздѣленныхъ частяхъ Польши, указывалъ, что только въ Конгрессувкѣ, т. е. въ Царствѣ, польское населеніе находится въ благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ и взывалъ въ будущемъ къ соглашенію польскаго народа съ Россіей.

Такое соглашеніе, если можно назвать этимъ именемъ обоюдное намѣреніе улучшить и урегулировать окончательно свои взаимныя отношенія, на началѣ полной равноправности, и должно состояться. Этого требуетъ прежде всего интересъ поляковъ въ Царствѣ, поставленныхъ въ тяжкія условія, единственнымъ выходомъ изъ которыхъ и представляется окончательное примиреніе съ приговоромъ исторіи, заявленіе о нравственной солидарности съ государ-

ствомъ, въ которое по волѣ судебъ вошло большинство польскаго народа, и при этомъ такой образъ дѣйствій, который бы подтвердилъ это заявленіе и внушилъ государству такое же довѣріе, какое оно имѣетъ къ своимъ гражданамъ нѣмцамъ. Затѣмъ, славянская единоплеменность русскихъ и поляковъ естественно сдѣлаетъ въ послѣдствіи ихъ взаимное сближеніе болѣе жизненнымъ и тѣснымъ.

Но, какъ было объяснено выше и государственная польза, и внутренніе интересы русскаго общества, и, наконецъ, положеніе Россіи въ славянствѣ громко требуютъ, чтобы въ Царствѣ, не уклоняясь отъ высшихъ государственныхъ интересовъ, установилась наконецъ окончательная, раціональная и удовлетворяющая справедливыя желанія поляковъ система, съ отмѣною всѣхъ какъ въ Царствѣ, такъ и во внутреннихъ губерніяхъ исключительныхъ мѣръ и ограниченій.

IV.

Цѣлый рядъ заявленій выдающихся людей среди поляковъ и со стороны польской печати, а наконецъ, недавнія проявленія народныхъ чувствъ въ Варшавѣ свидѣтельствуя, что благопріятный моментъ уже наступилъ, что въ настроеніи польскаго общества дѣйствительно произошелъ переворотъ, которымъ необходимо воспользоваться. Моментъ этотъ представляетъ собою нѣчто новое, нѣчто, бывшее совершенно немыслимымъ еще всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но это новое не импровизировано вдругъ, оно постепенно подготовлялось уже издавна и самая эта постепенность ручается за полную искренность нынѣшнихъ заявленій, которая и была признана въ знаменательныхъ словахъ, возбуждившихъ ликование въ населеніи Варшавы.

Не внезапный порывъ, не безсознательное увлеченіе представляетъ тотъ умственный и нравственный поворотъ, который совершился въ польскомъ обществѣ. Перемяна эта зародилась среди горя и страданій, смотрѣть въ глаза трезвой правдѣ польское общество училось въ суровой школѣ горькихъ разочарованій и потрясенія всѣхъ основъ быта. Почва для такой перемяны была создана той катастрофой, какою явилось возстаніе 1863 года и его послѣдствія.

Надо сказать, что не только большинство польскаго образованнаго общества, за исключеніемъ сподвижниковъ Велепольскаго, по своему образу мыслей, настроенію, увлеченіямъ, было умственно виновно въ предпріятіи 1863 года въ томъ смыслѣ, что представляло собою среду, которая была бессильна удержать фанатиковъ, предпринявшихъ непосильную борьбу

послѣ того, какъ былъ расторгнутъ «священный союзъ», послѣ упраздненія трактатовъ 1815 года Наполеономъ III, послѣ освобожденія имъ Италіи и въ виду предполагавшейся готовности его къ новымъ вмѣшательствамъ и войнамъ.

Необходимо принять во вниманіе, что польское общество наканунѣ 60-хъ годовъ было совершенно то самое, которое единодушно участвовало въ революціи 1830 года, произведенной въ такой моментъ, когда по политическимъ обстоятельствамъ въ Европѣ подобное предпріятіе представлялось чуть ли не еще болѣе безразсуднымъ, чѣмъ несчастная попытка 1863 года. Въ 1830 году Царство Польское рисковало политической самостоятельностью, не имѣя никакихъ данныхъ, чтобы разсчитывать на помощь Людовика-Филиппа, а тѣмъ болѣе англійскихъ министровъ, рисковало при существованіи тѣснаго союза трехъ окружающихъ Польшу могущественныхъ державъ. Правда, въ то время было польское войско. Но развѣ же возможно было полагаться на 30 тысячъ чело-вѣкъ въ борьбѣ съ неисчислимыми силами Россіи, а вдобавокъ—при полномъ согласіи державъ, заинтересованныхъ въ подавленіи всякой революціи вообще, а тѣмъ болѣе возстанія поляковъ?

Какъ преданія времени Костюшки и традиціи польскихъ легионовъ первой французской имперіи одушевляли польское общество въ 1830 году, такъ точно легенда объ утраченномъ, мечты о независимости, воспоминаніе о революціи и нѣкая слѣпая вѣра въ вѣроятность невозможнаго, въ волшебную силу нѣкоторыхъ словъ, составляли и при началѣ 60-хъ годовъ политическое credo каждаго поляка. Сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ Польшѣ владѣлъ умами

романтизмъ, столь соотвѣтствовавшій національному польскому характеру и къ тому же вмѣщавшій въ себѣ повсюду элементъ національнаго возрожденія. Романтизмъ—это не только Байронъ, глава плеяды его бардовъ, это также—воспѣтое имъ возстаніе слабой Греціи, отчаянные ея бои, вызвавшіе вмѣшательство Европы и освобожденіе. «Мѣрь силу согласно своей цѣли, а не цѣль по размѣрамъ силъ» Мицкевича и характерное выраженіе *sperare contra spem*—таковы были девизы тогдашняго польскаго общества. Воспламененное поэзію Мицкевича, Словацкаго, Красинскаго, умственно руководимое эмиграціею—уже по одному тому, что всякое проявленіе политической мысли было подавлено въ границахъ прежней Польши,—это общество находилось въ условіяхъ совершенно исключительныхъ.

Не въ оправданіе, но въ дополнительное объясненіе взрыва послѣдовавшаго въ Варшавѣ въ февралѣ 1863 года можно привести и то обстоятельство, что система управленія, порученная Велепольскому, явилась уже послѣ того, какъ цѣлый рядъ политическихъ манифестацій на улицахъ Варшавы разжегъ умы и фактически создалъ тайный органъ, руководившій движеніемъ. Нѣтъ нынѣ ни одного поляка, который бы не признавалъ возстанія, возникшаго послѣ дарованія Польшѣ важныхъ правъ—безразсуднымъ. Но тѣмъ не менѣе, историческая справедливость не должна забывать, что намѣреніе ввести преобразованія осуществилось въ ту эпоху нѣсколько поздно, въ такую минуту, когда волна общественнаго движенія была высоко и ее уже поздно было остановить введеніемъ самыхъ очевидныхъ улучшеній. Въ исторіи это далеко не единственный примѣръ, когда уступки не останавливали расходившагося движенія.

Но именно тогдашняя катастрофа и стала эрою умственной переработки для польскаго общества. Здѣсь есть нѣкоторая аналогія съ тѣмъ, что происходило въ русской общественной мысли послѣ крымской войны. Но разница настолько уже велика, насколько потрясеніе, произведенное катастрофою и ея послѣдствіями были для польскаго общества болѣе осязательными. Крымская война была для Россіи только неудачею, нисколько не пошатнувшей ея основныхъ устоевъ. А погромъ 1863 года и послѣдующихъ годовъ для польскаго общества уподобился землетрясенію, послѣ котораго не осталось камня на камнѣ и все зданіе приходилось отстраивать заново.

За охмѣленіемъ вѣрою въ Европу наступило пробужденіе къ горькой дѣйствительности. Прежде всего приходилось подумать о приведеніи въ порядокъ положенія экономическаго. Хозяйства были разорены и множество людей лишились заработка, а немалое число семей—своихъ членовъ—работниковъ. Кромѣ того, послѣ лихорадочнаго напряженія нервовъ польское общество чувствовало глубокую потребность спокойствія будничнаго, апатичнаго. Подобно тому какъ тяжело больной, пробуждаясь къ сознанію, бываетъ поглощенъ мелкими потребностями жизни физической и съ отвращеніемъ думаетъ о какихъ-либо большихъ усиліяхъ, о чемъ-либо, требующемъ энергіи и соединенномъ съ опасностью, польское общество въ тотъ моментъ жаждало только отдыха и интересовалось лишь прозаическими вещами, съ отвращеніемъ устраняясь отъ политики. Въ тотъ моментъ къ настроенію его были примѣнимы вполне слова Сильвіо Пеллико въ краткомъ предисловіи къ его запискамъ «Le mie prigioni»: «оставляю политику, какъ она есть, и повѣствую объ иномъ».

Дворянство было поставлено въ новыя хозяйственныя условія вслѣдствіе отиѣны рабочей повинности крестьянъ. Для веденія хозяйства требовались наличныя деньги и улучшенныя приемы, а денегъ не было. На первый планъ выдвинулись экономическіе вопросы и сознаніе отсталости отъ Запада въ земледѣліи, промышленности, сообщеніяхъ и народномъ образованіи. Возникло убѣжденіе въ необходимости «работы у основъ быта», улучшеній ближайшихъ и достижимыхъ, ученья и труда.

V.

Такое отрезвленіе и предрасположеніе умовъ къ хозяйственнымъ интересамъ и дѣятельности, опирающейся на знаніи, соотвѣтствовали и духу времени. Періодъ громаднago развитія промышленности и капитализма, наступившій на Западѣ съ 40-хъ годовъ и происходившая одновременно эволюція въ міросозерцаніи почти не коснулись Польши до 60-хъ годовъ. Фабричная промышленность, насаждаемая нѣмцами, уже возникала, но была еще въ зародышѣ, а умы были поглощены политическими стремленіями и идеалами романтизма.

Такимъ образомъ польское общество и въ сравненіи съ русскимъ, отстало на нѣсколько лѣтъ въ усвоеніи новаго, такъ называемаго позитивнаго направленія мысли. Въ Россіи оно выразилось еще съ конца 50-хъ годовъ, какъ только нѣсколько облегчились для печати связывавшія ее цензурныя условія. Въ польскомъ же обществѣ лишь нѣсколько лѣтъ позднѣе, и то сперва только среди молодежи, сказалось стремленіе къ подысканію для умственной

и общественной жизни новыхъ основъ, заимствованныхъ изъ опыта и науки. Распространители и поборники позитивнаго направленія вышли изъ Варшавской «Главной Школы», учрежденной въ 1862 году. По свойству этого направленія, борьба его съ національнымъ самообольщеніемъ и съ прежнимъ міросозерцаніемъ представляла нѣкоторыя сходныя черты съ тѣмъ, какъ она отразилась въ русской печати въ 60-ыхъ годахъ. Такъ, тотъ же контрастъ, который представленъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» Тургенева, выразился въ Варшавѣ въ борьбѣ между «молодой и старой печатью».

Бокль, Дарвинъ, Милль, Спенсеръ, Ренанъ, Тэнъ, Мошоттъ, Фохтъ и Бюхнеръ, увлеченіе естествознаніемъ, новыми экономическими и соціальными взглядами—все это какъ то внезапно ворвалось въ умственный кругозоръ польскаго общества, сходно съ тѣмъ, что происходило и въ обществѣ русскомъ. Сочиненія названныхъ писателей выходили въ польскомъ переводѣ, конечно, за границу и лишь нѣкоторыя въ Варшавѣ. Но надо отмѣтить ту особенность, что варшавская цензура, неумолимо строгая послѣ возстанія и доведшая мѣстную польскую печать до полного ничтожества въ политическомъ отношеніи, оказывалась гораздо снисходительнѣе къ пропагандѣ новыхъ научно-философскихъ идей, быть можетъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы ослабить вліяніе католическаго духовенства.

И несомнѣнно, новыя идеи подкапывали умственное господство клерикализма. Но для насъ важнѣе то, что «молодая» печать стала смѣло воевать съ національнымъ самообольщеніемъ, развѣнчивать романтизмъ, какъ политическій, такъ и литературный. Осно-

ванный въ 1866 г. Адамомъ Вислицкимъ «Przegląd Tygodniowy» явился въ авангардъ молодой печати за нимъ послѣдовало двухнедѣльное изданіе «Niwa» (1872), основанное на артельныхъ началахъ, ежедневная газета «Nowiny» (1878 г.), еженедѣльная «Prawda», основанная въ 1881 году Александромъ Свентоховскимъ, виднѣйшимъ изъ сотрудниковъ «Przeglądu» и «Niwy»¹⁾. Участіе его въ первой изъ сейчасъ названныхъ двухъ газетъ выразилось между прочимъ въ веденіи отдѣла въ фельетонномъ родѣ: «Echa Warszawskie», съ боевымъ назначеніемъ, въ томъ же родѣ, какъ Добролюбовскаго «Свистка» въ «Современникѣ».

Заглавія нѣкоторыхъ «програмныхъ» статей молодой печати обратились въ своего рода лозунги, какъ на примѣръ «Praca u podstaw» (работа у основъ), «Praca organiczna», «Utylitaryzm w literaturze» и сами уже обнаруживали новое направленіе мысли въ области общественной жизни и литературы. Какъ примѣры высказывавшагося молодой, «научной» печатью отреченія отъ долгаго самообольщенія подъ вліяніемъ страстныхъ порывовъ патріотической поэзіи и идеи «миссіи» польскаго народа, приведемъ слѣдующія слова «Prawdy», напечатанныя въ 1881 году: «намъ говорили, что мы единый народъ народовъ, какіе-то особенные избранники, миссія которыхъ — распространеніе истиннаго просвѣщенія между всѣмъ человѣчествомъ; въ дѣйствительности же мы, чего никогда не слѣдуетъ забывать, только очень небольшой народъ и вмѣсто того, чтобы мечтать о какомъ-то духовномъ

¹⁾ D-r P. Chmielowski. «Zarys literatury polskiej z ostatnich lat dwudziestu» Wyd. 2. 1886.

предводительствѣ націямъ, мы должны болѣе всего думать, какъ бы только не отстать отъ другихъ»¹⁾.

Въ той же газетѣ, въ статьѣ «Wlędne koła», (Заколдованные круги) повторялась мысль, раньше уже высказанная Крашевскимъ, именно, что Царство Польское имѣетъ болѣе благопріятныя задатки для развитія въ будущемъ, чѣмъ польскія области Австріи и Пруссіи. Въ одной изъ цѣлаго ряда статей «Przeglądu» подъ общимъ заглавіемъ «Praca u podstaw», говорилось: «только съ того времени, какъ граждане начнутъ работать надъ фундаментомъ, съ тѣхъ поръ какъ они займутся народомъ (ludem), его образованіемъ и интересами и своими заслугами приобретутъ среди него довѣріе и вліяніе, нынѣшній строй гмины можетъ принести пользу и всѣмъ ея членамъ и цѣлому краю»²⁾. Въ петербургской корреспонденціи «Prawdy» въ 1881 г. высказывалось замѣчаніе: «во всякомъ случаѣ слѣдуетъ позавидовать Россіи въ томъ дѣйствительно всеобщемъ интересѣ, какой въ ней возбуждаетъ народъ, какъ основаніе всего общественнаго быта».

Польская молодая печать, избравшая «научное» направленіе, пыталась также ввести въ беллетристику задачи утилитарныя и въ литературную критику ввела тенденціозность. Приведемъ характерныя слова изъ статьи напечатанной въ органѣ, избравшемъ себѣ девизомъ: «знаніе—сила», а именно въ «Niwie» въ 1872 г. «Utylitaryzm w literaturze»: «или литература (т. е. беллетристика) впредь пойдетъ рука объ руку съ самыми дорогими для насъ интересами, какъ ма-

1) «Польскій вопросъ». «Русская мысль» 1881.

2) Chmielowski: «Zarys».

теріальными, такъ и духовными, или останется позади, допѣвая послѣднія литаніи неутѣшной скорби и безсмысленныхъ бредней; подѣ первымъ условіемъ мы примемъ ее въ свое общество и будемъ цѣнить наравнѣ съ иными *полезными* произведеніями; въ противномъ же случаѣ — пусть она себѣ вымираетъ, намъ въ ней нѣтъ нужды. Мы знаемъ, что дѣлаемъ, куда идемъ, какія средства намъ пригодны для достиженія нашихъ *цѣлей*, а какое же намъ дѣло до мародеровъ, которые только производятъ беспорядокъ, а пользы не приносятъ?» ¹⁾

Въ польской беллетристикѣ, дѣйствительно произошла въ ту эпоху огромная перемѣна въ томъ смыслѣ, что содержаніе ея приблизилось къ жизни современной, при чемъ ближе другихъ держались приведенной программы Елиза Оржешко и Болеславъ Прусъ. Но ни ихъ, ни въ особенности Генриха Сенкевича и замѣчательно талантливаго юмориста Яна Ляма невозможно уложить въ тѣсныя рамки утилитаризма. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что отрезвленіе польской общественной мысли отразилось весьма ярко и въ литературѣ. Публицистическая критика издѣвалась надъ романтизмомъ и способствовала усвоенію литературою болѣе реальнаго направленія, которое соотвѣтствовало и повороту, совершившемуся въ жизни польскаго общества, и примѣру литературъ западныхъ. Характерно, что одинъ изъ молодыхъ поэтовъ написалъ новую «Оду къ молодежи», какъ бы на смѣну той Мицкевича, которая учила мѣрить не предпріятіе по силамъ, но силы по величію предпріятія. Въ новой одѣ поэтъ предостерегалъ молодежь противъ самаго

¹⁾ Chmielowski: «Zarys».

«упоенія пѣснью», которая убаюкиваетъ къ сновидѣніямъ въ то время, когда должно работать и идеаломъ провозглашался именно «трудъ ¹⁾». Молодая пресса, а за ней и беллетристика ставили также весьма серьезно — вопросъ объ уравненіи женщинъ въ образованіи и правахъ. Наибольше яркій свѣтъ брошенъ въ этомъ отношеніи въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ г-жи Оржешко.

И такъ, поворотъ въ умственной жизни польскаго общества, со второй половины 60-хъ годовъ, насколько онъ отразился въ литературѣ вообще, носилъ характеръ отрезвленія, обращенія отъ призраковъ, увлекавшихъ воображеніе и разжигавшихъ страсти, — къ холодной, жесткой дѣйствительности. Хотя при этомъ, въ ближайшіе къ послѣднему возстанію годы, испытанныя разочарованія и горе положительно отвращали умы въ Варшавѣ отъ задачъ политическихъ, но жизнь вскорѣ поставила ихъ снова на очередь.

VI.

Произошло это сперва въ Австріи. Послѣ дарованія Галиціи полнаго областного самоуправленія, тамъ представлялся вопросъ: воспользоваться ли даромъ того правительства, которое долгіе годы давило поляковъ системою бюрократизма и германизации, а въ 1846 году даже возбудило польскихъ крестьянъ къ рѣзни дворянъ, подозрѣваемыхъ въ патріотическихъ стремленіяхъ? Воспользоваться ли этимъ подаркомъ и войти искренно въ роль лояльныхъ австрійскихъ подданныхъ, или отвергнуть всякій даръ враговъ, недовѣряя ему, произнестъ *timeo Danaos* и гордо замкнуться въ своемъ

¹⁾ Тамъ же.

патріотизмъ, своемъ безправіи и безсиліи? Послѣднее было бы очевиднымъ безразсудствомъ, но не ббльшимъ во всякомъ случаѣ, чѣмъ война 8 милліоновъ со 100 милліонами. Однако долговременныя испытанія и вражда вырабатываютъ такой фанатизмъ, который способенъ къ крайнимъ поступкамъ. Такъ Царство Польское отвѣтило возстаніемъ на систему Велепольскаго, а ранѣе того, въ 1857—58 гг. Ломбардія отвергла автономію, которую ввести поручено было эрцгерцогу Максимилиану (позднѣе—мексиканскому императору).

Но въ Галиціи нашлись благоразумные и вліятельные люди, которые устранили повтореніе на этотъ разъ такой ошибки. Кружокъ умѣренныхъ консерватистовъ и талантливыхъ публицистовъ, во главѣ котораго сталъ извѣстный историкъ Іосифъ Шуйскій, а въ числѣ виднѣйшихъ—гр. Станиславъ Тарновскій и Станиславъ Козьянъ, избравъ своимъ органомъ газету «Czas» повели съ 1866 года энергическую кампанію съ цѣлью убѣжденія общества въ необходимости отказаться отъ всякихъ заговоровъ, фантастическихъ надеждъ на революцію и войну, искренно поддаться государству и принять предоставляемыя имъ учрежденія. Въ декабрѣ 1866 г. явившіеся на собраніе областного сейма депутаты, въ адресѣ къ императору Францу-Іосифу заявили: «не отрекаясь отъ нашей національной идеи, съ вѣрою въ призваніе Австріи и съ довѣріемъ къ неизмѣнности тѣхъ преобразованій, которыя возвѣщены монаршимъ словомъ, заявляемъ изъ глубины сердецъ нашихъ, что мы стоимъ и намѣрены стоять при Васъ, всемилоствѣйшій государь¹⁾».

¹⁾ Chmielowski. «Zarys literatury».

Въ извѣстной части русской печати постоянно повторяется, что поляки въ Галиціи только потому примкнули къ Австріи, что возложили на нее упованіе въ возстановленіи польской независимости, въ «отбудованіи ойчизны», какъ иные публицисты предпочитаютъ выражаться, по ихъ мнѣнію язвительно-сатирически, а въ дѣйствительности не умно, ибо отбудованіемъ ойчизны занимался и Козьма Сухорукъ. Напр. въ изложеніи г. В. Р. ¹⁾ дѣло представляется такъ, какъ будто Австрія дала конституцію Галиціи съ спеціальной цѣлью «заручиться сочувствіемъ польской шляхты», «созданія для Россіи какихъ-либо серьезныхъ внутреннихъ замѣшательствъ», а потому, «начиная съ 1868 г. и открыла широкій доступъ въ свои предѣлы польскимъ эмигрантамъ-повстанцамъ», а — «дворянская партія открыто перешла на сторону Австріи съ лозунгомъ объединенія всѣхъ частей древней Польши подъ скипетромъ Габсбурговъ». Но изъ такого взгляда можно бы заключить, что авторъ не знаетъ ничего, кромѣ того, что заключается въ нѣкоторыхъ канцелярскихъ бумагахъ, бывшихъ въ его распоряженіи. Людямъ же образованнымъ достаточно извѣстно, что Галиція получила автономію не одна, но вмѣстѣ со всѣми королевствами и областями, входящими въ составъ габсбургской монархіи, и что если польскіе эмигранты, виновные передъ Россіею за возстаніе 1863 года, могли явиться въ Австрію, то лишь одновременно съ Клапкою, Тюрромъ, Андраши и другими венгерскими эмигрантами, которые возставали противъ самой Австріи. Наконецъ, для людей здравомыслящихъ, очевидно, что если венгры пошли на соглашеніе съ

¹⁾ «Очерки Привислянъ». 1897.

Австріей безъ намѣренія завоевать Румынію, то и галиційскіе поляки могли сдѣлать то же самое безъ надежды на завоеваніе Царства Польскаго, а тѣмъ болѣе Витебской губерніи.

Понятно также, что сознательное общество не бросается въ ту или другую сторону внезапно и цѣликомъ по командѣ или какъ снарядъ, выпущенный изъ дула. Въ каждомъ обществѣ встрѣчаются разныя теченія и даже по дѣламъ, въ которыхъ всѣ согласны въ принципѣ, происходятъ разногласія относительно своевременности, средствъ дѣйствія, степени рѣшительности или умѣренности. Но нѣкоторые публицисты забывая о томъ, какъ они сами выставляютъ преобладающею въ полякахъ чертою своеволие и вѣчные раздоры, вдругъ, когда это требуется для обобщенія обвиненій, представляютъ тѣхъ же поляковъ, какъ цѣльную, механически дѣйствующую и обладающую необычайной выдержанностью силу. Такъ, г. В. Р., который въ баснѣ «Лебедь, Щука и Ракъ» видитъ вѣрную аллегорію всей польской исторіи, не допускаетъ однако и мысли, чтобы среди поляковъ въ Галиціи могли быть какія-либо колебанія относительно примиренія съ Австріей. Нѣтъ, для него поляки—шляхта, а шляхта какое-то цѣльное существо, имѣющее одни интересы и управляемое одной волей. Вся внутренняя конституціонная жизнь Галиціи представляетъ силу лишь какъ заговоръ для демонстрацій противъ Россіи, окончательною цѣлью котораго есть возстановленіе Польши въ ея историческихъ границахъ, а временной — «сѣянье смуты» въ сосѣдней Россіи.

Въ дѣйствительности же, послѣ системы Шварценберга и Баха, а особенно послѣ рѣзни 1846 года,

поляки въ Галиціи не могли не чувствовать недо-
вѣрія и нерасположенія къ примиренію съ Австріею.
И весьма вѣроятно, что если бы она предложила
Галиціи автономію раньше возстанія 1863 года въ
Царствѣ, то въ результатѣ явились бы смуты
въ Галиціи, а не въ русской Польшѣ, такъ какъ
настроеніе здѣсь и тамъ было одинаковое. Но имен-
но недавній примѣръ возстанія, лишившій поляковъ
всякой надежды на дѣйствительную помощь Фран-
ціи и возросшая сила Пруссіи, послѣ битвы подъ Са-
довой, измѣнили взгляды большинства поляковъ и
приготовили почву для трезвой мысли и работы ре-
альной, осуществимой, короче, для примѣненія усилій
къ дѣйствительности, вмѣсто извращенія послѣдней
фантазіею.

И вотъ почему, въ основѣ всей аргументаціи
партіи примиренія съ Австріею и улучшенія своей
судьбы посредствомъ лояльнаго принятія того, что
давало правительство, лежало полное осужденіе воз-
станія только что бывшаго въ Царствѣ. Шуйскій
въ извѣстной брошюрѣ доказывалъ вредность вѣч-
ныхъ заговоровъ и «повстаній», сравнивая ихъ съ
тѣми конфедераціями, которыя погубили прежнюю
республику; доказывалъ необходимость порвать окон-
чательно съ привычками послѣднихъ вѣковъ само-
стоятельнаго быта Польши, переродиться и идти за
указаніями тѣхъ истинъ, которыя были раскрыты
страшнымъ опытомъ.

Мы не будемъ вдаваться въ болѣе подробную
характеристику программы такъ называемыхъ «стан-
чиковъ», т. е. той умѣренной и консервативной пар-
тіи, которая взяла въ свои руки дѣло примиренія
съ Австріею и затѣмъ внутреннее управленіе въ Га-

лиціи. Въ русской печати немало говорилось о «станчикахъ», и частью говорилась о нихъ правда, но правда односторонняя. Ихъ представляли, какъ партію аристократическую и клерикальную, которая, завладѣвъ управленіемъ, заботилась только о мѣстахъ и выгодахъ, о вліяніи въ Вѣнѣ и ничего не сдѣлала для большинства населенія, то есть для крестьянъ, чѣмъ и объясняется нынѣшнее демократическое, а отчасти и соціальное движеніе въ Галиціи. Все это справедливо, съ нѣкоторыми ограниченіями, такъ какъ видную роль въ преобладающей партіи играли и лица вовсе не аристократическаго происхожденія, а бѣдственное положеніе народа въ Галиціи зависитъ не только отъ недостатка попечительныхъ о немъ мѣръ, но и отъ самаго положенія этой области.

Да, станчики были и аристократы и клерикалы (хотя при условіяхъ полной вѣротерпимости клерикалы не могутъ пользоваться средствами принужденія). Но главная роль станчиковъ въ исторіи польскихъ партій заключалась всетаки въ томъ, что они явились посредниками въ примиреніи съ государствомъ, въ дѣятельномъ пользованіи предоставляемыми имъ правами и лояльномъ исполненіи налагаемаго имъ долга.

Правда и то, что въ современной Галиціи происходило немало демонстрацій, по духу своему враждебныхъ Россіи и появлялось въ газетахъ множество статей въ томъ же духѣ. Но это было не дѣло станчиковъ, а послѣдствіе свободы собраній и свободы печати. Впрочемъ, если собрать всѣ сужденія противъ Австріи въ русскихъ газетахъ, брошюрахъ и книгахъ, то выйдетъ нѣкоторое противовѣсіе. То же самое можно сказать о ввозѣ въ предѣлы Россіи разныхъ

брошюръ, воззваній и эмблемъ, незапрещенныхъ въ Австріи. Между тѣмъ, именно характеристическая черта и истинная заслуга станчиковъ представлялась тѣмъ, что они первые осудили всякія революціонныя средства и несбыточныя мечты, доказывая, что полякамъ не остается иного пути къ улучшенію быта, къ общественной работѣ, къ матеріальному и умственному успѣхамъ, какъ искреннее примиреніе съ приговоромъ исторіи и съ государствами, съ которыми ихъ соединила судьба.

Извѣстный политическій памфлетъ, называвшійся «TeKa Stańczyka» т. е. «портфель Станчика» (придворный шутъ короля Сигизмунда Августа), какъ показываетъ самое его названіе, былъ прежде всего сатирою на преобладавшія понятія и приемы дѣйствія слѣпыхъ приверженцевъ старины, глупыхъ пустозвоновъ и искателей дешевой популярности, постоянно бившихъ въ барабанъ словеснаго, бесплоднаго, но шумнаго демонстративнаго патріотизма, который затѣмъ и получилъ названіе «tromtadracja». Авторы «Теки Станчика», первые въ польской литературѣ, высказали самое рѣшительное и безусловное осужденіе возстанія 1863 года въ Царствѣ и выставляли его въ самыхъ черныхъ краскахъ, а съ нимъ осуждали всякіе заговоры и демонстраціи. Цѣлью памфлета, написаннаго при участіи нѣсколькихъ лицъ, было именно доказать, что для галиційскихъ поляковъ не должно быть иной политики, какъ «искреннее примиреніе съ Австріею и добросовѣстное пользованіе тѣми свободами, какія обезпечивала Галиціи австрійская монархія ¹⁾».

¹⁾ Chmielowski «Zarys literatury».

Упомянутый памфлетъ сперва вызвалъ въ мѣстномъ польскомъ обществѣ цѣлую бурю. Въ немъ видѣли поруганіе мученичества, измѣну народному дѣлу и т. п. и авторовъ прозвали, въ порицательномъ, бранномъ смыслѣ, «станчиками», названіемъ, которое сохранилось за цѣлою партією. Органами станчиковъ въ печати были «Czas» и «Przegląd Polski». Долго велась ожесточенная съ обѣихъ сторонъ борьба, пока новыя учрежденія, данныя Галиціи, самымъ своимъ дѣйствиємъ не сдѣлали примиренія съ Австрією окончательно совершився фактомъ.

Молодая, позитивистская печать въ Варшавѣ, со своей стороны, постоянно вела полемику съ органами станчиковъ. Дѣйствительно, ее отдѣляло отъ нихъ цѣлое міровоззрѣніе. Но въ смыслѣ политическомъ она вовсе не была далека отъ ихъ программы, такъ какъ проповѣдывала то же самое отрезвленіе, учила общество считаться съ реальными условіями и не откладывать повседневной работы надъ возможными улучшениями быта, изъ за тѣхъ «журавлей въ небѣ», которые до той поры поглощали все вниманіе поляковъ. Такимъ образомъ, молодая варшавская пресса, хотя и устранилась отъ прямого обсужденія политическихъ вопросовъ, насколько оно было возможно по существовавшимъ цензурнымъ условіямъ, но подготовляла почву, на которой и въ русской Польшѣ могло возникнуть, при сколько-нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ, стремленіе къ примиренію съ государствомъ. Но отдавая ей полную справедливость, нельзя однако не признать, что живой примѣръ, поданный польскому обществу станчиками въ Галиціи, содѣйствовалъ появленію такихъ стремленій и въ Царствѣ.

Это былъ первый примѣръ, что публицисты здра-

вомыслящіе и дѣятели умѣренные не устрашились обвиненій въ ренегатствѣ за то только, что они видѣли патріотизмъ въ служеніи истинной пользѣ своего края, а не въ шумныхъ возгласахъ и драпировкѣ въ бездѣятельный и бесплодный протестъ. Поэтому мы и говоримъ, что въ русской печати значеніе станчиковъ всегда представлялось слишкомъ односторонне.

Мы никакъ не хотимъ сказать, что инициатива въ этомъ отношеніи вышла изъ Галиціи. Тамъ поляки мирились съ Австріею въ своихъ интересахъ, совершенно независимо отъ положенія ихъ родичей въ предѣлахъ Россіи. Можно даже прибавить, что во Львовѣ и Краковѣ слишкомъ упустили изъ вида, что крайняя враждебность языка галиційской печати могла приносить вредъ полякамъ Царства. Здѣсь же, какъ изложено выше, поворотъ общественной мысли къ отрезвленію и умѣренности въ желаніяхъ совершался самъ собою; но примѣръ соглашенія въ Галиціи могъ въ дѣйствительности нѣсколько способствовать желанію примиренія съ властью и въ Царствѣ польскомъ.

VII.

Говорить о безусловной необходимости отказа отъ пути заговоровъ и отъ надежды на постороннюю помощь значило уже доказывать и неизбѣжность примиренія съ принадлежностью къ Россіи. Независимо отъ тяжкаго урока 1863 г. и послѣдовавшихъ за нимъ годовъ, въ томъ же смыслѣ должно было дѣйствовать развитіе торговыхъ связей съ Россіею, благодаря развитію желѣзнодорожной сѣти и быстрому возрастанію

въ Царствѣ Польскомъ промышленности, которая должна была искать сбыта на русскихъ рынкахъ. Съ другой стороны, если опыта 1863 г. было уже достаточно для полного разочарованія въ надеждахъ на Францію, то разгромъ ея нѣмцами въ 1870 году, явившееся всемогущество Бисмарка и очевидная зависимость, въ какую Австрія стала къ Германіи, такъ сказать уже совсѣмъ на-глухо заколотили дверь для какихъ-либо польскихъ мечтаній и самые крайніе шовинисты не были уже въ состояніи даже загадывать о какомъ-либо возможномъ выходѣ изъ тяжкаго положенія — кромѣ возможной благоприятной перемѣны въ самомъ отношеніи русской власти къ польскому населенію.

Болѣе мягкое отношеніе, дѣйствительно, и проявилось въ 1880 году съ назначеніемъ на постъ варшавскаго генераль-губернатора покойнаго Альбединскаго. За это память его доселѣ попрекаютъ при всякомъ случаѣ тѣ органы русской печати, которые вполнѣ солидаризуются съ интересами воинствующаго мѣстнаго чиновнаго люда. Но для попрековъ этихъ трудно найти сколько-нибудь осязательное основаніе. Даже представитель идеи обрусѣнія Польши г. В. Р. ¹⁾ свидѣтельствуетъ, что «при Альбединскомъ не было отмѣнено ни одной важной мѣры правительства, направленной къ обрусѣнію края», хотя и прибавляетъ, что «ясно высказалось административное послабленіе въ примѣненіи всѣхъ изданныхъ для этой цѣли распоряженій и узаконеній». Насколько послѣдовало ослабленіе въ обрусѣніи Польши при Альбединскомъ этого, конечно, взвѣсить нельзя, но можно признать, что

¹⁾ «Очерки Привислянъ.»

онъ вель обрусѣніе нѣсколько менѣе энергично. Но главный, можетъ быть, поводъ къ недовольству подчиненныхъ Альбединскому обрусителей высказывается въ слѣдующихъ словахъ автора: «вновь сталъ русскій дѣятель чувствовать себя въ краѣ не въ *положеніи властелина* а въ положеніи подсудимаго».

Между тѣмъ, вполнѣ вѣроятно, что управленіе Альбединскаго именно своей относительной мягкостью нѣсколько облегчило «молодой» варшавской печати распространеніе идей умѣренности и борьбу съ политическими предрассудками. Во всякомъ случаѣ, и до времени Альбединскаго, и послѣ него, до послѣднихъ двухъ лѣтъ, энергичное примѣненіе мѣръ обрусѣнія едва ли могло содѣйствовать усвоенію польскимъ обществомъ примирительнаго настроенія.

Но въ началѣ 80-хъ годовъ слово «примиреніе» часто произносилось въ русской печати и разумѣлось въ смыслѣ соглашенія между началомъ государственной безопасности и необходимостью преобразованій вообще. Было естественно, что тогдашняя либеральная печать высказалась и въ пользу такого же соглашенія началъ въ примѣненіи къ Польшѣ. Газеты «Молва» и «Порядокъ» указывали на крайнюю строгость цензуры въ Варшавѣ, строгость, которая только мѣшала сближенію. Такъ, по словамъ «Порядка» тогдашняя «варшавская цензура лишала печать даже свободы заимствованія идей и фактовъ изъ современной жизни русскаго общества... Для Варшавы плоды русской мысли были запретнымъ плодомъ».

Покойный проф. Градовскій, имѣвшій случай ближе познакомиться съ поляками, благодаря своему обыкновенію проводить лѣто близъ Вильна, выступилъ въ «Голосѣ» съ мыслью о необходимости осуществить

примиреніе между русскимъ и польскимъ обществами, при чемъ указывалъ на благопріятные для того признаки въ польскомъ обществѣ. Въ «Вѣстникѣ Европы» стали появляться тѣ статьи г. Пыпина о польскомъ вопросѣ, которыя нами упомянуты въ началѣ. Припоминая о «попыткахъ говорить о примиреніи», авторъ характеризовалъ ихъ такъ: «это были только попытки, но онѣ свидѣтельствуютъ, что съ обѣихъ сторонъ назрѣваетъ сознаніе необходимости союза, который и дѣйствительно имѣлъ бы великую важность не только для установленія русско-польскихъ отношеній, но затѣмъ и для отношеній все-славянскихъ». Статьи г. Пыпина были оцѣнены варшавской «молодой» печатью и «Prawda» дала переводъ ихъ въ премію своимъ подписчикамъ.

Въ «Русской Мысли» 1881 года также былъ помѣщенъ рядъ статей о польскомъ вопросѣ, изъ которыхъ мы извлекаемъ нѣсколько фактовъ для характеристики того времени. Московскій журналъ самымъ энергическимъ образомъ осуждалъ тѣхъ публицистовъ «раскаленныхъ государственнымъ и въ то же время какимъ-то инквизиціоннымъ жаромъ», которые призываютъ русскій народъ къ тому, чтобы «совершать упорно, систематически, хладнокровно одно изъ величайшихъ злодѣяній, насильственно уничтожать нравственную личность, индивидуальность другого народа, его душу—насилъственно *русить* поляковъ». Основаніемъ для урегулированія отношеній «Русская Мысль» предлагала «полную неприкосновенность польской національности въ предѣлахъ ея этнографическаго распредѣленія и свободу ея духовнаго и бытового творчества и развитія». Въ той же статьѣ упоминалось о любопытномъ для исторіи попытокъ къ взаимному

примиренію фактѣ, а именно о собраніи поляковъ и приверженцевъ примиренія, бывшемъ въ Вильнѣ 14 августа 1879 г. Объ этомъ собраніи упоминается также въ цитированной уже брошюрѣ г. Шигарина ¹⁾, вышедшей также въ 1881 году: «постановленіе о гегемоніи Россіи послѣдовало въ Вильнѣ 14 августа 1879 года». «Польскимъ партіямъ, расположеннымъ, подобно этому собранію, къ примиренію», «Русская Мысль» признавала необходимымъ «подать руку и вмѣстѣ съ ними дружно вступить въ литературную борьбу съ ихъ и нашими противниками».

Сославшись на важнѣйшіе русскіе голоса, высказавшіеся въ началѣ 80-хъ годовъ за необходимость и неотлагательность взаимнаго примиренія съ поляками, приведемъ теперь мнѣніе анонимнаго польскаго публициста, который принялъ участіе въ обсужденіи этого вопроса на столбцахъ «Голоса». ²⁾ Онъ такъ опредѣлялъ основы для окончательнаго разрѣшенія польскаго вопроса въ предѣлахъ Россіи: полная равноправность, введеніе въ Царствѣ всѣхъ учреждений, существующихъ въ Имперіи съ употребленіемъ мѣстнаго языка въ судопроизводствѣ и органахъ самоуправленія. Тотъ же публицистъ ссылаясь на слова записки Н. Милютина о положеніи народнаго образованія въ Царствѣ: «мы не обрусили ни одного поляка, а въ то же время являлись какъ бы посягающими на польскую національность». Въ редакціонной статьѣ «Голоса» ³⁾ программа, предложенная польскимъ публицистомъ, признавалась почвой для взаимнаго примиренія и сближенія.

Но не было недостатка и въ такихъ отзывахъ

¹⁾ Что нужно для нашего сближенія съ поляками».

²⁾ Chmielowski «Zagys».

³⁾ «Голосъ» № 59.

со стороны русской печати, въ которыхъ высказывалось полное недовѣріе къ примирительнымъ голосамъ изъ польской среды и они отталкивались съ презрительной ироніей. Таково было отношеніе къ нимъ «Московскихъ Вѣдомостей».

VIII.

Полонофобскимъ газетамъ открылось вскорѣ просторное поле для сведенія вновь всего польскаго вопроса къ неустанному обличенію и изслѣдованію польской интриги. Въ 1883 г. умеръ генераль Альбединскій и прежняя «система» снова была пущена въ ходъ. Польскіе примирительные голоса умолкли, потому что исчезла всякая надежда на возможность переменъ къ лучшему. Но былъ одинъ изъ нихъ, котораго не смутила даже и «возвратная волна» реакціи. Этотъ голосъ принадлежалъ «Краю», основанному, въ Петербургѣ въ 1882 году, бывшимъ издателемъ варшавской газеты «Nowiny» Э.И. Пильцемъ. «Край» неизмѣнно работалъ въ пользу сближенія между обоими обществами, работалъ такимъ путемъ, что первый онъ въ польской печати сталъ внимательно слѣдить за русской жизнью и добросовѣстно знакомилъ своихъ читателей со всѣми примѣчательными явленіями и внутренними вопросами коренной Россіи, сообщалъ не только административныя, но и общественныя новости, давалъ обширныя извлеченія изъ статей русскихъ газетъ, «Край» въ дальнѣйшей

своей дѣятельности нѣсколько уклонился если не отъ позитивизма, который съ начала проповѣдывалъ, то по меньшей мѣрѣ отъ философскихъ вопросовъ вообще. Но въ дѣлѣ русско-польскихъ отношеній онъ постоянно являлся дѣятельнымъ противникомъ крайнихъ взглядовъ и поборникомъ идеи взаимнаго сближенія, что вполне соответствовало его положенію. Успѣху его содѣйствовало то, что онъ имѣлъ возможность— по крайней мѣрѣ въ первые годы своей дѣятельности— полемизировать съ русскими газетами, возможность, которой варшавскія газеты до самаго послѣдняго времени, т. е. выражаясь точнѣе, до минувшей весны были лишены. Въмѣстѣ съ тѣмъ, обильныя и быстрыя извѣстія изъ Петербурга и вообще изъ Имперіи привлекали вниманіе поляковъ и вызвали подражаніе въ варшавскихъ газетахъ, которыя, прямо идя за «Крајемъ» завели у себя хронику извѣстій изъ Россіи и отдѣлъ извлеченій изъ русской печати. Этотъ послѣдній впрочемъ и въ послѣдующее время сильно сокращался по независящимъ причинамъ.

Вотъ то единственное пріобрѣтеніе, какое осталось изъ первыхъ попытокъ къ примиренію, относящихся къ началу 80-хъ годовъ.

Въ теченіи долгаго времени затѣмъ въ Царствѣ держалось направленіе неопредѣленнаго и все подвигавшагося умноженія ограниченій. Какова могла быть его цѣль, когда край издавна находился въ полномъ спокойствіи? Въ специальныхъ органахъ, занимающихся обличеніемъ польской интриги, постоянно доказывалась и доселѣ доказывается необходимость идти по этому пути все далѣе и далѣе, при чемъ нерѣдко требованіе такихъ мѣръ упомянутые органы сопровождаютъ оговоркой, что никто въ Россіи не

думаетъ посягать на народность поляковъ въ Царствѣ.

Но порою тѣ же самые органы проговаривались относительно единственной цѣли, какую и могло имѣть въ виду неопредѣленное поддержаніе исключительныхъ мѣръ и полнаго административнаго усмотрѣнія.

Цѣлью такого направленія могло быть именно только обрусѣніе Польши, каковы бы ни были оговорки, дѣлавшіяся для соблюденія *decorum*. Порою всетаки у поборниковъ этой системы вырывалось искреннее слово, называвшее цѣль ея настоящимъ именемъ. Такъ, г. В. Р., безусловный панегиристъ управленія въ періодъ передъ назначеніемъ въ Варшаву графа П. А. Шувалова, избѣгающій даже называть въ своихъ похвалахъ наиболѣе выдающіяся и близкія ему имена, въ приведенныхъ нами выше словахъ, ставя въ упрекъ Альбединскому ослабленіе въ исполненіи правительственныхъ мѣръ въ Царствѣ, называетъ ихъ прямо «направленными къ *обрусѣнію края*». Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ началѣ прошлаго года было сказано слѣдующее: «необходимъ тяжелый и продолжительный трудъ для того, чтобы мало по малу сглаживать, а затѣмъ и вовсе уничтожить фанатическую ненависть (поляковъ) къ нашей родинѣ и къ намъ; я уже указывалъ на *обрусѣніе края*, какъ на единственное средство для достиженія этой цѣли; русское дѣло на Привислянской окраинѣ достигло бы лучшихъ результатовъ» и т. д. Эти слова весьма характерны, обнаруживая то лицемѣріе, въ силу котораго органы даннаго направленія обыкновенно избѣгаютъ слова «обрусѣніе» и замѣняютъ его равнозначущими въ ихъ мысли—какъ это видно изъ предшествующаго—словами «русское дѣло въ краѣ», менѣе

опредѣленными и дающими возможность тутъ же, рядомъ съ ними, поставить для прикрытія оговорку, что никто, конечно, въ Россіи не помышляетъ объ обрусѣніи поляковъ.

Мало ли что могутъ означать слова: «русское дѣло въ краѣ»: демократизацію общественнаго строя, ослабленіе вліянія духовенства, наконецъ—хотя бы введеніе казенной монополіи вмѣсто акциза. Но въ убѣжденіи приверженцевъ безсрочнаго давленія поляковъ, эти слова значили не что иное, какъ именно обрусѣніе и близкій сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей» въ данномъ случаѣ откровенно высказалъ это, какъ высказалъ и г. В. Р.

И въ дѣйствительности, тѣ же публицисты, которые слово «обрусѣніе» обыкновенно прикрываютъ евфемизмомъ «русское дѣло», всегда называютъ прусскую политику въ Познани системою германизации и постоянно страцаютъ ею поляковъ. А между тѣмъ, что же въ ней есть такого, чего бы не было въ системѣ, признаваемой ими совершенно необходимой для Царства Польскаго? Система германизации и заключается въ томъ, что польскихъ дѣтей заставляютъ читать, писать, считать и учиться начаткамъ географіи и исторіи—по нѣмецки, а польскую грамоту изъ школы выбрасываютъ или дѣлаютъ необязательной. Поляковъ чиновниковъ и учителей переводятъ въ западныя провинціи, а въ восточныхъ назначаютъ нѣмцевъ.

Стало бытъ, если прусскую систему въ Познани «Московскія Вѣдомости» и ихъ союзники въ этомъ дѣлѣ неизмѣнно называютъ германизаціею, то ту же систему, примѣняемую къ полякамъ въ Россіи, они должны открыто называть руссификаціею, то есть обрусѣніемъ.

Въ одной изъ недавнихъ статей «Нов. Времени» ¹⁾ авторъ пытался увѣрить будто обрусѣніе практиковалось только въ Западномъ краѣ. Полемизируя съ «Новостями», которыя высказывались противъ обрусѣнія Польши, «Новое Время» такъ опредѣляло систему обрусѣнія: «должны же знать «Новости», о комъ собственно и о чемъ идетъ рѣчь, когда говорится про обрусѣніе; невозможно допустить, чтобы въ этомъ случаѣ «Новости» имѣли въ виду Привислянскій край, обрусѣніе котораго никогда и не входило въ задачи русскаго правительства и никѣмъ изъ серьезныхъ русскихъ людей не ставилось цѣлью русской политики въ краѣ. Но то, что поляки называютъ обрусѣніемъ, касается исключительно губерній сѣверозападнаго и югозападнаго края». Далѣе оказывается, что по словамъ газеты и тамъ обрусѣніе не есть обрусѣніемъ, а только «располяченіемъ».

Не разбирая этого послѣдняго, замѣтимъ только, что «Новому Времени» не могутъ быть неизвѣстны факты, совершенно несогласные съ его опредѣленіемъ. Не знаемъ, признаетъ ли эта газета автора «Очерковъ Привислянъ» г. В. Р. и корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей» г. Н—ва за серьезныхъ русскихъ людей, но во всякомъ случаѣ она не можетъ считать ихъ поляками. И вотъ, приведенныя выше слова ихъ обоихъ свидѣтельствуютъ, что «говорится» объ обрусѣніи также и Привислянскаго края не одними поляками, но и русскими людьми, такими же публицистами, какъ и авторъ упомянутой статьи въ «Новомъ Времени». И не только говорится объ обрусѣніи, ибо г. В. Р. прямо утверждаетъ,

¹⁾ «Новое Время» 26 августа 1897 г. № 7721.

что важныя правительственныя мѣры еще до управления Альбединскаго были направлены именно къ обрусѣнію Привислянскаго края, что были изданы узаконенія и распоряженія именно для этой цѣли. Во всякомъ случаѣ, если «Новое Время» отказывается даже допустить, чтобы образъ дѣйствій, примѣнявшійся въ Царствѣ Польскомъ, могъ имѣть цѣлью обрусѣніе— въ такомъ случаѣ газета никогда болѣе не должна говорить о системѣ германизаціи въ Познани, такъ какъ эта система по своему смыслу не отличается отъ системы обрусѣнія въ Царствѣ.

Систему управления въ Царствѣ г. В. Р., какъ было уже упомянуто, прямо называетъ обрусѣніемъ и хорошо дѣлаетъ. Система эта, по его словамъ, была только ослаблена въ своемъ примѣненіи при ген. Альбединскомъ, но нисколько не была отмѣнена. Зато образъ дѣйствій, наступившій послѣ Альбединскаго, при управленіи, которое продолжалось до 1895 года, представлялъ собою возвращеніе къ неукоснительному примѣненію той системы. «Безстрастное, но постоянное воздѣйствіе на польскій народъ въ смыслѣ искорененія въ немъ тѣхъ его особенностей, которыя отдѣляютъ его отъ Россіи», дабы «постепенно ввести его въ русскую семью» — вотъ къ чему она (система) сводилась» — говоритъ авторъ съ достаточной откровенностью. И нельзя не повѣрить на-слово апологисту тогдашняго мѣстнаго управленія, что такова именно была поставленная себѣ послѣднимъ цѣль.

Но такъ какъ искорененіе особенностей данной національности и передѣлка ея въ другую національность составляетъ цѣль недостижимую, то въ такомъ направленіи дѣйствій и невозможно видѣть истинной системы, которая должна представлять собой нѣчто

раціональное. Еслибы даже было возможнымъ уничтожить польскую національность, передѣлавъ поляковъ въ русскихъ, то это, очевидно, было бы не разрѣшеніемъ польскаго вопроса, а упраздненіемъ его, и не улучшеніемъ русско-польскихъ отношеній, такъ какъ русскіе имѣли бы тогда и въ Царствѣ отношенія съ русскими же.

Между тѣмъ, есть полное основаніе сомнѣваться, чтобы обрусѣніе поляковъ дѣйствительно входило въ цѣли самага правительства, хотя такую цѣлью и могли задаваться нѣкоторые изъ мѣстныхъ дѣятелей. Вѣдь и въ минувшее царствованіе были изданы повелѣнія о возстановленіи кафедры исторіи польской литературы въ Варшавскомъ университетѣ, о введеніи преподаванія польскаго языка въ гимназіяхъ Царства и о порученіи преподаванія въ народныхъ школахъ католическаго Закона Божія—приходскимъ католическимъ священникамъ. Возможно ли вывести изъ этихъ повелѣній, что правительство сознательно стремилось къ обрусѣнію Польши? Ясно, что нѣтъ.

Лишнее доказательство только что сказаннаго мы находимъ въ словахъ того же г. Н-ва, корреспондента «Моск. Вѣдомостей», который являлся представителемъ мнѣній иныхъ мѣстныхъ административныхъ кружковъ, находившихъ, что дѣйствія даже тогдашней главной власти, направленные къ обрусѣнію, были еще недостаточны. Сказавъ, съ своей стороны, что обрусѣніе края есть единственное средство для уничтоженія фанатической ненависти поляковъ (!), г. Н-въ писалъ слѣдующее: «русское дѣло въ Привислянскоѣ окраинѣ достигло бы значительно лучшихъ результатовъ, еслибы во время управленія генераловъ Коцебу и Альбединскаго не были сдѣланы крупныя ошибки,

съ печальными послѣдствіями коихъ боролся І. В. Гурко. Но окончательно поставить на правильный путь ходъ русскаго дѣла, закрѣпить окончательно за русскимъ дѣломъ успѣхъ въ будущемъ, почтенному предшественнику графа П. А. Шувалова не удалось... Положимъ, что и на солнцѣ есть пятна, однако, къ сожалѣнію, надо признать, что и во время управленія Привислянскимъ краемъ І. В. Гурко дѣлались подчасъ промахи, отзывавшіеся далеко нежелательными послѣдствіями» ¹⁾).

Изъ этихъ словъ видно, что нѣкоторые мѣстные круги считали дѣйствовавшее обрусѣніе еще недостаточнымъ и сами стремились къ обрусѣнію болѣе энергичному и болѣе поспѣшному. Но если правительство вовсе не указывало обрусѣнія цѣлью политики, а мѣстные дѣятели расходились между собою во взглядахъ на способы и темпъ, какими должно быть производимо обрусѣніе, то возможно ли признавать, что была въ самомъ дѣлѣ какая-либо система, т. е. согласное сознаніе достижимой цѣли и согласованіе съ нею и одного съ другимъ—тѣхъ средствъ, которыя должны ей соотвѣтствовать? Очевидно, системы не было, а было только соперничество въ придумываніи все новыхъ ограниченій, каковы бы они ни были и безъ яснаго сознанія того, къ чему онѣ дѣйствительно могли вести.

И этотъ то способъ дѣйствій г. В. Р. называетъ возвращеніемъ къ программѣ Н. Милютина, который писалъ еще въ 1866 году противъ обрусѣнія: «въ теченіи 30 лѣтъ мы не обрусили ни одного поляка,

¹⁾ «Москов. Вѣдомости». Письмо XIV Января 1896 г.

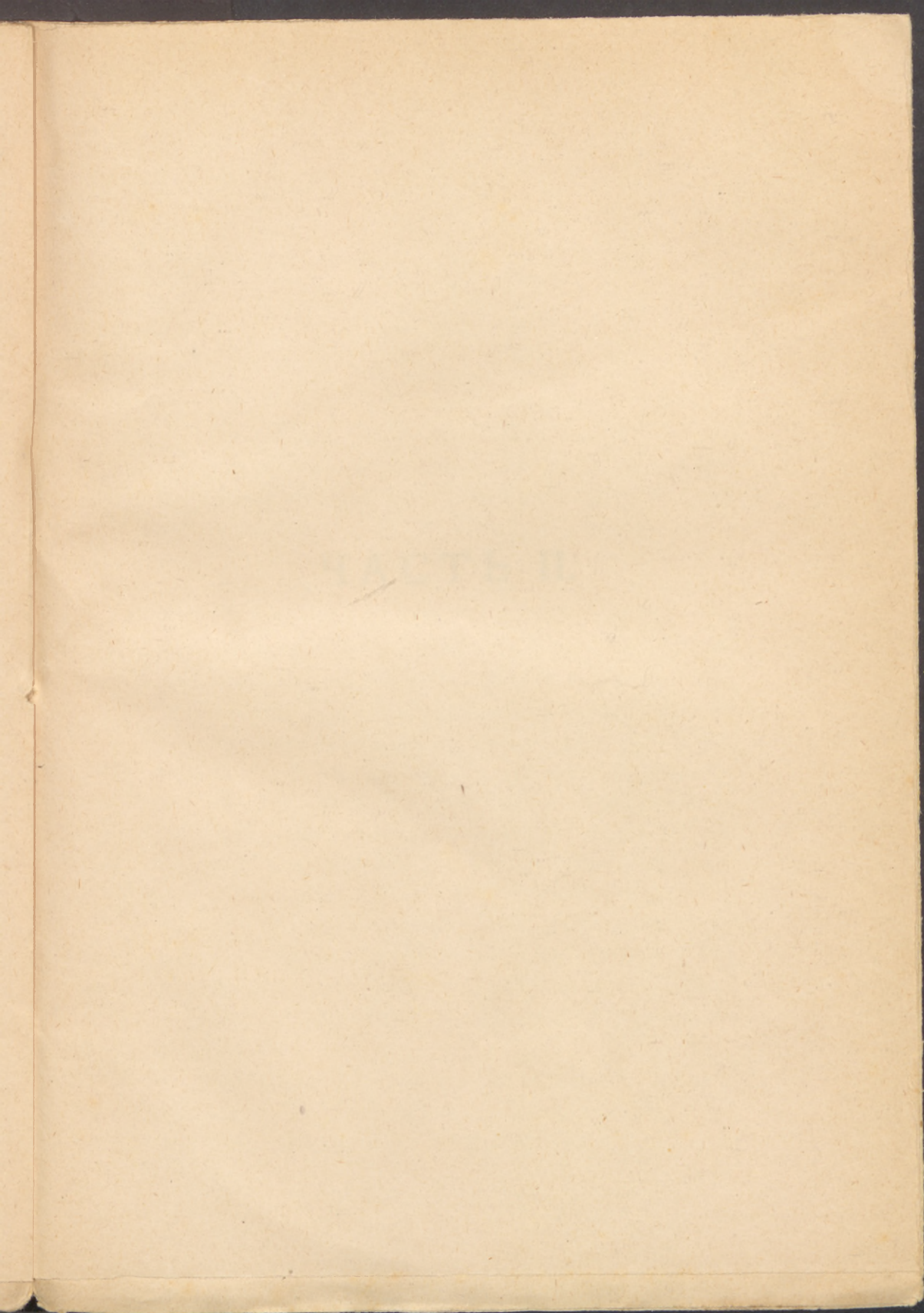
а въ то же время явились какъ бы посягающими на польскую національность».

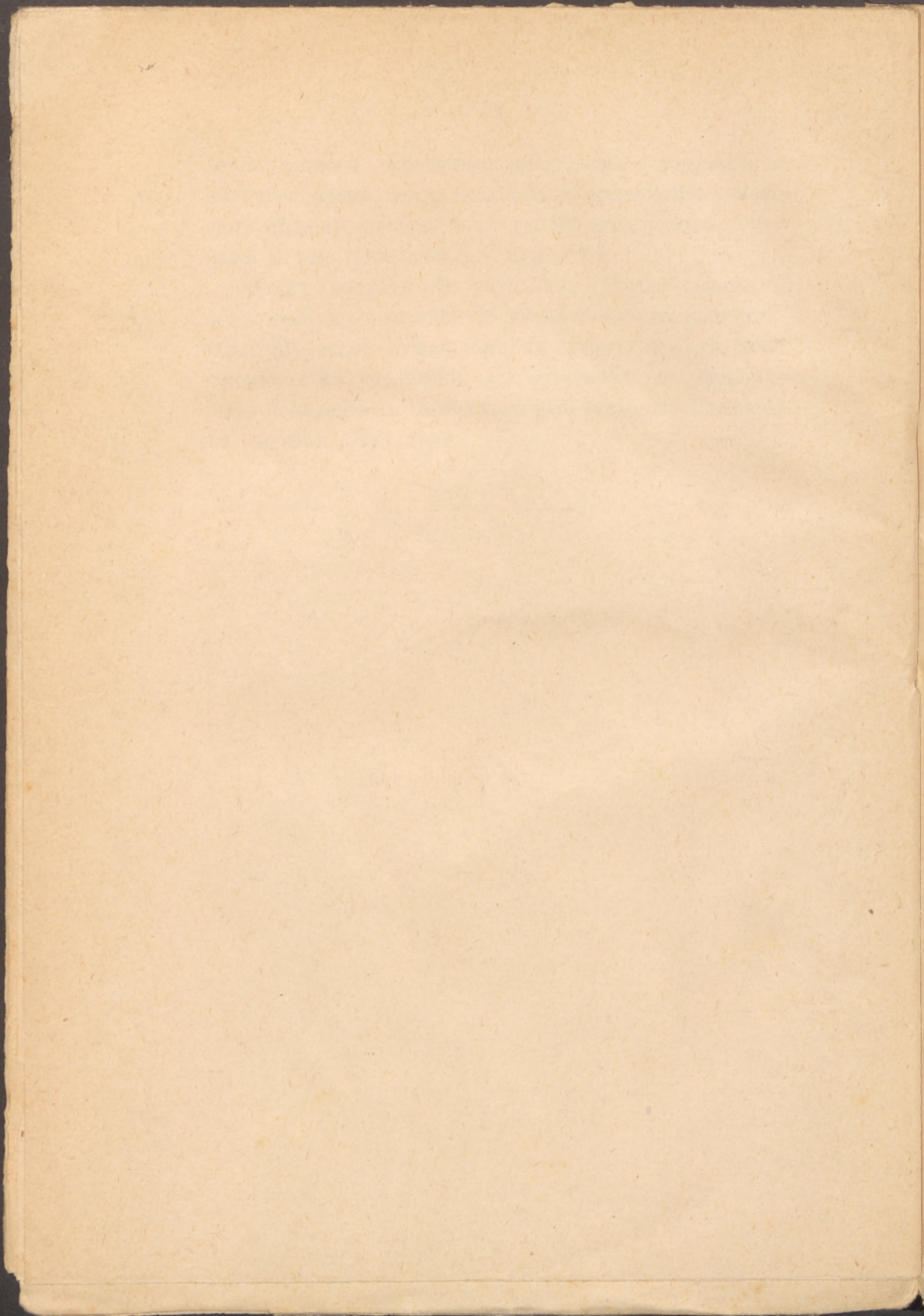
Мы остановились здѣсь на уясненіи задач и значенія той политики, которая примѣнялась въ Царствѣ въ періодъ, предшествовавшій назначенію графа П. А. Шувалова, потому что тотъ періодъ отдѣляетъ первые толки въ польской и русской печати о примиреніи отъ новѣйшихъ попытокъ въ томъ же смыслѣ. Слишкомъ ясно, что упомянутый періодъ такимъ попыткамъ не благопріятствовалъ. Онъ въ то время и не являлись, за однимъ исключеніемъ. Въ 1887 г. въ Варшавѣ стала издаваться газета «*Chwila*», основанная извѣстнымъ польскимъ публицистомъ Валеріемъ Пржиборовскимъ. Велась она въ прямо примирительномъ духѣ, человѣкомъ добросовѣстнымъ, который высказывалъ искреннія свои убѣжденія и не отклонялся отъ тѣхъ началъ, которыя уже обсуждались въ началѣ 80-хъ годовъ, не возмущая польскаго общественнаго мнѣнія. Но время было иное, явно неблагопріятное, и «*Chwila*», не встрѣтивъ сочувствія, вскорѣ должна была прекратиться. Она, какъ пишетъ г. Марк—скій, ¹⁾ «пала по недостатку подписчиковъ, поглотивъ небольшія средства своего редактора, а самъ редакторъ, талантливый польскій публицистъ, былъ закиданъ камнями и лишень возможности сотрудничать въ польскихъ періодическихъ изданіяхъ..... Какъ бы то ни было—добавляетъ онъ—отъ паденія «*Chwili*» слѣдовалъ десятилѣтній періодъ, въ теченіе котораго мы не помнимъ ни одного случая проявленія гражданскаго мужества въ этомъ направленіи, ни одной попытки сказать слово вразумленія». Но если примиреніе является цѣлью, то слова вразум-

¹⁾ «Варшавскій Дневникъ» 17 Іюня 1896 г. № 179.

ленія должны обращаться къ обѣимъ сторонамъ, а въ такое время, когда можно было вразумлять только одну сторону, должно быть трудно предпринимать это даже и при гражданскомъ мужествѣ.

Итакъ, вопросъ объ улучшеніи русско-польскихъ отношеній могъ возникнуть вновь только въ послѣдніе годы. Первымъ признакомъ въ этомъ смыслѣ, хотя въ мѣстномъ управленіи все оставалось по старому, было появленіе въ Петербургѣ депутаціи изъ Варшавы въ октябрѣ 1894 года.

ЧАСТЬ II.

PART II

I.

Восторженная встрѣча Государя населеніемъ города Варшавы 19 (31) августа 1897 г. и миллионъ рублей пожертвованныхъ 75 тысячами жителей въ разныхъ губерніяхъ Царства Польскаго, для ознаменованія посѣщенія Монархомъ Варшавы какимъ-либо общепользымымъ учрежденіемъ, согласно Его волѣ, представили собой краснорѣчивое удостовѣреніе вѣрноподданническихъ чувствъ населенія этого края и упрочившагося въ немъ сознанія преданности государству.

Въ виду такого засвидѣтельствованія, представляется уже излишнимъ приводить многочисленныя заявленія органовъ польской печати, какъ въ Царствѣ, такъ и за границую, о совершившемся въ умахъ огромнаго большинства поляковъ поворотѣ въ смыслѣ добровольнаго и искренняго усвоенія ими идеи нравственной солидарности съ государствомъ, въ составъ котораго они вошли по волѣ судьбы и съ будущностью котораго связано ихъ собственное благосостояніе. Заявленій въ этомъ смыслѣ въ польской печати появилось такъ много, что для обзора ихъ потребовалась бы цѣлая книга.

Поэтому, для характеристики настоящаго момента въ настроеніяхъ, потребностяхъ и желаніяхъ польскаго общества, мы воспользуемся наиболѣе полнымъ ихъ

обзоромъ, какой доселѣ появился въ польской печати и въ польской литературѣ. Такой обзоръ представленъ въ брошюрѣ, которая и носитъ названіе «O chwili obcesnej» т. е. «О настоящемъ моментѣ». Изданная подъ псевдонимомъ Петра Варты, она написана Э. И. Пильцомъ и составлена въ формѣ діалога между двумя сторонниками идеи полного примиренія и солидарности съ государствомъ, изъ которыхъ одинъ (авторъ) излагаетъ все значеніе переменъ, происшедшихъ какъ въ самомъ настроеніи большинства польскаго общества, такъ и въ обстоятельствахъ среди которыхъ оно живетъ, собесѣдникомъ же автора представляются тѣ возраженія, которыя еще слышатся порою и въ средѣ вполне лояльно настроенныхъ поляковъ и которыя сводятся, главнымъ образомъ, къ опасеніямъ, что окончательному упроченію надеждъ на благопріятную для поляковъ будущность могутъ помѣшать какія-либо недоразумѣнія, отсрочки или ошибки съ той или другой стороны.

Приводя мнѣнія автора т. е. П. В. (Петра Варты), мы сохраняемъ эту форму бесѣды, такъ какъ она помогла ему именно ко всестороннему разъясненію вопроса о русско-польскихъ отношеніяхъ въ настоящую историческую минуту.

«Я былъ въ одномъ собраніи—говорить пессимистически настроенный собесѣдникъ автора, N.— въ которомъ разсуждали о настоящемъ положеніи. Спорили такъ горячо, что я даже сюда убѣжалъ, чтобы придти въ себя. Я дрожу отъ одной мысли, что если теперь, послѣ столькихъ доказательствъ нашей лояльности, ничего не будетъ намъ даровано, или если это будетъ откладываться? Что на это скажутъ наши шовинисты? Въдь это имъ на

руку. Вотъ когда начнутъ насъ допекать горячимъ желѣзомъ обвиненій за потерю національнаго достоинства и тому подобное. Вы знаете, что посрединѣ между ними и нами, между крайними флангами стоитъ толпа, не вполне убѣжденная, вѣрующая намъ лишь на слово. Если мы не уплатимъ въ срокъ по векселю, нашъ кредитъ будетъ потерянъ навсегда. Положеніе угрожающее тѣмъ, что всѣ наши «примирительныя старанія» превратятся въ ничто».

«Въ вашей постановкѣ вопроса (отвѣчалъ *П. В.*), скрываются два основныя заблужденія. Манифестаціи имѣли не то значеніе, какое Вы имъ приписываете. Поведеніе Варшавы не представляло собою искусственно подготовленной демонстраціи или впередъ обдуманнаго плана, что было бы для насъ унижительно и обречено на полнѣйшій неуспѣхъ. Еслибъ это было такъ, еслибъ радостные клики, которыми встрѣчали Императора Николая II, въѣзжавшаго безъ конвоя, подъ единственной охраной гражданъ, сквозь безчисленныя толпы поляковъ, означали лишь поясненіе къ принципу «do ut des», то все бы звучало иначе, можетъ быть также громко, но не съ такою искренностью, не съ такою сердечностью. Каждый, кому довелось въ это время быть въ Варшавѣ, долженъ признать, что въ общемъ увлеченіи не было ничего разсчитаннаго, никакихъ матеріальныхъ видовъ, а было одно лишь горячее желаніе увидѣть и привѣтствовать Того, кто обратился къ намъ со словами милосердія и справедливости. Душа поляковъ давно уже жаждала такихъ словъ и потому оказалась чувствительною къ нимъ. Это чувство очень просто, но глубоко опредѣлилъ одинъ варшавскій старикъ-мѣщанинъ: «Я знаю не

знаю, сказалъ онъ, никакой политики, не соображаю, а попросту думаю: мы должны показать Государю, что съумѣемъ быть благодарными, а остальное предоставимъ Богу. Будетъ, что Богъ дастъ».

Н. Такъ могъ говорить только простой человѣкъ, не умѣющій анализировать свои собственные ощущенія, а не политикъ, которому извѣстно, чего онъ желаетъ и къ чему стремится. Но можете ли вы отрицать, что величайшей силою, которая направляла наши дѣйствія и возбудила въ толпѣ энтузіазмъ, выразившійся въ многотысячныхъ восклицаніяхъ: «да здравствуетъ!»—была «надежда»?

П. В. Ничуть не думаю этого отрицать, но полагаю, что не слѣдуетъ смѣшивать понятій: *надежда*—не то же самое, что *разсчетъ*. И эти простые люди, къ мнѣнію которыхъ вы относитесь свысока, забывая, что устами ихъ часто говоритъ народная мудрость, и которымъ въ душу запала мысль о томъ, что «можетъ быть намъ будетъ полегче», ужь никакъ не взвѣшивали на политическихъ вѣсахъ своего воодушевленія и не ставили его къ зависимость отъ возможныхъ затѣмъ облегченій и реформъ. Варшавскія манифестаціи, импонировавшія не только по своимъ размѣрамъ и силѣ, но и по нравственному ихъ значенію, потому именно и произвели громадное впечатлѣніе и у насъ и за границей, что онѣ были выраженіемъ признательности за дарованныя Момаршей волей слова и распоряженія, что онѣ не были вопросомъ, ожидающимъ отвѣта, а отвѣтомъ на вопросъ, не предложеніемъ нашихъ чувствъ на политическомъ рынкѣ, но естественнымъ ихъ проявленіемъ. Потому-то именно въ искренность ихъ нельзя было не повѣрить».

Пессимистъ возразилъ на это, что были однако дѣлаемы приготовленія, былъ особый комитетъ для устройства встрѣчи, была обывательская стража для охраненія порядка, значить, всетаки работали.

«Конечно работали—отвѣчаетъ авторъ—но развѣ бы эти старанія удались, еслибы почва для нихъ была неблагопріятна?»

Строительный матеріаль былъ готовъ, нужна была лишь архитектурная его укладка и эту работу исполнилъ комитетъ. Развѣ вы думаете, что легко было бы склонить человѣкъ 45 именитыхъ гражданъ къ участию въ комитетѣ, еслибъ въ общемъ настроеніи царило равнодушіе? То же самое и относительно 800 человѣкъ, взявшихся за тяжелый трудъ собиранія денегъ. Развѣ искусственная агитація могла бы въ два мѣсяца собрать милліонъ рублей отъ 75 тысячъ человѣкъ изъ всѣхъ мѣстностей края и всѣхъ классовъ общества? Милліонъ! Легко это сказать, а какъ его трудно собрать. Просмотрите списки пожертвованій нашихъ благотворительныхъ и общепользныхъ учреждений! Не думаете ли вы, что на пріюты и политехники можно было бы легко втянуть въ дѣло тысячи людей? Нѣтъ, милостивый государь, собранъ милліонъ не стараніями искусственной агитаціи и не она устроила народную манифестацію, какой Варшава не видала нѣсколько десятилѣтій. Источникъ подобныхъ проявленій слѣдуетъ искать въ общественномъ патриотизмѣ, въ пониманіи, что въ этотъ историческій моментъ дѣло идетъ о судьбѣ народа, что дальше жить по прежнему нѣтъ возможности, что если подошелъ благопріятный моментъ, надо поступить такъ, какъ этого требуетъ политическій разумъ и долгъ благодарности.

Не забывайте, что вопросъ о томъ, съ какимъ чувствомъ поляки принимаютъ проявленія и доказательства доброжелательности со стороны русскаго общества, правительства и самаго Монарха, имѣетъ въ данныхъ условіяхъ первостепенное значеніе. По русскимъ понятіямъ, 1863 годъ составляетъ импонирующій актъ польской неблагодарности. Съ нашей точки зрѣнія, послѣднее возстаніе было случайнымъ, вслѣдствіе цѣлага ряда причинъ, взрывомъ издавна нагроможденныхъ горючихъ матеріаловъ. Оно было великимъ, роковымъ бѣдствіемъ. Между тѣмъ даже самый доброжелательный по отношенію къ намъ и честный русскій, не вдаваясь въ психологическія изслѣдованія, разсуждаетъ прямо: Былъ Монархъ, исполненный благороднѣйшихъ намѣреній относительно поляковъ съ самаго вступленія на престолъ; въ продолженіи первыхъ шести лѣтъ его царствованія (1856—1862) накопились доводы Его благожелательства; былъ моментъ, когда политическія уступки сыпались, какъ изъ рога изобилія; телеграфъ не успѣвалъ извѣщать обо всѣхъ манифестахъ и законодательныхъ мѣрахъ; когда Царство Польское получило широкую автономію съ польскою администраціей, польскимъ судомъ, съ польскими школами, съ министерствами и государственнымъ совѣтомъ. Отвѣтомъ на это было поднятіе знамени независимости и обращеніе къ оружію».

Н. Русскій, который бы это сказалъ, не справлялся бы ни съ исторіей, ни съ психологіей народовъ. Кто хочетъ быть справедливымъ, тотъ долженъ искать причину возстанія дальше и глубже. Многомилліонный народъ, представлявшій собою могущественное государство, существованіе котораго обозначилось блестящими страницами въ исторіи, не могъ внезапно по-

мирится съ мыслью, что въ удѣлъ ему, вмѣсто государственныхъ задачъ, судьбою предоставлены лишь національныя. Возстаніе временъ Костюшки было лишь возстановленіемъ нашего рыцарскаго достоинства, стремленіемъ смыть кровью позоръ нравственнаго упадка поколѣнія XVIII вѣка. Мы искали искупленія повсюду, гдѣ мерещилась передъ нами искра надежды: подъ снѣгами Березины, въ ущельяхъ Испаніи, на Санъ-Доминго... Революція 1831 года возникла всего лѣтъ черезъ 15 послѣ паденія «Варшавскаго Герцогства» и послѣ Вѣнскаго Конгресса, который обновилъ паруса польскихъ надеждъ... У насъ были свое пародное представительство, свое правительство, національное войско... Послѣ этого наступили долгіе годы однообразной, пасмурной жизни, безъ всякихъ помысловъ о будущемъ... Удивительно ли, что съ первымъ лучемъ весенняго солнца ледяной покровъ треснулъ и волны выступили изъ береговъ? 1863 годъ оказался новымъ пароксизмомъ тоски по утраченному, тоски тѣмъ болѣе тяжелой, что она долго сдерживалась... Мы потеряли наше дѣло, поступили дурно, непрактично, все это правда, но кто же, взирая на событія съ извѣстной высоты, не пойметъ, что произошло это естественно? Кто броситъ въ насъ камнемъ? Развѣ Россія, въ благородномъ порывѣ вставшая на защиту Босніи и Герцоговины и освободившая Болгарію цѣною миллиарда рублей и кровью ста тысячъ своихъ сыновъ, осудитъ насъ въ глубинѣ души за то, что мы вступили въ неравный бой, что на алтарь нашихъ иллюзій, быть можетъ, неразумныхъ, но благородныхъ, мы сложили наше достояніе и пролитую кровь...

П. В. Что для васъ важнѣе: мое мнѣніе или мнѣніе русскаго?

М. Разумѣется, что въ данномъ случаѣ мнѣніе русскаго важнѣе.

П. В. Поэтому я скажу, что могъ бы вамъ отвѣтить русскій, еслибъ вы къ нему обратились. Во-первыхъ онъ не признаетъ удачнымъ сравненіе Польши съ Босніей и Герцоговиной или съ Болгаріей; онъ скажетъ, что иное дѣло угнетеніе физическаго варварства и иное репрессія государства новаго времени, хотя бы самая суровая. Затѣмъ, еслибъ онъ даже призналъ положеніе страны до восшествія на престолъ Александра II тяжкимъ и что взрывъ долженъ былъ наступить тотчасъ послѣ перваго облегченія, то спросить: что было дѣлать молодому, не отвѣтственному за прошлое, Монарху? Удержать ли временное положеніе, опирающееся на военномъ управленіи, но дающее государству матеріальное обезпеченіе, или постепенно вводить реформы и улучшенія? Императоръ Александръ избралъ второй путь и едва ли поляки могутъ его за это упрекнуть.

М. Это вѣрно, но всетаки еслибъ реформы вводились болѣе быстрымъ и ровнымъ темпомъ, еслибъ онѣ были болѣе значительны и болѣе существенны, катастрофа была бы отвращена...

П. В. Русскій скажетъ вамъ, что это обольщеніе, такъ какъ чѣмъ быстрѣе слѣдовали уступки, тѣмъ революціонное движеніе становилось сильнѣе.

М. Не оспариваю, но полагаю что окончательная катастрофа произошла не только по винѣ нашей неосмотрительности и безумнаго порыва, но и по внѣшнимъ причинамъ, въ родѣ напр. внезапнаго рекрутскаго набора и подстрекательствъ иностранныхъ державъ.

Но это авторъ возражаетъ, что никто нынѣ не оправдываетъ производства набора 1863 г. въ Царствѣ по прежнимъ именнымъ рекрутскимъ спискамъ, послѣ того, какъ уже ранѣе былъ установленъ порядокъ жеребьевый. Это было мѣрой нелегальной, отчаянной, къ которой маркизъ Велепольскій прибѣгнулъ поневолѣ, когда видѣлъ, что все воздвигаемое имъ зданіе валится; онъ попытался удалить этимъ средствомъ безпокойныхъ и нельзя упускать изъ вида исключительныхъ обстоятельствъ, въ какихъ онъ находился. Но наборъ не былъ причиною возстанія, а только послужилъ поводомъ къ тому, что оно вспыхнуло ранѣе. Оно было неизбежно, потому что и партія «умѣренная», такъ называемые «бѣлые» предъявляли такія условія, которыя не могли быть приняты правительствомъ, а въ противномъ случаѣ, сами стояли за сопротивленіе. Затѣмъ авторъ переходитъ къ дипломатическому вмѣшательству иностранныхъ государствъ

«Роковое, зловѣщее вліяніе политики иностранныхъ державъ на броженіе умовъ въ Польшѣ, начиная съ 1856 года, не подлежитъ сомнѣнію. Севастопольская война ослабила, но не сломила Россіи. Тогда въ Европѣ стали питать надежду что то, чего не могли достигнуть могущественныя державы, успѣютъ совершить внутреннія волненія, умѣло вызванныя и поддерживаемыя, что они заставятъ Россію сосредоточить все свое вниманіе на внутреннихъ вопросахъ, отказаться отъ претензіи вліять на европейскую политику и играть роль верховнаго судьи, какую впродолженіе долгаго времени «присваивалъ» себѣ императоръ Николай I. Отсюда-то начало появленія въ Европѣ блуждающихъ огоньковъ «польскихъ симпатій». Въ настоящее время, когда многое выяснилось и на многое

мы смотримъ спокойнѣе, намъ страннымъ представляется, какимъ образомъ это мерцаніе неуловимыхъ, то загоравшихся, то потухавшихъ огоньковъ ослѣпило людей и могло приниматься за путеводныя свѣтила. Прослѣдивъ съ документами въ рукахъ за дипломатической игрой Европы въ періодъ 1860—1864 гг. видно, какъ на ладони, что поляки были пѣшкой въ шахматной игрѣ противъ Россіи и что никто ради нихъ не думалъ рисковать своей шкурой. Наконецъ и эти блуждающіе огоньки погасли, когда Европа разубѣдилась въ матеріальной силѣ возстанія и когда нота кн. Горчакова разоблачила безсиліе бумажнаго вмѣшательства великихъ державъ».

Далѣе авторъ разъясняетъ, что какое-либо поученіе можно извлечь только изъ настроенія и дѣйствій польскаго общества въ періодъ между 1856 и 1862 годами. Когда произошло возстаніе, тогда уже роль умѣренной партіи прекратилась, а о возстаніи нечего и говорить. Но полезно припомнить себѣ въ видѣ предостереженія, чтобы не впасть въ ту же ошибку, какъ тогдашнее польское общество не съумѣло или не захотѣло оцѣнить тѣхъ первоначальныхъ облегченій и даже уступокъ, какія были сдѣланы правительствомъ въ періодъ отъ 1856 до 1862 г. Былъ цѣлый рядъ такихъ уступокъ, но все твердили, что «ничего важнаго не произошло»; не нашлось благо-разумныхъ, умѣренныхъ людей, которые-бы ихъ оцѣнили и предупредили взрывъ страстей и, наконецъ, несчастіе.

«Такъ какъ исторія 1856 — 1860 гг. для насъ имѣетъ значеніе научнаго изслѣдованія различныхъ политическихъ взглядовъ, то мы постараемся прежде всего постигнуть психологію умѣренной среды того вре-

мени. Можно безъ большого труда объяснить себѣ, а затѣмъ и оправдать поведеніе «красныхъ»; эти люди дѣйствовали въ ослѣпленіи, но были искренними и послѣдовательными; они глубоко вѣрили, что посредствомъ заговора и революціи Польша будетъ спасена. Это не какая-нибудь математическая проблема. Здѣсь нѣтъ мѣста для какихъ-либо сомнѣній, — нѣтъ ничего недосказаннаго, здѣсь все ясно и просто... Но какъ объяснить поведеніе людей зрѣлыхъ, опытныхъ, миролюбивыхъ, умѣренныхъ, консервативныхъ, которые апатично смотрятъ, какъ цѣлый край стремится въ пропасть, какъ какая-то невидимая рука ведетъ народъ по улицамъ, пропитаннымъ кровью, и по профанированнымъ ступенямъ алтаря къ катастрофѣ? Развѣ нельзя было предвидѣть, что, кто посѣтетъ вѣтеръ, соберетъ бурю, что, держа постоянно общество въ нервномъ напряженіи, въ постоянномъ экстазѣ, въ полномъ невниманіи къ реальнымъ условіямъ жизни, нельзя требовать, чтобы оно совершило потомъ, въ какой-нибудь важный моментъ, героическое усиліе и опомнилось отъ своихъ видѣній. Это было дѣломъ сверхчеловѣческимъ, безпримѣрнымъ въ исторіи. И совершилось то, что обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ: произошелъ торгъ чувствами, цѣлями и обѣщаніями. Увлеченные сталкивались съ еще болѣе увлеченными, а эти послѣдніе съ наиболѣе пылкими. Степень патриотизма опредѣлялась возгласомъ: кто даетъ больше? И тотъ, кто предлагалъ, т.-е. кто обѣщаль больше всѣхъ, получалъ общее довѣріе.

Что дѣлали въ это время консерваторы, что дѣлали разсудительные люди? вмѣсто того, чтобы строить плотины въ ожиданіи наводненія, причинявшаго столько убытка матеріальнаго и культурнаго,

они себѣ ломали въ отчаяніи руки и разрывали одежду. Эта бездѣятельность, эта апатія напоминаетъ индійца изъ разсказа Сенкевича: тотъ при видѣ угрожающей опасности, ложится въ лодку, бросаетъ весла и заводитъ похоронную пѣсню... Былъ ли поводъ для такой «резигнаціи», не было ли въ дѣйствительности средства спасенія?»

М. Революціонныя волны стали надвигаться въ 1861—2 годахъ. Тогда уже дѣйствительно не было спасенія: было слишкомъ поздно...

В. П. Слишкомъ поздно? За два года передъ возстаніемъ? Два года! Это вѣдь не двѣ недѣли, не два мѣсяца даже. Это долгіе два года, безконечно долгіе, въ которыхъ каждый изъ 365 дней приносилъ нѣчто новое, потрясающее. Но допустимъ, что вы правы, что тогда уже было поздно; что же дѣлала партія «бѣлыхъ» въ теченіе предшествовавшихъ пяти лѣтъ? Эти пять лѣтъ подготовили 1863 годъ. Въ первые годы царствованія Александра II обрисовалась уже вполне новая система. Хотя реформы слѣдовали одна за другой не столь быстро, какъ впоследствии, но характеръ ихъ былъ настолько опредѣленный и значительный, что онѣ могли служить доказательствомъ измѣненія системы, которой держалось правительство Николая I и желанія молодого монарха привести въ порядокъ и улучшить общее положеніе въ Царствѣ Польскомъ. Было ли почтено и признано это доброжелательство и сдумѣли ли воспользоваться его доводами? Была ли противопоставлена революціоннымъ замысламъ (революціонными они были сразу по своимъ цѣлямъ и характеру, прежде чѣмъ перейти отъ словъ къ дѣлу) организація началъ порядка и легальнаго труда; было ли противопоставлено тайному прави-

тельству отвѣтственное и открытое общественное мнѣніе? А когда затѣмъ вся гражданская власть перешла въ руки Велепольскаго, облегчило ли общество этому поляку выполненіе тяжелой задачи?..

Нѣтъ, почтениѣйшій, надо разъ навсегда положить конецъ предвзятому понятію, будто *одни* «красные» были виновниками возстанія, причиной всѣхъ бѣдствій и несчастій, происшедшихъ вслѣдствіе него. Виноваты въ этомъ прежде всего мы сами, люди умѣренные, которые не сѣумѣли предупредить несчастія, а когда оно уже свалилось на насъ, то, во имя солидарности, сами пошли въ революціонную Каноссу, передъ тѣмъ нами же преданную проклятію.

«Красные» народились у насъ въ качествѣ естественнаго продукта существовавшаго порядка. Самъ Н. Милютинъ въ своей извѣстной «Запискѣ» признаетъ, что учебная система, царившая до 1856 года была до такой степени ошибочною, что должна была воспитать поколѣніе неисправимыхъ политическихъ мечтателей. Несчастіе заключалось не въ существованіи «красныхъ», а въ томъ, что, не находя противодѣйствія въ обществѣ, они сѣумѣли терроризовать общественное мнѣніе и такимъ образомъ связали наиболѣе многочисленную среду равнодушныхъ и нерѣшительныхъ. Крайнее направленіе и его сторонники не составляютъ исключительной принадлежности одного польскаго общества, оно существуетъ повсюду, подъ всѣми широтами земного шара. Мы не составляемъ въ этомъ отношеніи исключенія между народами. Крайнія партіи рекрутируются главнымъ образомъ изъ молодежи, а молодежь всегда чувствуетъ и думаетъ не такъ, какъ поколѣніе, прошедшее суровую школу жизни и знающее, какъ нелегко «сдвинуть свѣтъ

съ мѣста». Можетъ быть и нехорошо было-бы (а навѣрно было бы скучнѣе), еслибъ было иначе, еслибъ на свѣтѣ наступило нераздѣльное господство ума и опытности, еслибъ не было столкновений разныхъ направленій. Самая жизнь обусловлена существованіемъ этихъ общественныхъ противорѣчій.

Бѣда однако, когда крайнія мнѣнія одерживаютъ верхъ въ большинствѣ и увлекаютъ его, а люди умѣренные опускаютъ руки. Такъ было въ 1863 году и не дай Богъ чтобы сколько нибудь сходное явленіе было возможно впредь.

Я объясню вамъ мою мысль примѣромъ. Мы не считали особенно большимъ несчастіемъ, когда нашлись горячія головы, пытавшіяся устроить демонстрацію въ честь годовщины Килинскаго или разбивать окна у тѣхъ, кто не желалъ участвовать въ манифестаціи «національнаго траура». Настоящимъ бѣдствіемъ было-бы, еслибъ эти попытки «пробужденія народнаго духа» нашли отзывъ и расположеніе въ обществѣ, или еслибъ ихъ не встрѣтили протестомъ со стороны наиболѣе уважаемыхъ лицъ интеллигентной среды. Политическая зрѣлость народа и отвѣтственность его передъ исторіей измѣряется не существованіемъ или отсутствіемъ подобныхъ опытовъ нарушенія порядка, а отношеніемъ къ нимъ руководящей части интеллигенціи.

Объ этой элементарной истинѣ наши предшественники забыли. Отсюда всегда происходилъ неисправимый вредъ.

Н. Легко это вамъ говорить теперь послѣ столькихъ печальныхъ, кровавыхъ испытаній. Но тогда еще опыта не было. Теперь на вашей сторонѣ боль-

шая часть общественнаго мнѣнія, а до 63 года каждаго, кто осмѣлился бы поднять голосъ противъ извѣстныхъ, освященныхъ временемъ понятій, огласили бы измѣнникомъ.

В. П. Это совершеннѣйшая правда: наша роль гораздо легче. Но если это такъ, если наша роль облегчается опытомъ ошибокъ, совершенныхъ нашими предшественниками, то не запрещайте же намъ изучать эту богатую предостереженіями эпоху и извлекать изъ нея поученія.

М. Запрещать не запрещаю, а только опасаюсь, чтобы подобное затрогиваніе старыхъ ранъ не оказалось для многихъ слишкомъ чувствительнымъ, болѣзненнымъ и, слѣдовательно, нежелательнымъ. Разсудивши всесторонне, не лучше ли было бы опустить завѣсу на прошлое, повидимому отдаленное, на самомъ же дѣлѣ еще столь близкое къ намъ?

Когда между сторонниками различныхъ мнѣній польскаго общества установится безмолвное соглашеніе, чтобы вопроса этого не касаться, умы успокоятся и на этой почвѣ легче всего было бы избѣжать всякихъ недоразумѣній между собою, и даже съ противниками.

П. В. У насъ обыкновенно такъ говорится, но въ сущности это не вѣрно. Положа руку на сердце можете ли вы утверждать, что мы *все* излечились отъ всевозможныхъ политическихъ пороковъ, что въ одинаковыхъ положеніяхъ мы не совершимъ одинаковыхъ ошибокъ и что эти ошибки не вызовутъ повторенія прежнихъ послѣдствій?

Развѣ вы не замѣчаете нѣкоторыхъ небезопасныхъ признаковъ, нѣкоторыхъ усилій, направленныхъ къ

тому чтобы ввергнуть общественныя чувства и помыслы на путь, уже многократно оказавшійся пагубнымъ? Правда, что различіе между настоящимъ положеніемъ и положеніемъ того времени громаднo. Въ настоящее время *значительное большинство* интеллигентнаго слоя населенія принадлежитъ по своимъ убѣжденіямъ къ умѣреннымъ и консерваторамъ и лишь незначительное меньшинство по прежнему теряетъ равновѣсіе; но пока это меньшинство существуетъ и мы не обезпечены средствами противъ вредныхъ вліяній, приходится намъ бороться противъ всякаго рода безтактныхъ выходокъ, убѣждать въ пагубности послѣднихъ для общаго дѣла, защищать нашу точку зрѣнія и нашу систему дѣйствія.

М. Я готовъ согласиться съ вами, что изученіе мучительной, но весьма поучительной эпохи можетъ быть оправдано и признано полезнымъ, но долженъ васъ предупредить, что я слышалъ мнѣніе, будто напоминаніе о неудачѣ примирительной политики, испытанной 35 лѣтъ тому назадъ, можетъ отбить у правительства охоту повторять неудачные опыты.

П. В. Очень естественно, что воспоминаніе о періодѣ 1856—64 не можетъ дѣйствовать поощрительно, но такъ какъ, не смотря на это, опытъ повторяется, то развѣ онъ не представляетъ доказательства искренняго доброжелательства? Допускать же, что въ русскомъ умѣ воспоминанія и сравненія появляются лишь вслѣдствіе польской обмолвки, можно лишь по наивности. Страусъ, видя приближающуюся опасность, прячетъ голову подъ крылья, думая такимъ образомъ скрыться отъ охотника. Неужели мы должны подражать его политикѣ? Съ самаго начала, лишь только опредѣлилось намѣреніе измѣнить програм-

му образа дѣйствій правительства, воспоминаніе о 1863 годѣ, и въ особенности о предшествовавшихъ ему годахъ, явилось на всѣхъ устахъ въ Россіи; для противниковъ реформъ, облегченій и всякаго «примиренія» оно составляетъ самый сильный, нестарѣющійся аргументъ. Выслушивая его, неужели мы должны прятать головы, вмѣсто того, чтобы, напротивъ, взглянуть въ глаза опасности и доказать, что, не смотря на нѣкоторое сходство этихъ двухъ историческихъ моментовъ, *различіе* между ними *громадное* — въ нашу пользу. Я думаю, что послѣдній образъ дѣйствій уже потому болѣе рационаленъ, что въ самомъ обсуживаніи польскою публицистикой этихъ щекотливыхъ воспоминаній, каждый русскій увидитъ доказательство нашего политическаго отрезвленія».

Авторъ въ этой части своего труда старается припомнить польскому обществу, что прямой причиной несчастій постигшихъ его въ 60-хъ годахъ были именно чрезмѣрность требованій и неумѣнье оцѣнить, какъ много значило самое оставленіе правительствомъ прежняго, чисто-репрессивнаго образа дѣйствій. Убѣждая своихъ родичей не впадать нынѣ въ эту ошибку, онъ приводитъ подробно цѣлый рядъ облегченій или актовъ милости послѣдовавшихъ въ теченіи 1856—1861 годовъ, между прочими: учрежденіе въ Варшавѣ медицинскаго института и 5 училищъ правовѣдѣнія въ разныхъ губерніяхъ Царства, возвращеніе сосланныхъ въ Сибирь и эмигрантовъ, отмѣну дальнѣйшихъ розысковъ объ имѣніяхъ подлежащихъ конфискаціи, утвержденіе «земледѣльческаго общества» и пр. Все это показывало ясно, что система перемѣнилась и потому было чрезвычайно важно. Но къ сожалѣнію, этого не оцѣнили, и

нашлось слишкомъ много людей, которые твердили, что «никакихъ перемѣнъ» не произошло.

«Когда прибывали уступки, никто не спрашивалъ, что онѣ приносятъ хорошаго, какъ ими пользоваться странѣ, а всѣ искали въ нихъ недостатковъ и ошибокъ и по нимъ судили о цѣломъ нововведеніи; сопоставляли ихъ съ общими требованіями и желаніями края, и съ такой точки зрѣнія каждую уступку считали за каплю въ морѣ; увѣряли общество, будто Россія колоссъ на глиняныхъ ногахъ и уступчивость ея происходитъ не вслѣдствіе ея доброй воли, а по принужденію, изъ опасенія движенія въ краѣ и вмѣшательства извнѣ. Словомъ, всѣ опыты улучшенія были осмѣяны, измельчены, а лица, стоявшія между престоломъ и правительствомъ съ одной стороны и обществомъ съ другой, были дискредитированы и поставлены къ позорному столбу... Кто осмѣливался возвышать голосъ и апеллировать къ разсудительности, былъ безпардонно провозглашаемъ измѣнникомъ.

На чемъ основывается сходство двухъ эпохъ 1894—97 и 1856—60 г.? На опытахъ со стороны правительства, на измѣненіяхъ въ личномъ составѣ высшей администраціи, на иномъ, болѣе доброжелательномъ отношеніи властей къ обществу и болѣе къ нему довѣріи, на введеніи нѣкоторыхъ наиболѣе неотложныхъ и легче примѣнимыхъ реформъ, на подготовленіи болѣе важныхъ реформъ, требующихъ подготовительнаго труда. Сходство далѣе этого не идетъ. *Разница* же положенія касается самой важной въ данномъ случаѣ стороны дѣла—поведенія общества и отвѣта на озабочивавшій всѣхъ вопросъ: какъ будутъ имъ приняты первыя, по природѣ вещей скромныя, реформы и облегченія.

Отвѣтъ получится самый благопріятный: общество держало себя съ полнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ, съ яснымъ сознаніемъ значенія переживаемаго момента и доказало, что хотя оно ничего не забыло, но многому научилось. Когда два мѣсяца тому назадъ, я писалъ о «поворотномъ моментѣ въ русско-польскихъ отношеніяхъ», я могъ приводить, въ доказательство увеличившейся политической зрѣлости, голоса печати, по случаю ухода гр. Шувалова, указывать на изъявленія чувствъ, выраженные князю Имеретинскому представителями польскаго общества, во время его объѣзда по губерніямъ края, на организацію пожертвованій въ капиталъ имени Его Величества Государя Императора и на фактъ, что собрано миліонъ рублей. Но затѣмъ наступило событіе, затмившее въ качествѣ *доказательства* *всѣ* прочіе: встрѣча Государя Варшавой и представителями прочихъ мѣстностей края,—встрѣча столь общая и единомысленная, столь великолѣпная и внушительная, что она превзошла самыя смѣлыя ожиданія даже тѣхъ изъ насъ, которые твердо увѣрены были въ благополучномъ завершеніи этого историческаго момента и связывали съ нимъ надежду на лучшую будущность.

М. Изъ за чего же вамъ беспокоиться?

П.В. Я и не беспокоюсь за общество. Я знаю, что точно также, какъ нельзя по парижскимъ бульварамъ судить о Парижѣ, а по Парижу о Франціи, точно также кружокъ политическихъ импрессионистовъ не даетъ понятія о настроеніи Варшавы. Между тѣмъ, кромѣ Варшавы, есть еще цѣлый край, спокойный, вѣрующій и преданный труду. И однако, когда я слышу кругомъ беспокойные и безмысленные вопросы: что будетъ, если реформы и облегченія не послѣдуютъ? въ душу закрадывается какая-то боязнь». 6

Что касается упрековъ вашихъ провинціальныхъ знакомыхъ, что облегченія незначительны и направлены односторонне, то это можетъ быть слѣдствіемъ того, что каждый смотритъ на нихъ подъ своимъ угломъ зрѣнія, провѣряя дѣйствительность реформъ по степени вліянія ихъ на небольшой кругъ, въ которомъ онъ живетъ. Никто не беретъ на себя трудъ составить полный балансъ политическаго положенія..., а между тѣмъ такой балансъ возвратилъ бы всякому спокойствіе, столь необходимое при сужденіи о дѣлахъ и людяхъ. Суммируя всѣ факты за послѣдніе три года, мы должны придти къ убѣжденію, что измѣнились система, образъ дѣйствія, взгляды на потребности общества и прежде всего самое *направленіе*».

II.

П. В. Краснорѣчивѣйшимъ доводомъ доброжелательства къ польскому обществу являются всѣ постановленія, въ которыхъ выражена Высочайшая воля. Съ самаго вступленія на престолъ, во всѣхъ Высочайшихъ рескриптахъ, указахъ, распоряженіяхъ, назначеніяхъ ясно просвѣчиваетъ не только заботливость о благѣ польскаго народа, но и милостивое желаніе Государя, чтобы всѣ объ этомъ знали. Во всемъ проглядываетъ намѣреніе признать права народности и ея потребностей.

На ряду съ заботливостью о государственномъ единствѣ мы видимъ уваженіе къ народности, вѣрѣ, и языку. Непрерывная заботливость Государя о томъ, чтобы всѣ это знали и понимали, особенно выразилась въ рескриптѣ на имя графа Шу-

валова, при *оставленіи* имъ своего поста. Въ этомъ рескриптѣ менѣе всего можно было ожидать указаній на *будущее* и однако эти указанія были преподаны.

Отъ письменныхъ актовъ перехожу къ событіямъ, начиная отъ перемѣнъ въ личномъ составѣ управленія, что въ нашемъ положеніи особенно важно. Когда былъ окончательно разрѣшенъ вопросъ объ уходѣ генерала Гурки, возникъ вопросъ объ избраніи его преемника. Выборъ, павшій на гр. Шувалова, нельзя, разумѣется, разсматривать, какъ уступку, сдѣланную полякамъ; выборъ палъ на того, въ комъ видѣли блестящаго дипломата, государственнаго человѣка съ широкими взглядами и испытанной вѣрности слугу Престола. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить счастливаго проявленія судьбы въ томъ, что выборъ Государя вполне совпалъ съ чувствами и взглядами общества».

Далѣе авторъ напоминаетъ, что если надежды возлагаемыя на гр. Шувалова не успѣли осуществиться то это было не по недостатку доброй воли со стороны графа, но потому что многосложныя занятія его по управленію краемъ и командованію войсками подрвали его силы, а кромѣ того, ему нѣсколько мѣшала и крайняя его деликатность по отношенію къ служебному составу; были примѣры, что онъ предпринималъ преобразование цѣлой части только съ цѣлью замѣнить кого-нибудь, не затрогивая его самолюбія. Во всякомъ случаѣ, гр. Шуваловъ оставилъ по себѣ въ Варшавѣ самое лучшее воспоминаніе и вся варшавская печать провозгласила его выраженіями сочувствія и признала, что при немъ обрисовалась именно перемѣна въ управленіи, стало быть, тѣмъ болѣе въ настоящее время странно утверждать что никакой перемѣны не про-

изошло. Назначеніе помощникомъ генераль-губернатора—гофмейстера Петрова свидѣтельствовало также о благожелательномъ отношеніи къ краю. А. Н. Петрова цѣнило общество въ Минскѣ, когда онъ былъ тамъ губернаторомъ; въ Варшавѣ онъ являлся доступнымъ, охотно выслушивалъ объясненія. Говорили, правда, что онъ былъ слишкомъ проникнутъ духомъ бюрократизма, но на дѣлѣ онъ выказывалъ просвѣщенный взглядъ, справедливость и вообще добрыя намѣренія. Такъ напр. благодаря ему состоялись: первое фактическое облегченіе въ условіяхъ мѣстной печати, позволеніе учить польской грамотѣ въ пріютахъ благотворительнаго общества и проч.

«Я касаюсь этихъ подробностей дѣятельности А. Н. Петрова для того, чтобы по этому поводу подѣлиться съ вами мыслью, которая часто приходитъ мнѣ въ голову. Мнѣ кажется, что мы употребляемъ очень мелочную, шаблонную мѣру при оцѣнкѣ встрѣчающихся съ нами русскихъ людей, что мы, придерживаясь манеры импрессионистовъ, представляемъ себѣ ихъ всегда въ одинаковой окраскѣ, не въ ихъ собственной, естественной, а въ той, какую придаетъ имъ наше субъективное впечатлѣніе. Если по той или другой причинѣ, который нибудь изъ нихъ нашему обществу не симпатиченъ, то уже не только все, что онъ говоритъ и дѣлаетъ, мы готовы порицать, но даже и не допускаемъ, чтобы отъ него или по его инициативѣ исходило что нибудь хорошее или полезное. Наоборотъ,—кто нибудь изъ русскихъ получить въ нашемъ обществѣ популярность, и мы тотчасъ требуемъ отъ него, чтобы онъ всюду и вездѣ, во всѣхъ вопросахъ и положеніяхъ, чувствовалъ и думалъ за одно съ нами, чтобы дѣйствовалъ сообразно

нашимъ желаніямъ и вообще, чтобы поступалъ, какъ *crypto-polonus*. Мы точно не понимаемъ, что русскій, какъ и каждый человѣкъ, представляетъ собою весьма сложный аппаратъ, — не говоря уже о различіяхъ, происходящихъ вслѣдствіе неодинаковыхъ условий жизни и воспитанія, — зависящій отъ состоянія духа и тысячи внѣшнихъ впечатлѣній. Отсюда ошибочные расчеты и разочарованія.

Назначеніе преемникомъ гр. Шувалова — князя Имеретинскаго, государственнаго человѣка съ высокимъ личнымъ авторитетомъ и силою инициативы, представило новое доказательство милостиваго расположенія Монарха. Извѣстно, что князь принялъ трудный постъ варшавскаго генераль-губернатора только вслѣдствіе ясно выраженной Монаршей воли и въ силу сознанія патріотическаго долга. Первымъ указаніемъ его всесторонней заботливости объ улучшеніяхъ служить уже самый выборъ имъ себѣ въ сотрудники такихъ лицъ, какъ кн. Оболенскій и гг. Онопріенко, Лигинъ, Зенгеръ, Львовъ, Мѣнкинъ».

Изъ существенныхъ облегченій на первое мѣсто г. Петръ Варта ставитъ прекращеніе взиманія процентнаго сбора съ землевладѣльцевъ польскаго происхожденія въ Западномъ краѣ.

«Въ нѣкоторыхъ органахъ заграничной прессы отзывались по поводу этого, что процентный сборъ не слишкомъ обременялъ помѣщиковъ, и что поэтому въ смыслѣ экономическомъ льгота была небольшая, что сборъ и его прекращеніе имѣлъ значеніе главнымъ образомъ политическое. Несомѣнно, что политическая сторона контрибуціи превышала финансовую; но нельзя обойти и послѣдней стороны. Въ бюджетѣ владѣльца одной усадьбы нѣсколько десятковъ рублей могутъ

значить немного, но въ бюджетѣ цѣлаго края подать эта съ 9 губерній составляла почти полтора милліона, а общая сумма этого сбора за все время его существованія доходить до 60 милліоновъ! Не придавать достаточнаго этой цифрѣ значенія можетъ только тотъ, кому не понятны условія народнаго хозяйства. Подумайте, напр. что бы сдѣлали изъ этой суммы земельные владѣльцы Вел. Княжества Познанскаго, если бы имъ дать такой капиталъ. Весь спасательный банкъ (Bank ratunkowy), ведущій борьбу на смерть съ прусскою колонизаціонною комисіей, имѣетъ въ своемъ распоряженіи капиталъ меньше, чѣмъ сумма контрибуціи, внесенной за одинъ годъ. Я слышалъ и такое мнѣніе: русскій государственный бюджетъ уже перешелъ миліардъ, полтора же милліона составляетъ всего почти $\frac{1}{1000}$ часть его. Но это только такъ кажется; если же принять во вниманіе все нужды гигантскаго государства—подумайте, сколько изъ нихъ еще ожидаютъ удовлетворенія! Напр. бюджетъ народнаго просвѣщенія 130 милліоннаго населенія достигаетъ всего 25 милліоновъ, т. е. 20 к. на человѣка. $1\frac{1}{2}$ милліона много значать и для всего государства, а для девяти губерній очень много, такъ что въ министерствѣ финансовъ не сразу придумали, чѣмъ замѣнить этотъ ущербъ. Надо, слѣдовательно, умѣть оцѣнить и финансовую сторону отмѣны контрибуціи. Это жертва со стороны казны и серьезное пріобрѣтеніе польскихъ помѣщиковъ».

Кромѣ денежнаго значенія, отмѣна процентнаго сбора, какъ указываетъ авторъ, имѣла не малый смыслъ нравственный. Въ Высочайшемъ указѣ по этому предмету было упомянуто о полезной дѣятельности польскаго дворянства для благосостоянія губерній Западнаго края и обѣщано покровительство такой дѣя-

тельности. Тѣмъ самымъ опровергался высказывавшійся иными газетами взглядъ, будто въ смежныхъ съ Царствомъ губерніяхъ, поляки не имѣютъ права существовать, а должны или выѣхать оттуда, или обратиться въ русскихъ».

Упомянувъ далѣе о временномъ отсутствіи генераль-губернатора въ Сѣверо-западномъ краѣ, по смерти ген. Оржевскаго, авторъ допускаетъ мысль, что такое назначеніе всетаки можетъ состояться, какъ то и случилось, уже по выходѣ въ свѣтъ брошюры. «Естественно—говоритъ онъ—что все входящее въ программу уравненія сѣверо-западныхъ губерній съ внутренними представляется желательнымъ. Но вопросъ о назначеніи генераль-губернатора нынѣ уже не имѣетъ того остраго характера, какъ въ прежнее время».

«То же стремленіе возратить нормальное положеніе въ Западномъ краѣ проглядывало и въ предположеніи упраздненія виленскаго генераль-губернаторства. Быть можетъ, что къ сосредоточенію политическаго управленія трехъ литовскихъ губерній правительство снова придетъ, но если опытъ управленія ими, безъ замѣщенія поста генераль-губернатора, продолжается столько мѣсяцевъ, то не предстоить ли и въ этомъ отношеніи приравнять литовскія губерніи къ бѣлорусскимъ и вообще къ внутреннимъ, въ которыхъ мѣстныя условія не требуютъ спеціальныхъ полномочій для высшей администраціи.

Повидимому положеніе поляковъ не вполне понимается русскими, утверждающими, будто поляки очень рады, что постъ генераль-губернатора въ Вильнѣ остается незанятымъ и усердно хлопочутъ, чтобы междуцарствіе виленскаго великовластія продолжалось какъ можно дольше. Естественно, что все, относящееся

къ программѣ уравниенія правъ, желательно; поэтому желательно и уравниеніе правъ литовскихъ губерній съ внутренними. Но вопросъ объ этомъ въ настоящее время уже не представляетъ собой прежняго жгучаго интереса. Не безъ нѣкотораго основанія можно предполагать, что на этотъ разъ вакантное мѣсто было бы замѣщено такимъ кандидатомъ, задача коего состояла бы въ заживленіи ранъ прошлаго и въ укрѣпленіи нравственной связи между Западнымъ краемъ и государствомъ,—между всѣми слоями населенія и государствомъ. Разумный, образованный и опытный администраторъ, который будетъ стремиться устранить *вопросъ* о Западномъ краѣ посредствомъ выключенія изъ него всѣхъ началъ и вліяній, способствующихъ его разложенію и взаимному раздраженію, могъ бы ускорить общій процессъ упорядоченія его положенія, а вѣдь въ этомъ главнѣйшая задача. Лишь только все войдетъ въ свою колею, лишь только законъ станетъ закономъ, равнымъ для всѣхъ и для всѣхъ обязательнымъ, исчезнуть всѣ недоразумѣнія и національныя, и вѣроисповѣдныя; тотчасъ возвысится и его умственный, нравственный и экономическій уровень. Край, находящійся въ исключительныхъ условіяхъ, всегда кажется какъ бы на бивуакахъ, все въ немъ на временномъ положеніи, люди живутъ со дня на день; они трудятся, потому что должны трудиться, но никто не думаетъ о веденіи порядочнаго хозяйства и дальше завтрашняго дня не заглядываетъ. Для труда истинно цивилизующаго, котораго въ Литвѣ и Бѣлоруссіи чувствуется большой недостатокъ, настоятельно необходимо упроченіе правильныхъ условій жизни. Доброжелательный генераль-губернаторъ съ широкими полномочіями могъ бы въ этомъ оказать большое содѣйствіе.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что вопросъ о сохраненіи поста виленскаго генераль-губернатора для польскихъ жителей края не имѣетъ значенія *основного* вопроса. Иллюстраціей къ такому мнѣнію можетъ послужить примѣръ Царства Польскаго. Несомнѣнно ко вреду польскаго общества и цѣлаго края оказалась бы замѣна нынѣшняго варшавскаго генераль-губернаторства предоставленіемъ управленія въ исключительное завѣдываніе губернаторовъ.

Дальнѣйшимъ признакомъ намѣреній правительства возвратиться къ нормальному положенію можетъ служить также проектъ введенія земскихъ учреждений въ Западномъ краѣ. По Высочайшему повелѣнію учреждены губернскія и уѣздныя коммисіи съ участіемъ землевладѣльцевъ для обсужденія этого проекта. Протоколы этихъ коммисій въ настоящее время уже препровождены въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Мнѣ неизвѣстна дальнѣйшая судьба ихъ, но мнѣнія о нихъ разнообразны.

Впрочемъ, на сколько мнѣ извѣстно, между нашими земляками въ Литвѣ (на югѣ положеніе иное) взгляды на этотъ вопросъ еще не согласны. Очень многіе опасаются значительнаго возвышенія податей безъ ручательства за цѣлесообразное ихъ употребленіе, причемъ они утверждаютъ, что земское самоуправленіе вноситъ болѣе обязанностей, чѣмъ правъ, хотя каждый понимаетъ, что эти обязанности необходимо исполнять, разъ заявленіе о мирномъ трудѣ въ государствѣ и съ государствомъ не останется пустою фразою въ устахъ поляковъ. Первымъ условіемъ для такого труда, разумѣется, должно бы было явиться пользованіе земскимъ самоуправленіемъ въ возможной полнотѣ, хотя-бы подѣ строжайшимъ правительственнымъ

контролемъ. Земское самоуправленіе ограниченное и изуродованное, по мнѣнію компетентныхъ людей, вмѣсто облегченія, легло бы тяжестью на жителей вмѣсто того, чтобы явиться реформой на пути къ улучшеніямъ.

Въ городское самоуправленіе не было введено ограниченій и едвали кому нибудь удастся доказать, чтобы въ хозяйствѣ городовъ Западнаго края завелось что либо въ родѣ политической агитаціи, могущей повредить государству, или хотя бы нарушить порядокъ. Тѣмъ болѣе можно быть увѣреннымъ въ землевладѣльцахъ, которые въ настоящее время преданы началамъ умѣреннымъ или консервативнымъ.

Блестящимъ доказательствомъ этого можетъ служить минское сельскохозяйственное общество. Въ этомъ обществѣ 700 членовъ, въ числѣ коихъ большинство поляки, правленіе состоитъ изъ поляковъ и тѣмъ не менѣе оно успѣло заслужить довѣріе какъ мѣстной такъ и центральной власти. Минское общество сельскаго хозяйства неоднократно ставилось въ примѣръ прочимъ учрежденіямъ этого рода и даже удостоилось получить Высочайшую благодарность за починъ въ дѣлѣ устройства непосредственныхъ сношеній съ интендантствомъ по доставкѣ ему зерноваго хлѣба. Положеніемъ своимъ и репутаціей Минское общество обязано тому обстоятельству, что оно не занималось политикой, а строго держась устава, энергически развивало свою дѣятельность, направленную въ пользу разнообразныхъ общественно-экономическихъ улучшеній. Своими отношеніями къ правительству Минское общество на столько дорожило, что когда оно при поставкѣ военному вѣдомству потерпѣло убытокъ, то покрыло его своими средствами, лишь бы выполнить

условіе. Въ виду столь ясныхъ доказательствъ полезной инициативы и дѣятельности общества, оно не подвергалось нападкамъ даже самыхъ рьяныхъ нашихъ противниковъ въ русской печати. Не служить ли это очевиднымъ доказательствомъ того, что равноправіе поляковъ съ русскими въ земствѣ никому и ничему не угрожаетъ, а наоборотъ, можетъ способствовать къ поднятію благосостоянія края, который, какъ составная часть цѣлаго государства, долженъ подлежать заботѣ правительства. Русской печати слѣдовало бы помнить, что совмѣстная работа обѣихъ народностей на какомъ либо полѣ труда, а тѣмъ болѣе въ сферѣ самоуправленія, есть лучшая школа государственной солидарности и лучшее изъ средствъ объединенія.

Поэтому слѣдуетъ полагать, что принципъ равноправности безъ чувствительныхъ ограниченій одержитъ верхъ или вся реформа будетъ отложена. Какъ бы то ни было, вы должны признать, что поднятіе вопроса о введеніи земскаго положенія въ Западномъ краѣ должно быть записано въ счетъ перемѣнъ къ лучшему».

Затѣмъ авторъ упоминаетъ о состоявшемся упорядоченіи нѣсколькихъ вопросовъ, входящихъ въ область религіозныхъ отношеній католическаго населенія въ Западномъ краѣ какъ то: о сооруженіи придорожныхъ крестовъ и костеловъ, о назначеніи ксендзовъ въ вакантныхъ приходахъ въ Минской губерніи, о замѣщеніи вакантныхъ епископскихъ мѣстъ. «Еще болѣе важное значеніе, въ смыслѣ принципиальномъ—продолжаетъ онъ—представляетъ Высочайшее повелѣніе 25 Іюля о правѣ иновѣрцевъ читать предкласныя молитвы по каждому вѣроисповѣданію отдѣльно

и о непринужденіи учениковъ неправославныхъ посѣщать православную церковь въ табельные дни. Въ этомъ распоряженіи ясно просвѣчиваетъ господствующая высокая мысль, проникнутая благородной терпимостью, о тѣсномъ разграниченіи сферы дѣятельности каждаго вѣроисповѣданія и о недопущеніи даже малѣйшаго предположенія, чтобы православная церковь могла или должна была представлять опасность для инославныхъ. Идея свободы совѣсти золотой нитью проходитъ сквозь всѣ постановленія, выражающія волю нашего Монарха.

Н. Всѣ ли льготы, данныя Западному краю перечислены вами? Если всѣ, то хотѣлъ бы я васъ спросить, полагаете-ли вы, что кромѣ перечисленныхъ облегченій могли бы быть введены еще какія либо, касающіяся иныхъ областей жизни?

П. В. Въмѣсто прямого отвѣта на вашъ вопросъ, я передамъ вамъ то, что мнѣ говорилъ одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ представителей литовской интеллигенціи. «Мы отлично понимаемъ, сказалъ онъ, что вопросъ о Западномъ краѣ не можетъ трактоваться въ польской печати одинаково съ вопросомъ о перемѣнѣ внутренней политики въ Царствѣ Польскомъ. Было бы страшною ошибкой, послѣ печальныхъ опытовъ прошлаго, соединять эти вопросы. Даже въ лучшихъ условіяхъ невозможно требовать и ожидать, чтобы правительство примѣняло одну и ту же программу въ странѣ цѣликомъ польской, и въ краѣ, этнографически разнородномъ. Настоящія наши надежды ограничиваются тѣмъ, чтобы намѣченныя по Высочайшей волѣ въ указахъ послѣднихъ двухъ лѣтъ стремленія привести край въ нормальное положеніе не останавливались; чтобы мы, напр., живу-

щіе здѣсь съ прадѣдовскихъ временъ, не были лишены тѣхъ же гражданскихъ правъ, какими пользуются поляки, со вчерашняго дня водворившіеся на Волгѣ или на Камѣ». Сомнѣваюсь, чтобы безпристрастный русскій не согласился съ этимъ положеніемъ.

Изъ того, что имѣеть одинаковое значеніе для цѣлаго польскаго народа, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить разрѣшеніе на постановку памятника Мицкевичу. Проповѣдующіе теорію, будто ничего не измѣнилось, утверждаютъ, что это разрѣшеніе мелочное событіе, и что одни сторонники примиренія строятъ изъ этого нѣчто большее. По рукамъ ходитъ даже басня «Волкъ, овцы и памятникъ», въ которой, съ сарказмомъ, долженствующимъ насъ уничтожить, говорится о глупости овецъ, проведенныхъ на этомъ памятникѣ, между тѣмъ, какъ это обычная волчья уловка, чтобы въ глазахъ Европы блеснуть терпимостью. У насъ теперь (къ счастью только въ немногихъ кружкахъ) басня, анекдотъ, каламбуръ, производятъ большее вліяніе, чѣмъ основательное сужденіе.

Дѣйствительно ли памятникъ Мицкевичу—событіе, не имѣющее значенія? Утверждающіе это не даютъ себѣ отчета о разныхъ сторонахъ и подробностяхъ вопроса. Забываютъ, что для русскаго величайшій польскій поэтъ не только творецъ «Пана Тадеуша», но и авторъ 3-й части «Дѣдовъ», «Смотра», «Редута Ордона», этихъ произведеній, въ которыхъ возмущеніе и ненависть побѣжденнаго народа доведены до величайшаго пагоса. Для того, чтобы эти страстные и горячіе потоки чувствъ перестали дѣйствовать болѣзненно, надо, чтобы не только самое время успѣло ихъ остудить, но чтобы исчезли и условія, ихъ слагающія; надо, чтобы всѣ политическія различія сравня-

лись, чтобы всё прошлые обиды, воспоминанія, горечи расплавились въ братскомъ объединеніи двухъ народовъ. Можно ли по совѣсти утверждать, что такой моментъ уже наступилъ, что русско-польскія отношенія сгладились и что подъ гладкой поверхностью ихъ не бушуютъ внутри остатки затихшей бури? Нѣтъ. Поэтому надо почтить эту добрую волю, которая, подавляя въ себѣ горечь воспоминаній, представила возвышенный примѣръ забвенія, надо признать политическій умъ и оцѣнить все значеніе событія. Разрѣшить памятникъ Мицкевичу было не простымъ и легкимъ дѣломъ, это видно уже изъ того крика, какой подняли шовинисты русской печати при первой вѣсти о разрѣшеніи на постановку памятника.

Но для насъ ли, для поляковъ, это разрѣшеніе не важно? Не думаю, чтобы ктонибудь вздумалъ это доказывать. Вспомнимъ праздничное настроеніе въ обществѣ послѣ опубликованія подписки на памятникъ, быстроту, съ какою собирались пожертвованія. Все это дѣло сразу, безъ всякой искусственной агитаціи, получило характеръ *народнаго* дѣла. Мицкевичъ это нашъ полубогъ и за постановку ему памятника у насъ взялись съ такимъ же чувствомъ набожнаго умиленія, какъ бы за сооруженіе алтаря...

Печально, что не мало людей, даже умныхъ, не дающихъ себѣ отчета о фактѣ разрѣшенія какъ объ одномъ изъ симптомовъ времени, не понимающихъ, что ни одинъ изъ правительственныхъ актовъ послѣдняго времени не свидѣтельствуетъ такъ о перемѣнѣ направленія какъ именно этотъ фактъ. Лѣтъ пять тому назадъ могъ ли ктонибудь мечтать о томъ, чтобы въ центрѣ Варшавы, на одной изъ красивѣйшихъ его площадей, водрузился памятникъ съ надписью «Адаму

Мицкевичу—земляки»? А между тѣмъ теперь это представляется уже дѣломъ столь обыкновеннымъ, будто «не о чемъ говорить».

Изъ числа состоявшихся уже улучшеній въ Царствѣ, на первомъ мѣстѣ и наряду съ перемѣнами въ личномъ составѣ администраціи, слѣдуетъ поставить предоставленіе бѣльшаго простора слова—печати. Свободу слова, въ общественномъ значеніи, можно сравнить съ свободой дыханія. И просторъ предоставленный печати польской уже успѣлъ поднять уровень ея сужденій и извѣстій; она уже не ограничивается мелочами и театромъ, но занимается наиболѣе важными для края вопросами и старается выяснитъ ихъ. Князь Имеретинскій призналъ возможнымъ допустить въ печати и сообщенія о какихъ-либо неправильностяхъ въ дѣйствіяхъ исполнительныхъ административныхъ органовъ. Другимъ важнымъ нововведеніемъ явилась заботливость самого генераль-губернатора объ основаніи народныхъ читаленъ. Народное образованіе въ Царствѣ стоитъ доселѣ на низкомъ уровнѣ: на 1000 новобранцевъ, въ Имперіи оказываются получившихъ среднее или начальное образованіе болѣе 50, а въ Царствѣ даже меньше 5.

«Работа у основъ» признавалась у насъ еще съ конца 60-хъ годовъ главной задачей общества. Но общественной работѣ на пользу народа препятствовали такой взглядъ прежней администраціи и части русской печати, основанный на недовѣрїи къ польскому обществу, что слѣдуетъ всячески отстранять землевладѣльцевъ и католическое духовенство отъ воздѣйствія на народъ и что польскій народъ можетъ совсѣмъ обойтись безъ ученья въ школахъ на своемъ языкѣ, что польское крестьянство можетъ посредствомъ

школы, въ достаточной мѣрѣ усвоить себѣ языкъ русскій, который служитъ органомъ государственнаго единства. Такой взглядъ и имѣлъ прямымъ послѣдствіемъ, что дѣло народнаго образованія въ Царствѣ осталось въ полномъ застоѣ. Только переменна взгляда, переходъ къ опыту основанному на довѣрїи къ образованному, польскому обществу, сдѣлали возможной заботливость объ основаніи народныхъ читаленъ. Ихъ предположено, на первое время, основать 10 при народныхъ школахъ и 10 при гминныхъ правленіяхъ.

Я глубоко убѣжденъ, хотя вы можетъ быть съ этимъ не согласитесь, что польза читаленъ и прочность этого учрежденія будетъ зависѣть отъ насъ самихъ. Если у насъ хватитъ достаточно усердія и выдержки, *если мы сумѣемъ воздержаться отъ несоответственныхъ притязаній*, то день открытія первой читальни будетъ на всегда памятнымъ, благословеннымъ днемъ».

Далѣе авторъ приводитъ назначеніе коммисіи для правильной постановки въ среднихъ училищахъ преподаванія польскаго языка, которое до сихъ поръ ограничивалось переводами съ польскаго на русскій, то есть служило скорѣе дополнительнымъ упражненіемъ на языкѣ русскомъ. «Пусть это, само по себѣ, еще не составляетъ ничего необыкновеннаго, но во всякомъ случаѣ, это уже не похоже на то, къ чему шли прежде. Самая переменна въ управленіи учебнымъ кругомъ отразилась на всѣхъ условіяхъ учебнаго дѣла въ Царствѣ, выразилась въ совсѣмъ иномъ отношеніи учебнаго начальства и къ родителямъ, и къ ученикамъ.

П. В. Я слышалъ, что въ Варшавѣ предположено, чтобы при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ возникающихъ вопросовъ свойства общественно-экономическаго были

призываемы мѣстные представители въ качествѣ свѣдущихъ людей съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Н. Это не представляетъ нововведенія. Правительство неоднократно уже обращалось къ этой мѣрѣ. Вспомните напр. совѣщаніе 1891 года по вопросу о таможенномъ тарифѣ, комиссію для разсмотрѣнія проекта промысловаго налога, хлѣбный съѣздъ, по питейному дѣлу и т. д. Даже въ постоянныя учрежденія были призываемы поляки въ качествѣ членовъ.

П. В. Ваше замѣчаніе совершенно вѣрно, но фактъ тотъ, что въ Варшавѣ это будетъ новостью и что это нововведеніе мы получимъ, благодаря кн. Имеретинскому.

Вообще я долженъ еще разъ замѣтить, что перечисляя все, что уже сдѣлано или предполагаемое, я не исчерпываю предмета, потому что о многомъ я не знаю или могу имѣть свѣдѣнія неточныя, или наконецъ, просто забыть. Я впрочемъ и не думаю доказывать, что совершенно много, но мы должны, въ этомъ наша обязанность, признать, что то, что сдѣлано доказываетъ поворотъ и въ теоріи и на практикѣ, и что тѣ которые говорятъ, будто ничего не измѣнилось, будто система осталась прежняя, или не умѣютъ видѣть и соображать, или съ умысломъ, тенденціозно искажаютъ правду».

III.

П. В. Что касается городскихъ обществъ взаимнаго кредита, то дѣло это объясняется такимъ образомъ: По инициативѣ ген. Турко русскій языкъ былъ введенъ въ дѣлопроизводство Земельнаго Кред. Общества. Два года тому назадъ указана была необходимость распространить это распоряженіе на всѣ учрежденія, находящіяся подъ контролемъ правительства, на городскія кредитныя и благотворительныя. Основаніемъ этого распоряженія служило то обстоятельство, что право и обязанность ревизіи этихъ обществъ возлагались на чиновниковъ министерства финансовъ и министерства внутреннихъ дѣлъ (благотворительныя учрежденія) и что, слѣдовательно, счетоводство и переписка должны быть въ нихъ ведены по русски.

Н. Какъ я слышалъ, въ Обществѣ Городскаго Кредита и внутреннее дѣлопроизводство приказано вести по русски?

П. В. Да, но сколько мнѣ извѣстно, новое предписаніе по отношенію къ Благотворительному обществу касается лишь веденія книгъ и переписки съ правительственными учрежденіями. Внутренняя корреспонденція и частная, счета и т. п. могутъ быть ведены по польски.

Н. И въ такой формѣ это окажется труднымъ. На благотворительныя должности, хлопотливыя по своей натурѣ, чрезвычайно трудно залучить людей. А такая стѣснительная формальность можетъ отстранить многихъ. Вообще на вопросъ о введеніи государственнаго языка въ частныя учрежденія, каковы городскія кредитныя, благотворительныя и проч. слѣдуетъ обратить вниманіе власти, которая дала уже

столько доводовъ своей заботливости. Область государственнаго языка должна быть точно опредѣлена, ибо иначе нѣтъ границъ, за которыя, при широкомъ толкованіи, нельзя было бы ему вторгнуться. Въ благотворительныя и кредитныя общества онъ введенъ на томъ-де основаніи, что русскій чиновникъ, не знающій польскаго языка, не могъ бы контролировать этихъ учрежденій. Но, во первыхъ, почему ревизоромъ этихъ учрежденій долженъ быть непременно русскій, непременно не знающій польскаго языка? Вѣдь было бы гораздо раціональнѣе имѣть нѣсколькихъ чиновниковъ знающихъ мѣстный языкъ, чѣмъ приспособлять къ языку частныя учрежденія и съ ними нѣсколько сотъ, а можетъ быть и тысячь, труженниковъ. Гдѣ же въ такомъ случаѣ предѣлы введенія государственнаго языка? Сегодня городскія кредитныя учрежденія, завтра банки и банкирскія конторы, послѣ завтра частныя бюро. Вѣдь ужъ ходилъ слухъ, усердно распространявшійся извѣстными львовскими газетами, будто со введеніемъ новаго промысловаго налога, всѣ торговыя книги должны будутъ вестись на русскомъ языкѣ, для того, чтобы они были понятны податному инспектору. Съ тою же послѣдовательностью можно было бы доказать, что вся частная переписка между нами должна происходить обязательно по русски, потому что въ каждый моментъ можетъ явиться необходимость вскрытія ихъ слѣдователемъ или прокуроромъ, не знающими польскаго языка. Но примѣровъ достаточно. Введеніе государственнаго языка въ частныя учрежденія единственно въ видахъ возможности контроля, не можетъ быть оправдано. Для ревизованія польскихъ кредитныхъ учрежденій слѣдуетъ назна-

чать чиновниковъ, знающихъ польскій языкъ, точно также какъ для цензурованія польскихъ журналовъ назначаются цензора, прекрасно владѣющіе нашимъ языкомъ. Развѣ подобное требованіе велико?

Впрочемъ вопросъ о языкѣ—это не одинъ вопросъ объ удобствахъ или неудобствахъ. Въ эту игру входятъ и чувства. Можетъ ли однако содѣйствовать развитію мирныхъ чувствъ народа убѣжденіе, что его языкъ, наслѣдіе исторіи, предметъ горячей привязанности, со всѣхъ сторонъ испытываетъ стѣсненіе и отовсюду устраняется? Это вѣдь во всякомъ случаѣ великое несчастіе.

П. В. Я полагаю, что если все пойдетъ нормальнымъ путемъ, придетъ очередь на пересмотръ этого вопроса. Тогда надо будетъ доказать справедливость вашихъ доводовъ. Распоряженіе о языкѣ въ частныхъ учрежденіяхъ не было вызвано желаніемъ усугубить политическое давленіе. Это—не щекотливый и не безспорный вопросъ. По поводу его можно спорить, защищать, а можетъ быть и защитить. Впрочемъ это мое личное мнѣніе, безъ малѣйшей претензіи на пророчество. Дѣйствительность можетъ опровергнуть справедливость моего мнѣнія.

Что касается коммерческихъ училищъ, то недопущеніе къ участию въ ихъ дѣлахъ—представителей общества состоялось въ то время, когда нынѣшній попечитель учебнаго округа отсутствовалъ изъ Варшавы и былъ серьезно болѣнъ. Это опять—общій вопросъ о довѣріи къ искренности лояльныхъ чувствъ населенія. А вѣдь на этотъ вопросъ былъ данъ утѣшительный отвѣтъ въ милостивыхъ словахъ при приѣмѣ Государемъ Императоромъ въ Варшавѣ комитета пожертвованій. Помѣръ того, какъ мѣстныя власти приобрѣтутъ болѣе и болѣе

довѣрія къ настроенію польскаго общества, такіе вопросы, какъ о коммерческихъ училищахъ легко могутъ рѣшаться въ смыслѣ болѣе благопріятномъ. Что касается включенія въ программу разосланную комисією о судебномъ преобразованіи въ Петербургѣ— вопроса о степени необходимости оставленія польскаго языка въ гминномъ судопроизводствѣ, то въ этомъ нѣтъ цѣли политической; рѣчь идетъ о возможномъ объединеніи формъ, до которыхъ юристы такіе охотники. Впрочемъ, комисія вѣдь еще только спрашивала, да наконецъ, она еще не составляетъ законодательной власти».

Дальнѣйшее нареканіе собесѣдника касается предписанія относительно объясненій только на русскомъ языкѣ между чиновниками и съ частными лицами въ присутственныхъ мѣстахъ. Онъ указываетъ то, особенно сильно подѣйствовавшее обстоятельство, что циркуляръ этотъ разошелся непосредственно за торжественными днями, въ концѣ августа и звучалъ точно *memento mori* для какихъ-либо надеждъ. На это авторъ возражаетъ, что никакой связи здѣсь не было и быть не могло, что циркуляръ былъ подписанъ, примѣрно, за недѣлю раньше и что впрочемъ вообще придирки къ языку прекратились.

«Теперь я вамъ расскажу то, что я слышалъ изъ достовѣрнаго источника о поводѣ, вызвавшемъ напоминаніе о циркулярѣ ген. Гурко. Кто-то изъ служащихъ, подвергнутыхъ замѣчанію за разговоръ по польски на службѣ, возразилъ своему начальнику, что онъ не намѣренъ подчиняться циркуляру на томъ-де основаніи, что «времена Гурко прошли». Когда объ этомъ фактѣ доложено было князю Имеретинскому, то никогда не отступающій отъ законности начальникъ

края указаль на необходимость исполненія всѣхъ существующихъ законовъ и распоряженій, разъ они не отмѣнены, а такъ какъ весь инцидентъ произошелъ на почвѣ противопоставленія его распоряженій распоряженіямъ его предшественниковъ, что можетъ повести къ ослабленію авторитета власти, то князь приказаль сдѣлать циркулярное напоминаніе о томъ, что распоряженія ген. Гурко и гр. Шувалова остаются въ силѣ.

На эту подробность я бы хотѣлъ обратить ваше особенное вниманіе. Неосновательное противопоставленіе порядковъ одного времени къ другимъ, подчеркиваніе ихъ отличій, чрезвычайно затрудняетъ движеніе по новому пути. Всякое правительство, всякая власть, даже измѣняя систему и способъ дѣйствія прежней власти, не можетъ ни отрицать, ни порицать прежнихъ порядковъ; къ ней примѣнимо изреченіе Гегеля, если его видоизмѣнить въ «alles was war, war vernünftig», и каждый стоявшій на своемъ посту и исполнявшій свою обязанность, заслуживаетъ на признательность государства, не взирая на его направленіе. Однѣ причины вызываютъ однѣ послѣдствія, другія причины вызываютъ другія послѣдствія. Если мы желаемъ, чтобы въ Россіи забыли возстаніе, не брали его въ расчетъ въ настоящую минуту, чтобы не указывали на него, какъ на неустарѣвшій аргументъ, то и мы съ своей стороны должны признать, что все наступившее послѣ 1863 года было страшнымъ, но логическимъ послѣдствіемъ возстанія. Респрессія, какъ смѣло сказалъ «Вѣкъ» въ своей извѣстной статьѣ, была неизбѣжна. По какому направленію шла эта респрессія, какого рода людей она для своихъ цѣлей употребляла, была ли она цѣлесо-

образна и дѣйствительна, не была ли она черезчуръ продолжительной — это вопросы въ данномъ случаѣ второстепенные. Главное въ томъ, что репрессія была «неизбѣжной». Обоснованіемъ перелома происшедшаго въ нашихъ отношеніяхъ, служить не достоинство той или иной системы, не большее или меньшее развитіе справедливости начальствующихъ лицъ, а по просту, что другія времена и условія требуютъ иныхъ способовъ дѣйствія; что преобразившіеся взгляды и стремленія польскаго общества дозволяютъ правительству измѣнить систему, отвергнуть нѣкоторые изъ пріемовъ, которыми оно доселѣ, въ видахъ безопасности и интересахъ государства, должно было пользоваться, и призвать для новой работы новыхъ людей. Эту мысль мы должны не только сознать, но и освоиться съ нею, для того, чтобы не испытать разочарованія и не затруднять положеніе тѣхъ, кто призванъ для примѣненія къ намъ новой системы дѣйствія. Я вамъ объясню это примѣромъ. Было ли бы, на примѣръ, деликатно и благоразумно, еслибы передовые русскіе дѣятели въ концѣ шестаго и началѣ седьмаго десятилѣтія стали ярко освѣщать въ прессѣ и литературѣ различіе между тѣмъ временемъ и предшествовавшимъ? Разница была громадная, потому что заключала въ себѣ освобожденіе крестьянъ, земское и городское управленіе, судебную реформу и т. д. Тѣмъ не менѣе, когда императоръ Александръ II говорилъ, что намѣренъ идти по слѣдамъ своего отца, то говорилъ искренно, потому что онъ, подобно Николаю I, жаждалъ счастья и могущества Россіи, и только различія во времени и условіяхъ указали ему необходимость иныхъ путей и способовъ, ведущихъ къ цѣли. *Toute proportion gardée*, тоже самое можно примѣ-

нить къ двумъ эпохамъ: генерала Гурко и князя Имеретинскаго. Каждая изъ ихъ имѣетъ свой собственный *raison d'être*, что и было поставлено на видъ рескриптомъ 22 декабря 1894 на имя покидавшего Варшаву фельдмаршала. Не знаю, достаточно ли ясно мое объясненіе, но полагаю, что вы меня поймете».

Спеціально въ отношеніи извѣстнаго циркуляра, авторъ замѣчаетъ, что онъ можетъ быть примѣняемъ безъ излишней строгости: какъ въ немъ самомъ сдѣлано прямо исключеніе для объясненій съ крестьянами, такъ могутъ быть допускаемы исключенія и для всѣхъ лицъ недостаточно владѣющихъ русскимъ языкомъ.

Н. Это все ваши личные взгляды, сужденія, предсудматриванія. Можете ли вы представить хотя какое нибудь ручательство, что вашъ оптимизмъ покоится на реальной основѣ?

П. В. Положительныхъ ручательствъ никакихъ. Вѣдь я толкую, не имѣя документовъ въ рукахъ, а руководясь лишь извѣстной логической послѣдовательностью и вслушиваясь въ голоса общественнаго мнѣнія и, такъ сказать, ощущая пульсъ общественной жизни. Что касается оптимизма, то я въ немъ сознаюсь вполне, ибо вѣрю въ постепенное исправленіе русско-польскихъ отношеній и вѣрю въ упроченіе новаго направленія и лучшую будущность нашей народности.

Н. На чемъ же вы основываете эти надежды?

П. В. На всемъ. Прежде всего на простой логикѣ. Если до манифестаціи и раньше произнесенія милостивыхъ Монаршихъ словъ уже прошелъ цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о переломѣ (ибо послѣ представленнаго вамъ баланса, вы, по крайней мѣрѣ, не

станете доказывать, что у насъ ничего не измѣнилось), то какимъ же образомъ теперь, послѣ нравственнаго сближенія народа со своимъ Государемъ, и послѣ скрѣпленія отношенія, опирающагося на довѣрїи, могло бы быть хуже, чѣмъ до того?

IV.

П. В. Увѣренность въ улучшеніи положенія я основываю и на измѣнившихся междунаrodnыхъ отношеніяхъ. Къ счастью они сложились такъ благоприятно, что въ настоящее время нѣтъ ни одной точки въ междунаrodnой политикѣ Россіи, которая была бы намъ непріятна или могла бы насъ беспокоить, ни одного отношенія, солидарность съ которымъ была бы противна нашимъ чувствамъ. Я говорю о солидарности именно потому, что безъ полнаго сочувствія къ внѣшней политикѣ государства, было бы трудно вполнѣ сгладить наши къ нему отношенія. Одна изъ первыхъ заповѣдей такого сглаживанія должна быть: «не вступай въ заговоры съ его врагами!» Увѣренность, что такую обязанность мы *исполняемъ* искренно составляетъ разумѣется прочный фундаментъ добрыхъ отношеній между государствомъ и народомъ, но еще лучше, если существуетъ очевидность, что вступать въ заговоръ съ врагами *невыгодно*, когда можно сказать словами, высказанными во время приѣма Фора въ Петербургѣ въ опоздавшей варшавской телеграммѣ: «*Nos ennemis sont vos ennemis, et nos amis — vos amis*». Матеріаль для такой телеграммы теперь несомнѣнно образуется. Русско-французскій союзъ, какъ антитеза и противоядіе союза съ нѣмцами, который давилъ какъ кошмаръ прямо грудь всего славянства, долженъ быть пріятенъ каждому поляку, не по поводу

прошлаго, а изъ видовъ на настоящее, изъ того соображенія, что Франція, ради своихъ собственныхъ выгодъ, ради увеличенія могущества союзника, должна желать, чтобы между славянскими народами царствовало полное согласіе и чтобы прекратился «старинный споръ» между русскими и поляками. Сближеніе Россіи съ Австріей на почвѣ соглашенія по восточному вопросу не можетъ быть намъ противнымъ. Недавно писало мнѣ одно лицо близкое Голуховскому и Бадени: «Это вѣдь очень знаменательно, что первый австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, которому удалось со времени 1849 года провести сближеніе съ Россіей—полякъ». Какъ вы думаете, развѣ этотъ фактъ не имѣетъ значенія для нашихъ внутреннихъ, русско-польскихъ отношеній? Развѣ не имѣетъ его и сближеніе съ чехами? Я увѣренъ, что при дальнѣйшемъ улучшеніи этихъ отношеній даже и русинскій вопросъ потеряетъ свое острое значеніе, ибо и онъ представляетъ собой отчасти ихъ отраженіе.

Сближеніе Россіи съ Австріей свидѣтельствуетъ, что между этими двумя государствами нѣтъ важныхъ причинъ для различія во взглядахъ на восточный вопросъ; это означаетъ, что Россія не въ той степени, какъ прежде интересуется, кому достанется клочекъ земли надъ Босфоромъ, который еще остается въ безспорномъ владѣніи турокъ; или въ чьихъ рукахъ окажется ключъ къ Дарданельскому проливу. Взоры Россіи въ настоящее время обращены на крайній востокъ—не тотъ сантиментальный байроновскій и ламаргиновскій Востокъ или опошленный нынѣшними *Expressorient* ами, а великій, грозный, таинственный, настоящій азіатскій Востокъ—востокъ китайскій и японскій. Линія желѣзнаго пути, прорѣзывающаго Сибирь, указываетъ

направленіе будущихъ великихъ задачъ и будущей политики русской державы. Какъ нѣкогда Петръ Великій прорубилъ окно въ Европу, такъ настоящему времени предстоитъ удѣлъ: всемірная задача открыть ворота на востокъ. «Въ виду такой задачи,—говорилъ мнѣ русскій, имѣющій возможность ориентироваться въ высшихъ государственныхъ предположеніяхъ и цѣляхъ,—какими мелкими представляются всѣ эти національные и вѣроисповѣдныя вопросы, возбуждаемые нашею журналистикой на западныхъ окраинахъ! Въ самой коренной Россіи еще впереди столько работы! На востокъ передъ нами цивилизаторская миссія, гдѣ каждое пріобрѣтеніе составляетъ шагъ культуры. Намъ предстоитъ вторичное завоеваніе Сибири введеніемъ въ ней нашей промышленности, торговли, законовъ, обычаевъ и учреждений. Для достиженія этихъ цѣлей, намъ слѣдуетъ устроиться съ западными окраинами, устранить все, что имѣетъ видъ преслѣдованія, привлечь и привязать къ себѣ общою выгодой польскую національность, эту живую, способную и культурную національность, не смотря на всѣ толки о ней, остающуюся для настоящаго русскаго симпатичной. Къ чему намъ растрчивать тамъ наши силы на недостижимое, развѣ не полезнѣе будетъ обратить ихъ на задачи и трудъ реальные? Развѣ мы страдаемъ перепроизводствомъ интеллектуальныхъ силъ и предприимчивости? Взгляните на карту. На этомъ гигантскомъ пространствѣ, отъ Финскаго залива до Сахалина и Портъ-Артура можно помѣстить не 130 милліоновъ, а полмилліарда жителей. Сосчитайте всѣ неисчерпаемыя богатства этого государства, о которомъ съ большимъ правомъ, чѣмъ о монархіи Карла V, можно сказать, что солнце въ его предѣлахъ никогда

не скрывается... И въ такое время мы еще будемъ заводить споры о томъ, въ какія приходскія книги записывать нѣсколько сотъ человѣкъ, или о томъ, какого происхожденія должны быть желѣзнодорожные машинисты».

Такъ разсуждалъ человѣкъ недюжиннаго ума, горячій патріотъ, вѣрующій въ звѣзду великихъ предопредѣлений своей родины. Многіе ли такъ разсуждаютъ? Не знаю, но глубоко вѣрю, что по этому пути слѣдуютъ великіе и благородные помыслы.

Н. Это политическая метафизика. Перейдемте къ предметамъ реальнымъ. Самымъ реальнымъ можно считать отношеніе къ государству, т. е. къ правительству и обществу. Оптимистъ ли вы въ этомъ или наоборотъ, полагаете, что нерасположеніе выработанное по нашему адресу, весьма трудно, а можетъ быть и невозможно превозмочь?

П. В. Не сразу я вамъ отвѣчу на вашъ вопросъ, а начну съ того, что поставлю съ своей стороны вопросъ: въ чемъ заключается источникъ той системы, примѣнявшейся къ намъ въ теченіи слишкомъ 30 лѣтъ? Казалось бы, что отвѣтъ ясенъ, простъ и всего одинъ: «въ возстаніи 1863 года». Казалось бы, что каждый, кому памятны событія послѣдняго полустолѣтія, иного отвѣта дать не можетъ. И однако, какъ только начинаются толки объ этихъ печальныхъ воспоминаніяхъ, слышатся упорныя аргументаціи, что эта система не слѣдствіе возстанія, а ассимиляціонныхъ инстинктовъ Россіи, которые рано или поздно должны бы были отозваться съ роковой силой, не взирая нисколько, дали ли мы къ тому поводъ возстаніемъ или нѣтъ».

Спорящій съ авторомъ поддерживаетъ этотъ именно взглядъ и ссылается на объединительныя мѣры пред-

принятія въ прибалтійскомъ краѣ и въ Финляндіи, несмотря на то, что тамъ возстанія не было. Авторъ возражаетъ, что еще спрашивается, были ли бы предприняты какія-либо перемѣны въ прибалтійскихъ губерніяхъ, еслибы не было польскаго возстанія, которое повліяло на всю внутреннюю политику. Сверхъ того, произошелъ еще фактъ нѣсколько уменьшившій прежнее значеніе нѣмцевъ въ Россіи, а именно берлинскій конгрессъ 1878 года и вызванное имъ въ Россіи недовольство. Оно породило недовѣріе къ Германіи и къ тому могуществу, какое ей дало объединеніе. Это не могло не повліять на роль нѣмецкаго элемента въ Россіи, несмотря на вѣрность прибалтійскихъ губерній. Да, впрочемъ, по составу ихъ населенія, ихъ нельзя сравнивать съ Царствомъ, такъ какъ въ нихъ на 1¹/₂ мил. населенія, нѣмцевъ всего около 200 тыс. Балтійскія губерніи скорѣе можно прировнять къ бѣлорусскимъ, напр. къ Минской, гдѣ на 1¹/₂ милл. населенія считается 300 тыс. поляковъ.

Что касается Финляндіи, то по мнѣнію автора, ея примѣра уже никакъ нельзя приводить въ доказательство, что система существующая въ Царствѣ все равно была бы примѣнена, хотя и не было возстанія. Совсѣмъ наоборотъ. Какими бы причинами ни было вызвано въ Россіи усиленіе объединительныхъ стремленій, но, если судить по той части русской печати, которая постоянно ратуетъ противъ поляковъ, то стремленія эти, дѣйствительно, коснулись и Финляндіи. Однако политика не пошла за печатью. Русскія газеты возставали противъ основныхъ учрежденій Финляндіи, ея особенности, ея отдѣльнаго войска, монетной и таможенной системы, требовали обрушенія въ ней школъ, замѣщенія русскими хотя бы

части должностей въ Финляндіи. Все это писалось со страстью, съ разными обвиненіями, съ желаніемъ вызвать въ обществѣ негодованіе противъ финляндской автономіи. И что же мы видимъ? Въ Финляндіи нынѣ введенъ въ училища русскій языкъ просто какъ одинъ изъ учебныхъ предметовъ, русскія почтовые марки получили дѣйствительность въ томъ краѣ и установленъ былъ обязательный курсъ рубля на марки. Вотъ и все; а между тѣмъ и въ минувшее царствованіе основныя учрежденія Финляндіи были подтверждены и созывались сеймы. И такъ, на примѣръ Финляндіи можно ссылаться развѣ только въ смыслѣ противоположномъ тому, какой былъ приданъ этому сравненію собесѣдникомъ.

IV. А каково отношеніе къ намъ русскаго общества?

П. В. Что касается русскаго общества, то скажу вамъ то, что для нѣкоторыхъ галиційскихъ публицистовъ будетъ совершенной неожиданностью... Я вѣрю, что въ русскомъ народѣ *нѣтъ* врожденной *ненависти* къ полякамъ и въ этомъ заключается главный источникъ моего оптимизма, моей увѣренности въ лучшей будущности. Это отсутствіе ненависти доказывается на примѣръ тою легкостью, съ какою наши соотечественники получаютъ въ Россіи мѣста. Инженеровъ, механиковъ, управляющихъ фабриками, имѣніями, бухгалтеровъ, кассировъ, и пр. не мало въ приволжскомъ краѣ, въ Сибири, на Кавказѣ. Доктора и адвокаты повсюду пользуются успѣхомъ. Въ общественной жизни нигдѣ не дѣлаютъ различія между поляками и русскими. Мыслимо-ли что либо подобное въ Германіи? Слыхали-ли вы когда нибудь о полякахъ, занимающихъ мѣста въ глубинѣ Герма-

ни? Я понимаю, что конкуренція въ Россіи легче. Тѣмъ не менѣе безъ симпатіи она не была бы легкою. Даже на государственную службу внутри Россіи поляки охотно принимаются и большею частью пользуются расположеніемъ и уваженіемъ начальства. Я уже сравнивалъ это съ положеніемъ поляковъ въ Германіи. Но я вамъ скажу болѣе: и въ Австріи поляку трудно за предѣлами Галиціи получить мѣсто. Много ли вы найдете тамъ служащихъ поляковъ даже въ тѣхъ министерствахъ, во главѣ которыхъ стоятъ поляки? Много ли найдете ихъ въ числѣ офицеровъ? Полякъ-генераль, полякъ-полковникъ въ Австріи это большая рѣдкость. Я знаю, что на это есть особыя причины, но фактъ остается фактомъ.

М. О добрыхъ отношеніяхъ поляковъ съ русскими во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, въ Петербургѣ и Москвѣ я дѣйствительно много слышалъ, но у насъ въ Польшѣ это дѣло находится въ совершенно иныхъ условіяхъ... Здѣсь выросла между нами толстая китайская стѣна, сквозь которую нѣтъ возможности пройти.

П. В. Это другое дѣло: по существующему нынѣ настроенію русскихъ чиновниковъ въ Царствѣ Польскомъ никакъ нельзя составить понятія о чувствахъ русскаго общества. Ясно почему: для этого сложились особенныя условія. Хотя собственно и здѣсь (если мой оптимизмъ меня не обманываетъ) примѣръ, идущій свыше, можетъ значительно повліять на настроеніе и поведеніе чиновнаго сословія, а затѣмъ и на взаимныя отношенія обѣихъ сторонъ.

О нетерпимости русскихъ всегда много говорится въ галиційской печати, но вотъ вамъ факты, которые я наблюдалъ самъ, и которые свидѣтельствуютъ, что нетерпимость эта не составляетъ ни общаго, ни нео-

споримаго свойства. Я беру въ примѣръ тѣхъ же финляндцевъ. Ихъ вообще не особенно любятъ въ Россіи и даже простой народъ въ Петербургѣ относится къ нимъ презрительно, называя ихъ «желтоглазыми»... И однако, не смотря на это, все почти пароходство на Невѣ находится у нихъ въ рукахъ: имъ принадлежатъ пароходы, на которыхъ служатъ одни лишь финляндцы. Въ предѣлахъ столицы оканчивается финляндская жел. дорога. Петербургская станція этой дороги представляетъ собою родъ маленькаго государства въ государствѣ. Все здѣсь чужое: порядки, мундиры, языкъ. Въ поѣздахъ, проходящихъ Петербургскую губернію, встрѣчаются кондукторы, едва нѣсколько словъ знающіе по русски. Вверхъ по Невѣ лежатъ чухонскія деревни, въ которыхъ ни одинъ крестьянинъ не знаетъ по русски и петербургскимъ дачникамъ приходится долго помучиться, прежде чѣмъ добиться у нихъ чегонибудь...

Я не обобщаю факта, а лишь его отмѣчаю. Но да будетъ дозволено мнѣ при этомъ случаѣ высказать то, что у меня давно лежитъ на сердцѣ. Мнѣ кажется, что мы еще мало знаемъ Россію не смотря на то, что прошли чрезъ нее вдоль и поперекъ на своихъ ногахъ, по своей волѣ и по неволѣ... Разумѣется, прогрессъ большой, особенно со времени возстанія 1863 года, котораго можетъ быть и не было бы, еслибъ мы знали лучше Россію, ея исторію, географію, психологію. Я помню, что лѣтъ 20 тому назадъ, въ редакціяхъ варшавскихъ газетъ не было ни одной русской газеты, а извѣстія изъ Россіи, даже телеграммы о важнѣйшихъ происшествіяхъ получались тамъ *чрезъ Берлинъ*. А теперь какая перемена! Обзоръ русской печати составляетъ одну изъ

главнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ рубрикъ каждой польской газеты. Мы уже не смотримъ на людей, побывавшихъ въ Петербургѣ, Москвѣ, на Кавказѣ, какъ на рѣдкость. Конечно мы ушли далеко отъ прежняго, а всетаки мнѣ кажется, что мы Россію еще мало знаемъ».

Въ примѣръ недостаточнаго знакомства поляковъ Царства съ обстоятельствами и людьми въ Россіи, авторъ приводитъ отзывъ одного польскаго публициста, будто во всей русской печати одни «С.-Петербур. Вѣдомости» не ратуяють противъ поляковъ и не оскорбляютъ ихъ... Здѣсь и видно полное незнакомство съ русской печатью. Авторъ прежде всего ссылается на «Вѣстникъ Европы», который никогда не оскорблялъ поляковъ, а въ защиту ихъ выступалъ неоднократно. Затѣмъ, авторъ бросаетъ взглядъ на русскую печать въ 60 годахъ и въ послѣдніе годы.

«Слишкомъ далеко удаляться въ глубь прошлаго, во времена, до революціи 1831 года нѣтъ надобности уже потому, что въ тѣ времена русская печать лишена была всякаго значенія. Что же мы видимъ въ ту эпоху? 1831 годъ долженъ былъ оставить извѣстный осадокъ горькихъ воспоминаній, подобно тому какъ каждая проигранная битва оставляетъ естественную горечь не только въ сердцахъ побѣжденныхъ, но и побѣдителей. Въ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ этой горечи не встрѣчаемъ и слѣдовъ. Это были времена, когда еще Катковъ велъ по польски переписку съ польскими писателями и считалъ весьма полезнымъ сближеніе двухъ литературъ, когда Аксаковъ горячо защищалъ право существованія польской національности, а Костомаровъ весь ушелъ въ изученіе подробностей историческаго быта Польши. Можно утвердительно ска-

зять, что поляки, вопросъ польскій, ни въ печати, ни въ литературѣ, а слѣдовательно — и въ русскомъ обществѣ, не имѣли враговъ.

Это доброжелательное намъ настроеніе продолжалось до самаго конца 1862 года. Кто зналъ Петербургъ этого времени и кто вращался въ кругахъ литературныхъ или вообще интеллигентныхъ, можетъ удостоверить, что это настроеніе было самое лучшее. Россія переживала тогда свой медовый мѣсяцъ осуществлявшихъ великихъ реформъ. Только что произошло освобожденіе крестьянъ (обнародовано 19 февр. 1861 г.), ожидались прочія великія реформы: судебная, земская, городская; расширилась свобода печати. Въ этой горячкѣ политическаго общественнаго возрожденія, общественное мнѣніе въ Россіи не только не встревожилось тѣмъ, что происходило тогда въ Варшавѣ: (введеніемъ реформъ съ одной стороны и враждебными манифестаціями съ другой), напротивъ принимало ихъ почти съ энтузіазмомъ, не сознавая и не предчувствуя, что это движеніе можетъ обратиться именно противъ Россіи. Думали, что это движеніе равномерно, и что оно стремится лишь къ приобрѣтенію возможно болѣе широкихъ правъ національныхъ и общественныхъ совместно съ Россіей и черезъ Россію. (Мы ея не знали, но и Россія не имѣла обстоятельнаго понятія о нашемъ настроеніи)».

Поворотъ въ противную сторону, по мнѣнію автора, какъ уже сказано, былъ вызванъ возстаніемъ 1863 года. Переходя къ болѣе близкому времени, авторъ отмѣчаетъ болѣе благоприятное отношеніе проявлявшееся послѣ войны 1877 г. и въ началѣ 80-хъ годовъ, представителями котораго были въ русской

печати «Голосъ», «Молва», «Страна» «Порядокъ», а затѣмъ новый перерывъ въ примирительныхъ заявленіяхъ. Эти факты были ближе освѣщены въ первой части настоящей книги.

Безпристрастное отношеніе къ полякамъ было вновь вызвано въ русской печати уже самой переминой настроенія въ польскомъ обществѣ, начиная съ конца 1894 года, и статьями въ духѣ примирительномъ, какія стали появляться въ польскихъ газетахъ. Новый этотъ поворотъ особенно обозначился къ концу 1896 года и въ настоящее время *«значительное болшинство»* органовъ печати въ Россіи высказываются за примиреніе съ поляками, за уравненіе ихъ въ правахъ и въ пользу уваженія къ ихъ языку и вѣрѣ, конечно, подъ условіемъ охраненія государственнаго единства.

Правда, «Московскія Вѣдомости» избрали себѣ спеціальностью заподозрѣваніе поляковъ и отрицаніе какихъ-либо для нихъ облегченій, а польскія газеты такъ часто приводятъ образчики въ этомъ родѣ изъ «Моск. Вѣдомостей», что польскіе читатели могутъ, пожалуй, видѣть въ этой газетѣ главный органъ русскаго общественнаго мнѣнія. Чтобы устранить такое недоразумѣніе, авторъ приводитъ въ примѣръ другія русскія изданія. Въ самой же Москвѣ выходятъ «Русскія Вѣдомости», въ которыхъ участвуютъ профессора московскаго университета и газета эта, серьезная, пользующаяся уваженіемъ и имѣющая пятеро больше подписчиковъ, чѣмъ «Моск. Вѣдомости», отзывается о польскихъ дѣлахъ, хотя и рѣдко, но всегда въ духѣ доброжелательномъ. Изъ числа другихъ московскихъ изданій враждовали противъ поляковъ только «Русское Обозрѣніе» и «Русское Слово»

(последнее по недостатку подписчиковъ переходить въ другія руки). И въ Петербургѣ нѣтъ органовъ враждебныхъ полякамъ, за исключеніемъ «Свѣта». «Новому Времени» авторъ отводитъ особое мѣсто.

Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно просмотрѣть статьи, появлявшіяся по случаю пребыванія Государя въ Варшавѣ—въ «Новостяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Сынѣ Отечества», «Міровыхъ Отголоскахъ», «Руси», «Недѣлѣ», «Лучѣ», «Русскомъ Трудѣ», «Гражданинѣ». Извѣстный беллетристъ Авсеенко помѣстилъ цѣлый рядъ безпристрастныхъ статей въ «Петербургской Газетѣ».

Что касается «Свѣта», то распространенностью своей онъ обязанъ только дешевой цѣнѣ, а вовсе не своей враждѣ къ полякамъ, такъ какъ одинаково со «Свѣтомъ» распространено дешевое изданіе «Биржевыхъ Вѣдомостей», которыя говорятъ о польскихъ дѣлахъ постоянно въ тонѣ примирительномъ. Теперь приведемъ отзывъ автора о «Новомъ Времени»:

«Что касается «Новаго Времени»,—это вопросъ болѣе сложный. Въ польской публикѣ распространено убѣжденіе, что враждебность къ намъ «Новаго Времени» столь же принципиальная, какъ «Московскихъ Вѣдомостей», но несравненно болѣе вредная. Разумѣется, и я не скажу, чтобы эта газета была къ намъ доброжелательна, но смѣю утверждать, что между нею и «Моск. Вѣдомостями» большая разница. Что такое «Новое Время»? Это прекрасно редактируемое изданіе, представляющее по характеру средину между «Figaro» и «Matin». Оно создано фельетонистомъ и эта фельетонность отразилась на всей газетѣ: на ея составѣ, формѣ, даже содержаніи. Въ

«*Matin*» передовыя статьи пишутся каждый день другимъ публицистомъ, изъ другого лагеря. Въ «Новомъ Времени» можно въ теченіи одной недѣли встрѣтить самыя различныя мнѣнія по одному и тому же вопросу. Это его метода, его *genre*. Петербургская публика съ этимъ примирилась, подписывается на газету и читаетъ ее не ради ея направленія, а просто считая, что она ведется лучше и интереснѣе прочихъ. Мнѣ однако кажется, что несмотря на разнообразіе мнѣній и статей, въ «Новомъ Времени» преобладаетъ сторона ультра-народная, вслѣдствіе чего національныя и религіозныя, инновѣрческіе и инородческіе вопросы освѣщаются въ ней съ точки зрѣнія не государственной, а ультра-національной. Такого рода направленія газета держится обсуждая вопросы финляндскій, прибалтійскій, армянскій, еврейскій и проч.

Н. А польскій вопросъ?

П. В. Польскій вопросъ трактуется въ «Новомъ Времени» нѣсколько иначе (я говорю здѣсь о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ). Оно неприемлемо по отношенію къ Западному краю, но доступно обсужденію вопроса о Царствѣ Польскомъ. Вспомните, на примѣръ, отчетъ А. С. Суворина о посѣщеніи графа Шувалова въ Шарлоттенбургѣ или его статью по поводу варшавскихъ торжествъ, послѣ пріема въ Лазенкахъ, по поводу заявленій польской печати. Въ «Н. Вр». признали, что на почвѣ умѣренной программы возможно соглашеніе, причемъ заявлялось, что рука не была протянута только изъ опасенія, что она повиснетъ въ воздухѣ, теперь же... и проч. Но вдругъ подулъ иной вѣтеръ. Явился вопросъ о Западномъ краѣ, о литовскомъ языкѣ, шавельскій

инцидентъ, и газета сразу заговорила инымъ языкомъ, страстно набросилась на полонизмъ, іезуитизмъ, литвинизмъ и т. под. Въ дополненіе къ характеристикѣ «Нов. Времени» я долженъ прибавить, что издатель его А. С. Суворинъ, погрузившись въ театральное дѣло, почти не занимается своей газетой; а жаль, потому что изъ цѣлой редакціонной группы, съ нимъ легче всего было бы сговориться. Затѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, съ каждой почтой получаютъ статьи и корреспонденціи, принадлежащія сотрудникамъ «Московскихъ Вѣдомостей» или писанныя по ихъ образцу, которыя однако «Новое Время» не печатаетъ, находя, что они заходятъ слишкомъ далеко. Правда, что отъ г. Нѣкто въ «Новомъ Времени» до г. Л-ко въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» всего одинъ шагъ, но какъ бы ни было, шагъ этотъ еще не сдѣланъ, по крайней мѣрѣ относительно Царства Польскаго.

Изъ провинціальныхъ русскихъ газетъ «Кіевлянинъ», нѣкогда относившійся къ полякамъ враждебно, сталъ безпристрастнымъ, перейдя въ иныя руки; также и «Кіевское Слово». «Новороссійскій Телеграфъ» и «Южный Край» по меньшей мѣрѣ ослабѣли въ своей враждѣ къ полякамъ; «Одесскій Листокъ», «Одесскій Вѣстникъ» и «Одесскія Новости» относятся къ нимъ доброжелательно. Другія провинціальныя газеты въ Россіи держатъ себя или равнодушно, или благопріятно.

Ежемѣсячныя журналы гораздо болѣе распространены и вліятельны въ Россіи, чѣмъ польскіе въ Царствѣ. За исключеніемъ «Русскаго Обозрѣнія» и «Русскаго Вѣстника» (который рѣдко касается польскихъ дѣлъ), политическо-литературныя журналы, какъ «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль», «Сѣ-

верный Вѣстникъ», «Русское Богатство», «Новое Слово» разсуждаютъ о польскихъ дѣлахъ сочувственно.

Вотъ краткая характеристика отношеній русской журналистики къ полякамъ, на сколько возможно точная и безпристрастная. Недавно я сдѣлалъ приблизительный расчетъ общей подписки, по которому оказалось, что на журналы и газеты доброжелательные, безпристрастные или индифферентные къ намъ, приходится $\frac{3}{4}$ всего числа, на непріязненные $\frac{1}{4}$. Но и изъ этой части во всей Россіи можно указать всего лишь на нѣсколько изданій, пропагандирующихъ принципиальную ненависть къ полякамъ. Въ первой категоріи, разумѣется есть много оттѣнковъ. Есть разница между тѣми, которые проводятъ на дѣлѣ свое доброжелательство и сочувствующими намъ пассивно; между тѣми, взгляды которыхъ вполне совпадаютъ съ стремленіями польскихъ сторонниковъ умѣренности и согласными съ ними не безъ разныхъ оговорокъ. Но развѣ можно въ этомъ ихъ упрекать? Вопервыхъ, еще не особенно много было поводовъ съ нашей стороны къ тому, чтобы настроеніе русской печати въ отношеніи къ намъ измѣнилось, во вторыхъ, развѣ наша печать представляетъ подобное однообразіе? Развѣ у насъ нѣтъ своего рода «Московскихъ Вѣдомостей» въ образѣ «Все-польскаго Обзорѣнія», развѣ у насъ нѣтъ журналовъ, культивирующихъ шовинизмъ, точно какую то бациллу національнаго спасенія, или такихъ, которые умѣютъ лавировать среди подводныхъ скалъ непопулярности?.. Не будемъ желать единомыслія отъ русской печати, удовлетворимся и тѣмъ, что между ея органами немало такихъ, съ которыми можно и стоитъ говорить. Въ заключеніе этой характеристики я сдѣлаю еще два замѣчанія:

- 1) Русскія газеты если не всегда выступали въ нашу

защиту, то иногда не по нежеланию, а по невозможности, и 2) Расположеніе къ намъ русской печати расходуеться, такъ сказать, въ кредитъ. Если нынѣшній переломъ во взаимныхъ отношеніяхъ упрочится, если въ польской печати это доброжелательное отношеніе русской печати отразится болѣе сильнымъ эхомъ (чего доселѣ еще нѣтъ), то такъ называемое полонофильское направленіе естественно станетъ и въ ней усиливаться.

М. Какое замѣчается настроеніе русскаго общества внѣ предѣловъ печатнаго слова, напримѣръ въ литературныхъ кружкахъ, ученыхъ, въ земствѣ, аристократіи, въ средѣ служащей интеллигенціи?

П. В. Я могъ бы вамъ отвѣтить словами старинныхъ календарей: по временамъ ясно, по временамъ ненастье. Я слышалъ отъ лицъ, приѣзжающихъ изъ Варшавы въ Петербургъ по дѣламъ общественнымъ и частнымъ, что они зачастую испытываютъ самый дружелюбный пріемъ, что директоры департаментовъ не рѣдко принимаютъ ихъ гораздо привѣтливѣе и любезнѣе, чѣмъ какойнибудь нашъ начальникъ земской стражи или уѣздный секретарь. Мнѣ рассказывали достовѣрные люди, принимавшіе участіе въ сѣздахъ, комиссіяхъ, комитетахъ, сталкивавшіеся съ представителями земства и промышленности, что никогда они не встрѣчались ни съ предубѣжденіями, ни съ предвзятымъ нерасположеніемъ. Если имъ случалось расходиться въ мнѣніяхъ, то это бывало лишь въ обстоятельствахъ, когда ихъ раздѣлялъ какойлибо явный, осязательный, экономическій интересъ. Впрочемъ, можетъ быть, ктонибудь приведетъ противоположныя наблюденія—спорить не буду о томъ, кто ближе къ истинѣ.

Но вотъ что несомнѣнно: лучшія изъ литератур-

ныхъ произведеній польскихъ писателей пользуются въ Россіи большимъ успѣхомъ. Сенкевичъ, на примѣръ, чрезвычайно популяренъ и сочиненія его требуются на расхватъ въ бібліотекахъ, наравнѣ съ первоклассными русскими писателями. И какія же сочиненія! «Огнемъ и мечемъ», «Потопъ», «Шанъ Володѣйовскій», противъ которыхъ русскій шовинизмъ могъ бы многое возразить. Все это служитъ признакомъ если еще не упроченныхъ, то возможныхъ симпатій, точно также какъ и избраніе Сенкевича членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ. Извѣстно ли вамъ, что эта честь довольно рѣдко выпадаетъ на долю самихъ знаменитыхъ русскихъ беллетристовъ и поэтовъ?

М. Если вы вѣрите въ то, что между русскимъ и польскимъ обществомъ не лежитъ пропасть, которую выровнять нельзя, если вы вѣрите, что нѣтъ неизгладимыхъ различій, то должны и тому повѣрить, что нынѣшнее положеніе поляковъ должно измѣниться. Мы все еще подлежимъ исключительнымъ законамъ и законодательству исключеній. Что предстоитъ намъ въ будущемъ, въ ближайшемъ будущемъ?

П. В. Прямо отвѣтить на такой вопросъ я не въ состояннн, потому что я не посвященъ въ намѣренія правительства. Могу развѣ только условно отвѣтить, чего мы могли бы ожидать въ случаѣ, если доброе расположеніе съ русской стороны къ намъ не измѣнится, и если наша трезвая умѣренность упрочится. Но вѣдь путь пророчества—путь скользкій и неблагодарный. На ходъ жизни вліяютъ условія постоянныя и непостоянныя, неожиданныя и неуловимыя для всякихъ расчетовъ. То, что теперь мнѣ кажется вѣрнымъ я основываю на логическихъ соображе-

ніяхъ, наблюдая происходящее кругомъ и наконецъ просто интересуясь общественными дѣлами, но всѣ мои предсказанія, какъ бы ни были они логично построены, легко могутъ разлетѣться, вслѣдствіе какой нибудь неожиданности.

Поэтому я рассуждаю такъ: все, что происходитъ въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, указываетъ на желаніе со стороны правительства упорядочить такъ называемый «польскій вопросъ» на основаніяхъ уравниванія правъ поляковъ съ правами прочихъ подданныхъ государства, признанія нашихъ національныхъ особенностей и права на наше національное развитіе. Затѣмъ требуется отысканіе почвы, на которой это развитіе могло бы быть обезпечено безъ вреда для государственныхъ интересовъ. Изъ этого положенія я вывожу заключеніе, что все, содѣйствующее не только къ поддержанію, но и къ развитію народности, языка и культуры въ Польшѣ, не противорѣчитъ намѣреніямъ правительства. Но принципъ этотъ не достаточно признать, надо его ввести въ жизнь; не достаточно признать право національнаго развитія, надо вооружить это право средствами осуществленія, ибо иначе оно останется мертвой буквой. Поэтому я думаю, что мы можемъ надѣяться со временемъ на содѣйствіе нашему стремленію къ самому широкому развитію у насъ литературы, науки и искусствъ, что преподаваніе польскаго языка и литературы будетъ поставлено на должную высоту, что получится возможность примѣненія польскихъ научныхъ силъ въ самой Варшавѣ для того, чтобы избѣжать ихъ выселенія за предѣлы государства, что мы получимъ возможность основать школу изящныхъ искусствъ, чтобы наши молодые художники не были

вынуждены ѣздить за границу, такую-же школу драматическаго искусства для того, чтобы уберечь польскій театр, который даже и между русскими сферами пользуется прекрасной репутаціей, отъ постепеннаго, неизбежнаго упадка. Мечтать мы можемъ о польскомъ обществѣ «Покровительства наукамъ» (существующая «Касса Мянковского» могла бы для этого послужить ядромъ), ибо мнѣ кажется, что ничуть не въ видахъ правительства, чтобы центр тяжести научнаго труда постоянно оставался за предѣлами края. Мы должны надѣяться на покровительство въ дѣлѣ основанія частныхъ училищъ: коммерческихъ, техническихъ, промышленныхъ, ремесленныхъ подъ контролемъ и надзоромъ правительства, но съ правомъ участія въ управленіи училищами основателей и попечителей, ибо чѣмъ же инымъ можно привлечь общество къ пожертвованіямъ на воспитательныя дѣла?

Н. А просвѣщеніе народа? Вѣдь вамъ извѣстно, что оно у насъ въ полномъ упадкѣ.

П. В. Я увѣренъ, что очередь придетъ и къ этому вопросу. Инициатива въ дѣлѣ народныхъ читалень въ этомъ отношеніи даетъ очень важное и желательное указаніе. Какъ вамъ извѣстно, въ настоящее время проектируется учрежденіе библиотечныхъ комитетовъ въ каждой губерніи Царства Польскаго съ центральнымъ комитетомъ въ Варшавѣ. Общественные представители будутъ призваны къ участию въ этомъ дѣлѣ. Это откроетъ широкое поле для полезной дѣятельности. Въ виду громадности задачи народнаго просвѣщенія правительство вѣроятно не откажется и въ этомъ случаѣ отъ обращенія къ польской интеллигенціи за содѣйствіемъ, ему потребуется лишь ру-

чательство, что это средство ни въ какомъ случаѣ не обратится противъ него.

Н. Но наука, литература, искусство, просвѣщеніе, школа еще не составляетъ всего. Культурное общество, цивилизуясь прогрессивно, вынуждено помышлять объ удовлетвореніи всѣхъ своихъ, существующихъ и нарождающихся потребностей, въ томъ числѣ и матеріальныхъ. Стремленіе къ развитію матеріальныхъ силъ встрѣчалось у насъ съ препятствіями, происходившими вслѣдствіе нежеланія допускать всякого рода ассоціаціи труда и мелкихъ капиталовъ. Вамъ вѣроятно извѣстно, что у насъ даже устройство ссудо-сберегательныхъ кассъ встрѣчало затрудненія. Такого рода фактовъ я могъ бы вамъ указать много. Почему на примѣръ, до сихъ поръ не возникло въ Царствѣ Польскомъ ни одного общества сельскаго хозяйства, ни губернскаго, ни уѣзднаго? Неужели призраку давнишняго Земледѣльческаго Общества на вѣки вѣчныя суждено устрашать людей? Вѣдь инья это были времена, иные люди. Дѣло идетъ нынѣ не о какомъ либо центральномъ обществѣ для цѣлаго края, а о мѣстныхъ, съ исключительно земледѣльческимъ характеромъ, безъ малѣйшихъ поползновеній къ разрѣшенію соціальныхъ задачъ.

П. В. Всѣ эти вопросы должны выступать по очереди и, весьма естественно, по мѣрѣ того, насколько будетъ возрастать довѣріе правительства къ обществу.

Н. А вопросъ о самоуправленіи?

П. В. Въ этомъ отношеніи у насъ господствуютъ довольно ошибочные взгляды. Учрежденіе земскаго и городского управленія отнюдь не слѣдуетъ разсматривать съ точки зрѣнія *политическихъ льготъ*. Уже

нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ было рѣшено распространить эти учрежденія на тѣ губерніи, въ коихъ они еще не введены. Въ этомъ не заключалось никакой политической идеи, а прежде всего выражалось желаніе постепеннаго приведенія всѣхъ частей государства къ однообразному типу административнаго устройства и во вторыхъ—признаніе недостатковъ настоящаго положенія.

Вопросъ о примѣненіи положенія о городскомъ самоуправленіи къ городамъ Царства Польскаго былъ уже затронутъ года два тому назадъ. Гр. Шуваловъ отвергнулъ проектъ на томъ основаніи, что онъ не былъ предварительно обсуждаемъ въ Варшавѣ. Съ тѣхъ поръ мысль о городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ не была оставлена. Что же касается учрежденія земства, то если его предполагаютъ ввести въ западныя губерніи, не смотря на ихъ этнографическій составъ, въ которомъ видятъ почву гораздо болѣе щекотливую, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ, и если вопросъ о введеніи самоуправления уже дебатировался смѣшанными комиссіями съ участіемъ представителей землевладѣнія, — надо полагать, что онъ явится на очереди и въ Царствѣ Польскомъ, въ которомъ всеословность волости (гмины) могла бы очень облегчить организацію земскаго управленія.

Лично я того мнѣнія, что введеніе въ польскій край земскаго и городского самоуправления было бы для него большимъ благодѣяніемъ. Впервыхъ увеличилась бы цѣлая область труда. Такого труда, труда общественнаго, реальнаго и производительнаго у насъ не много, а вѣдь отъ природы нашей, вслѣдствіе вѣковыхъ преданій, неотдѣлимо стремленіе и привычка къ такому труду. Въ немъ мы находимъ наслажденіе.

Дѣла по самоуправленію дали бы исходъ этому стремленію. Въ занятіяхъ практическими интересами люди стали бы менѣе предаваться размышленіямъ объ отвлеченныхъ вопросахъ и трансцендентальной политикѣ. Впервые наша интеллигенція стала бы приучаться трудиться вмѣстѣ съ правительствомъ надъ разрѣшеніемъ жизненныхъ вопросовъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, какъ это допускается при земскомъ участіи въ дѣлахъ управленія. (По моему крайнему разумнію было бы даже дурно, если бы вовсе изъять изъ земской компетенціи участіе въ администраціи—это умалило бы авторитетъ и исполнительную власть у самоуправления, что составляетъ большое мѣсто галиційской автономіи). Но городскія и земскія учрежденія могли бы оказаться весьма полезными еще въ одномъ отношеніи: они ввели бы элементы умѣренности на путь дѣятельности и создали бы открытое общественное мнѣніе, степень значенія котораго могла бы подлежать точному измѣренію. Какъ часто со стороны русскихъ случалось намъ слышать возраженіе, что у насъ крайніе элементы гораздо болѣе сомкнуты и лучше организованы, чѣмъ умѣренные! Но, спрашивается, когда и гдѣ сторонники умѣреннаго направленія могли себя проявить? Мы не могли даже опредѣлить сколько насъ, умѣренныхъ. Это нѣсколько выяснилось при собраніи милліона и при устройствѣ торжественнаго приѣма Ихъ Величествъ; но жизнь не слагается изъ однихъ выдающихся моментовъ и не каждому возможно дѣйствовать постоянно безъ довѣренности, принимая все на свою личную отвѣтственность. Крайнія, разлагающія партіи дѣйствуютъ посредствомъ путей и средствъ, къ которымъ умѣренные прибѣгать не могутъ, слѣдовательно положеніе ихъ не равносильно.

Мы глубоко убѣждены, что выборы въ городскія и земскія собранія доказали бы, что большинство населенія на нашей сторонѣ.

М. Я раздѣляю ваше мнѣніе, что введеніе земскаго и городского самоуправленій оказалось бы мѣрой спасительной, потому что это было бы краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ того, что для Царства Польскаго наступаетъ время полного уравниенія правъ. Наши противники потеряли бы одно изъ главныхъ оружій своего вліянія и агитаціи. У меня одно лишь опасеніе: вопросъ о языкѣ. Если предполагается полное устраненіе польскаго языка изъ собраній, то тысячи полезныхъ тружениковъ потеряютъ возможность участвовать въ учрежденіяхъ по самоуправленію, особенно въ провинціи.

П. В. Это неопровержимо. Вообще вопросъ о языкѣ — самый трудный, самый сложный и самый щекотливый изъ всѣхъ. Его не разрѣшила еще ни одна теорія, онъ окончательно еще не разрѣшенъ никакимъ закономъ даже въ конституціонныхъ и федеративныхъ государствахъ. Посмотрите, что теперь происходитъ въ Австріи изъ за вопроса о языкѣ. Настоящая революція! Всюду на свѣтѣ вопросъ этотъ разрѣшался не теоріей и не законодательствомъ, а чувствомъ справедливости съ одной стороны и практикой съ другой. При Императорѣ Николаѣ I демаркаціонная линія, отдѣлявшая государственный языкъ отъ мѣстнаго языка, опредѣлялась очень точно, новое царствованіе нѣсколько передвинуло ее вправо, а послѣдствія событій 1863 г. рѣзко отбросили ее влѣво. Гдѣ должна быть эта граница, это вопросъ сложный, невыясненный, между тѣмъ чрезвычайно важный. Въ томъ, что послѣ 1863 года государственный языкъ

расширилъ свои границы насчетъ мѣстнаго, нѣтъ ничего удивительнаго. Сторона побѣдившая всегда стремится къ расширенію своихъ правъ и преимуществъ. Серьезнѣйшіе изъ русскихъ публицистовъ опредѣляли эту границу такимъ образомъ: во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ офиціальнымъ языкомъ долженъ быть государственный; частныя учрежденія и общественныя должны его употреблять для сношеній съ властями. Это ясно и логично. Но такое опредѣленіе не разрѣшаетъ вопроса о томъ, слѣдуетъ ли считать государственными учрежденія по самоуправленію? По мнѣнію однихъ да, по другимъ нѣтъ. Можетъ быть, одержить верхъ взглядъ, по которому этого рода учрежденія имѣютъ смѣшанный характеръ. Они и полуправительственныя и общественныя и согласно такой двойственности должна быть опредѣлена въ нихъ сфера употребленія обоихъ языковъ.

Все это однако теорія, которая можетъ быть опровергнута другою теоріей. Между тѣмъ, на сколько могу судить, въ этомъ дѣлѣ гораздо болѣе важную роль играютъ соображенія практическія, и они болѣе убѣдительны.

Въ вопросѣ о языкѣ заключается большое недоразумѣніе. Въ Россіи думаютъ, что русскій языкъ на столько распространенъ въ Царствѣ Польскомъ, что каждый образованный полякъ можетъ свободно говорить по русски. Мнѣніе это ошибочно. Людей, хорошо говорящихъ и пишущихъ по русски, у насъ очень немного. Правда, ежегодно кончаютъ курсъ въ Варшавскомъ университетѣ и прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ человѣкъ 200; кромѣ того изъ гимназій выходитъ нѣсколько сотъ человѣкъ—вотъ и все число владѣющихъ *ex officio* русскимъ языкомъ. Но

это составитъ чрезвычайно небольшую часть всего населенія, да и изъ этой части значительное большинство состоитъ изъ молодыхъ людей, покидающихъ свой край для службы или занятій внѣ его предѣловъ.

Получившія среднее или высшее образованіе лица, если у нихъ нѣтъ ежедневной практики, теряютъ понемногу приобрѣтенное въ школѣ знаніе языка. А практику у насъ имѣютъ одни адвокаты, вынужденные ежедневно являться въ судъ для защиты разнохарактерныхъ дѣлъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, возникающихъ изъ разнородныхъ отношеній. Это даетъ имъ возможность выработать богатый запасъ словъ, оборотовъ, понятій и терминовъ. Но гдѣ могутъ имѣть практику въ языкѣ: врачъ, техникъ, домовладѣлецъ, купецъ, ремесленникъ? Дома говорятъ по польски, въ обществѣ — также, тотъ же языкъ употребляется и въ дѣловыхъ отношеніяхъ. Вѣдь мы представляемъ собою народъ, если можно такъ выразиться, законченный исторіею. Всѣ стороны нашей жизни — развиты; есть у насъ богатая и вполне удовлетворяющая насъ литература, наука, искусство; вся наша жизнь — польская; чужой языкъ, будь то языкъ родственнаго племени и притомъ государственнаго, не придется къ нашему внутреннему міру, потому что это невозможно, потому что мѣсто уже занято. Для того, чтобы хорошо говорить по русски, требуется жить русскою мыслью, русскою жизнью, дышать русскою атмосферою, удовлетворяя всѣ умственныя потребности на этомъ языкѣ, а это вѣдь не мыслимо.

У меня довольно большой житейскій опытъ, у меня тысячи двѣ знакомыхъ, но изъ нихъ я знаю развѣ только 3—4 такихъ, которые владѣютъ одинаково хорошо тѣмъ и другимъ языкомъ. Это особый

даръ исключительныхъ людей, каковъ былъ Меццо-фанти, но въ обыденной жизни онъ *встрѣчается крайне рѣдко*. На это могутъ возразить, что для того, чтобы высказать свое мнѣніе въ думѣ или земствѣ, не требуется отличнаго знакомства съ языкомъ. Напротивъ, для того чтобы легко излагать свои мысли, чтобы отстаивать свое мнѣніе и опровергнуть чужое, чтобы съ компетентностью разсуждать по вопросамъ разнородныхъ отраслей общественнаго хозяйства, подлежащихъ вѣдѣнію думъ и земствъ, чтобы, наконецъ, избѣгнуть опасныхъ недоразумѣній, необходимо солидное знаніе языка, необходимо разностороннее знаніе терминологіи. Вѣдь рѣчь идетъ не о настольномъ словарѣ чиновника, который, двигая одно маленькое колесо какой нибудь бюрократической машины, имѣетъ нужду въ сотняхъ двухъ шаблонныхъ словъ и фразъ. Что станетъ дѣлать гласный, не обладая хорошимъ, полнымъ знаніемъ государственнаго языка? Или будетъ молчать, или станетъ высказываться на ломаномъ русскомъ языкѣ. Многіе не сочтутъ себя обязанными къ принятію на себя столь затрудненной общественной службы. Можетъ также установиться обычай, какъ мы это видимъ въ другихъ мѣстностяхъ, что официальнымъ собраніямъ думы или земства предшествовать будутъ негласныя собранія, на которыхъ каждый имѣетъ возможность высказаться съ полною свободою, а на официальное собраніе явится съ готовымъ рѣшеніемъ. Ни одно изъ этихъ послѣдствій не согласно ни съ достоинствомъ учрежденія, ни съ истинными интересами государства: поэтому я прихожу къ заключенію, что собраніямъ въ учрежденіяхъ, служащихъ органами самоуправленія, будетъ присвоено то же право, какимъ поль-

зуются въ судебныхъ учрежденіяхъ Царства Польскаго стороны, свидѣтели и подсудимые: а именно, право говорить по польски, разъ кто недостаточно знакомъ съ русскимъ языкомъ.

Кстати, я долженъ вамъ сказать, какой аргументъ противъ такой постановки вопроса привелъ одинъ весьма просвѣщенный русскій, не вполне, однако, ознакомленный съ нашими условіями: «въ Варшавской думѣ всегда найдется нѣсколько адвокатовъ, вполне свободно говорящихъ по русски». Но, во первыхъ, сказанное можно примѣнить только къ Варшавской городской думѣ, въ провинціальныхъ же городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ адвокатовъ не будетъ. Во вторыхъ, хорошо ли будетъ, если Варшавская дума превратится въ парламентъ, гдѣ будутъ состязаться въ риторикѣ? Ничьи интересы не требуютъ того, чтобы въ ней, какъ во французскомъ парламентѣ, преобладали и по количеству, и по вліянію адвокаты, журналисты, и, вообще, люди, такъ называемыхъ свободныхъ профессій. Участіе ихъ, конечно, необходимо, неизбѣжно, но главный контингентъ гласныхъ долженъ состоять изъ представителей реальныхъ интересовъ города какъ то: домовладѣльцевъ, купцовъ, заводчиковъ, ремесленниковъ, которые будутъ заботиться объ интересахъ города. А между тѣмъ, въ этой именно средѣ слишкомъ мало найдется лицъ, въ достаточной степени знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, и едва ли они научатся ему на собраніяхъ городской думы.

Н. А какое составилось въ вашемъ умѣ представленіе по вопросу о языкѣ въ судахъ и школахъ?

П.В. Въ судопроизводствѣ съ 1876 г. офиціальнымъ языкомъ установленъ языкъ русскій. Во время судеб-

наго слѣдствія употребленіе польскаго языка, какъ извѣстно, допускается для тяжущихся, обвиняемыхъ и свидѣтелей. Впрочемъ, это—вовсе не особая уступка въ пользу польскаго языка или Царства Польскаго: судебные уставы позволяютъ всѣмъ, во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, давать показанія или защищаться на родномъ языкѣ; въ противномъ случаѣ самое отправленіе правосудія стало бы невозможнымъ.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда судьи не понимаютъ языка кого либо изъ свидѣтелей или подсудимаго, или тотъ не знаетъ языка судей, допускается посредничество переводчика. Ученые русскіе юристы, подобно законовѣдамъ всего свѣта, признаютъ институтъ переводчиковъ учрежденіемъ пагубнымъ, болынымъ мѣстомъ правосудія, такъ какъ не возможенъ идеальный переводчикъ, который сдумѣлъ бы въ запутанномъ, усложненномъ психологическими тонкостями, процессѣ сейчасъ же передать точно, à l'improviste, иное важное показаніе свидѣтеля или обвиняемаго. «Traduttore—traditore» гласитъ итальянская пословица. Не смотря на это, теорія права признаетъ институтъ переводчиковъ необходимою, *неизбѣжнымъ зломъ*. Зло это терпятъ, такъ какъ оно, въ концѣ концовъ, рѣдко случается, бываетъ исключительнымъ явленіемъ. Но тамъ, гдѣ и свидѣтели, и обвиняемый говорятъ на томъ же языкѣ, какъ и все населеніе, тамъ, гдѣ ежедневно, въ каждомъ судѣ, въ каждой мѣстности края приходится приглашать переводчика, тамъ отправленіе правосудія становится крайне затруднительнымъ и ненормальнымъ. Прежде всего, сколько потери времени! Обязательный переводъ показаній, вопросовъ, отвѣтовъ, чуть не удваиваетъ необходимое для раз-

бора каждаго дѣла время. Чтобы избѣжать этого мученія, этой скуки, судьи всѣми силами обороняются отъ переводчиковъ и предпочитаютъ (вполнѣ естественно), заслушивать показанія на польскомъ языкѣ, безъ перевода ихъ на русскій, даже если ихъ не вполнѣ понимаютъ. Но вѣдь этотъ способъ, не согласенъ съ пользою для дѣлъ и сторонъ, такъ какъ среди членовъ палатъ и окружныхъ судовъ едва-ли наберутся десятка два основательно ознакомленныхъ съ польскимъ языкомъ. Чтобы устранить это зло, необходимо, чтобы всѣ судьи достаточно знали мѣстный языкъ и чтобы было дозволено членамъ суда, адвокатамъ и сторонамъ предлагать вопросы обвиняемымъ, тяжущимся и свидѣтелямъ на польскомъ языкѣ и безъ переводчиковъ. Можетъ ли быть это сдѣлано, я не знаю, но это дѣло огромнаго значенія.

Школа—это вѣчно открытая рана нашихъ отношеній. Я знаю людей, которые вѣрятъ въ урегулированіе всѣхъ спорныхъ вопросовъ, кромѣ этого; они оптимисты во всѣхъ пунктахъ, только не въ этомъ. Тѣмъ не менѣе, вопреки этому убѣжденію, я полагаю, что въ училищномъ вопросѣ принципиальное (не говорю пока о практическомъ) соглашеніе съ русскими—возможно.

Основная сторона училищнаго вопроса опирается на опредѣленіи той цѣли, къ которой надлежитъ стремиться. Нѣкоторыхъ дѣятелей, нѣкоторыхъ публицистовъ, въ продолженіи извѣстнаго времени, манила надежда провести при помощи школы обрусѣніе польской народности, польской молодежи. Предано было полному забвенію предостереженіе Милютина по поводу подобнаго опыта, выразившагося о Николаевскомъ

времени слѣдующимъ образомъ: «предпочтеніе русскаго языка польскому имѣло то послѣдствіе, что мы раздражали поляковъ, не достигая никакого положительнаго результата».

Нынѣ, новый 30-лѣтній опытъ далъ тѣ же результаты. Пусть кто нибудь укажетъ мнѣ изъ столькихъ тысячъ учащихся въ Царствѣ хоть одного, только одного (желаю вѣдь немного) ребенка, котораго бы обрусили при помощи училищной системы, или который вынесъ бы изъ школы или подъ ея вліяніемъ любовь къ русскому языку и литературѣ, братское чувство къ единоплеменному славянскому народу, юношу, которому этимъ путемъ были бы привиты основы лояльности, законности, уваженія права? Напротивъ, нынѣ онъ по выходѣ изъ гимназіи никогда не возьметъ въ руки русской книги, потому что школа сдѣлала все возможное для того, чтобы онъ считалъ этотъ языкъ не средствомъ умственнаго сближенія, а орудіемъ давленія, и если, перебродивъ, юноша этотъ дѣлается спокойнымъ и здравомыслящимъ гражданиномъ, то не подъ вліяніемъ школы, а помимо школы, и потому, что этому его научили жизнь, опытъ, исторія, старшее поколѣніе, общественное мнѣніе. Это — факты и ихъ легко провѣрить.

Но если не обрусѣніе, то какую же задачу должна преслѣдовать школа въ Царствѣ Польскомъ? Благородный и здравомыслящій русскій долженъ признать, что ей слѣдуетъ преслѣдовать педагогическія задачи, стремиться къ наибольшему, съ наименьшими затратами, развитію умственныхъ способностей ребенка, не упуская изъ виду, что ребенокъ этотъ — полякъ.

Что же касается спеціально русскаго языка и литературы, то кто станетъ отрицать необходимость

обратить на эти предметы особенное наше вниманіе, ибо *знаніе русскаго языка* въ извѣстной степени необходимо намъ всѣмъ, а для тѣхъ, кто желаетъ приобрѣсть право на государственную службу, или ищетъ труда въ Имперіи, или завязываетъ сношенія съ русскими промышленниками и т. д. оно потребуется полнѣе. Г. Стрешевичъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ въ «Краѣ» весьма подробно и выразился удачно и искренно, что если бы насъ къ тому не принуждали, то мы и сами по доброй волѣ стали бы учиться русскому языку. Итакъ на этомъ пунктѣ нѣтъ никакихъ недоразумѣній, никакихъ споровъ. Вторую цѣлью, съ точки зрѣнія государственной и русской, представляется та, чтобы школа всей своей организаціей, отношеніемъ учителей къ ученикамъ, преподаваніемъ языка и литературы, а въ особенности русской исторіи, стремилась привить *любовь*, а не отвращеніе къ русской литературѣ, стремилась бы къ *сблизженію*, а не къ раздраженію обѣихъ народностей, чтобы она старалась найти принципъ, который далъ бы возможность согласовать требованія общегосударственной идеи съ чувствами и правами на народную самостоятельность. Подобный принципъ вовсе не составляетъ нѣчто въ родѣ философскаго камня и при доброй волѣ его вполне возможно найти. Но имѣется ли такое желаніе, дѣлаются ли опыты, рационально ли и *успѣшно ли* стремится нынѣшняя школа къ этимъ *цѣлямъ*? Мнѣ кажется, отвѣтъ на это не можетъ быть утвердительный. Слѣдовательно, нужно думать и стараться о преобразованіи училищнаго дѣла въ Царствѣ П. Но какимъ образомъ? Этого я сказать не умѣю, или вѣрнѣе, затрудняюсь указать какую нибудь программу, какой нибудь планъ дѣйствія. Надо почерпать въ бла-

городныхъ, стоящихъ выше предрасудковъ и предубѣжденій, взглядахъ нынѣшняго начальника края надежду на то, что со временемъ этотъ вопросъ будетъ поставленъ на очередь.

Быть можетъ на будущее нашей школы и на возможность принципіальнаго разрѣшенія этого крайне труднаго вопроса повліяетъ сознаніе, что никто со стороны поляковъ не мечтаетъ не только о возстановленіи программы нашихъ Сташицевъ, Чацкихъ, Конарскихъ, Эдукаціонной Коммисіи, но хотя бы только программы маркиза Велепольскаго въ 1862 г. Нашимъ желаніемъ было бы одно, чтобы за основу, при преобразованіи общественнаго образованія въ Царствѣ П., принять былъ взглядъ на училищное дѣло Н. А. Милютина, высказанный въ 1864 г., чтобы осуществились возвышенныя начала, выраженыя въ манифестѣ Императора Александра II, даннаго въ 1866 г. въ Югенгеймѣ. Что мы, поляки, считаемъ наиболѣе подходящимъ въ настоящую минуту для постановки у насъ училищнаго дѣла основной взглядъ русскаго государственнаго дѣятеля, всѣми русскими партіями признаваемаго за горячаго патріота и человека съ великими заслугами, это обстоятельство едва ли можетъ быть поставлено намъ въ вину или сочтено проступкомъ.

IV. Училищный вопросъ, дѣйствительно, вопросъ первостепенной важности, но существуетъ еще другой вопросъ, равнымъ образомъ весьма важный, который угнетаетъ насъ и является постояннымъ источникомъ раздраженія. Вы знаете, какъ въ послѣднее двадцатипятилѣтіе все болѣе и болѣе суживался кругъ доступной для насъ работы на поприщѣ государственной и общественной службы.

Намъ говорили: примитесь за промышленность и

торговлю. Но, во первыхъ, не всѣ могутъ заниматься промышленностью или торговлею, а во вторыхъ, невозможно требовать отъ народа, никогда не упражнявшагося аршиномъ, чтобы онъ внезапно приобрѣлъ коммерческія знанія и способности. Быть можетъ, со временемъ, когда принесетъ плоды Технической Институтъ, когда по всему краю будетъ раскинута сѣтъ промышленныхъ, коммерческихъ и ремесленныхъ училищъ всѣхъ типовъ и разрядовъ, когда пройдетъ еще одно поколѣніе, мы и вырабатываемъ въ себѣ способности и соотвѣтствующія качества, но теперь это дѣло идетъ еще очень медленно.

Вслѣдствіе громаднаго стремленія къ образованію вообще и къ высшему образованію со стороны молодежи (кто въ этомъ усмотритъ что нибудь дурное? вѣдь это также служитъ доказательствомъ успѣховъ общественной зрѣлости), ежегодно нѣсколько сотенъ получившей училищныя свидѣтельства молодежи останавливается передъ трагическимъ вопросомъ: что дѣлать? И такъ какъ двери къ общественной службѣ въ краѣ для нея закрыты, то молодежь наша должна искать мѣстъ гдѣ нибудь далеко, вдали отъ родныхъ, отъ земляковъ, отъ того, что она привыкла любить съ дѣтства. Приблизительно такое количество русскихъ наѣзжаетъ въ Царство П. для заполнения пустоты, образующейся въ силу постановленій о происхожденіи и хотя наѣзжаетъ по доброй волѣ, но чувствуя себя чужимъ и, пробывъ известное время, пропитывается атмосферою раздраженія, являющейся естественнымъ послѣдствіемъ данныхъ обстоятельствъ. Развѣ нѣтъ возможности какъ нибудь избѣжать такой неудобной и для самого государства растасовки? Я понимаю, что правительство

считаетъ необходимою замѣщеніе русскими высшихъ должностей; но вѣдь, въ данномъ случаѣ, дѣло идетъ не о высшихъ должностяхъ. Секретарь окружнаго суда, лѣсничій, кассиръ уѣзднаго казначейства—все это вовсе не сановники, но очень скромные и скромно оплачиваемые труженики; тѣмъ не менѣе даже эти должности закрыты для тѣхъ, на комъ лежитъ перво-родный грѣхъ польскаго происхожденія.

П. В. Все это такъ, но если когда либо, то въ этомъ именно случаѣ причину надо искать въ недовѣрїи правительства къ обществу, недовѣрїи, имѣющему свой источникъ въ событіяхъ 1863 г. Часто мнѣ приходилось слышать такія разсужденія русскихъ: «Лѣтъ 35 тому назадъ администрація, желѣзныя дороги, почта, телеграфъ находились исключительно въ польскихъ рукахъ и въ результатѣ получилось то, что всѣ эти артеріи сношеній превратились въ орудія и органы революціи; безъ ихъ помощи заговоръ не могъ бы созрѣть. Какъ же вы хотите, чтобы послѣ того, что случилось, мы имѣли къ вамъ довѣрїе?»

Н. Что же вы на это отвѣчали?

П. В. То, что и вы отвѣтили бы на моемъ мѣстѣ: все зданіе горѣло—всѣ этажи были объаты пламенемъ; мятежь былъ повсемѣстный—всѣ сословія, оба поколѣнія, старое и молодое, умѣренные люди и крайніе, всѣ принимали въ немъ участіе. Какъ же вы хотите, чтобы огонь движенія не охватилъ какого нибудь желѣзнодорожнаго кондуктора или почтмейстера? Это было бы вовсе невѣроятно. Нынѣ ручательствомъ здравогомыслія чиновниковъ служить здравомысліе всего народа и тотъ коренной поворотъ, какой произошелъ во взглядахъ и стремленіяхъ общества. Этотъ поворотъ начался давно, вскорѣ послѣ возстанія, укоре-

нился уже лѣтъ 20 тому назадъ, хотя во всей полнотѣ и силѣ проявился только теперь.

Н. Я бы къ вашему отвѣту прибавилъ еще вопросъ: добросовѣстно ли исполняютъ въ настоящее время свои обязанности чиновникъ—полякъ? Пусть на это отвѣтятъ сами русскіе: начальники отдѣленій разныхъ департаментовъ и управленій въ столицахъ и въ провинціи, директора желѣзнодорожныхъ правленій, которые всюду, по скольку какія нибудь правила этому не препятствуютъ, охотно принимаютъ поляковъ? Исполняли ли свой долгъ во время послѣдней войны офицеръ - полякъ и солдатъ - полякъ? Это могутъ намъ выяснить списки поляковъ, получившихъ отличія за храбрость, а равно число высшихъ офицеровъ, которые, не смотря на установленіе процента, остаются въ арміи. И въ гражданской службѣ мы найдемъ поляковъ на весьма видныхъ постахъ въ Петербургѣ. Разъ полякъ можетъ быть директоромъ департамента или командиромъ корпуса, то, надо думать, онъ можетъ занимать и должности секретаря суда или лѣсничаго....

П. В. Я твердо вѣрю, что въ этомъ направленіи должны наступить какія нибудь перемѣны. По мѣрѣ возрастанія довѣрія со стороны правительства къ обществу, воспоминанія о 1863 годѣ потеряютъ силу доказательства и происхождение или вѣроисповѣданіе перестанутъ служить препятствіемъ для государственной службы.

Н. А еще въ какомъ направленіи можетъ осуществиться примирительное настроеніе?

П. В. Полагаю, во всемъ томъ, что касается равноправности и введенія въ Царствѣ П. тѣхъ учрежденій, какія существуютъ въ Имперіи, а въ Царствѣ

П. до сихъ поръ не введены. Въ принципѣ уже рѣшено ввести суды присяжныхъ (кажется, съ болѣе высокимъ, чѣмъ въ Имперіи, образовательнымъ цензомъ); высшая судебная коммисія, засѣдающая подъ предсѣдательствомъ г. Министра юстиціи, высказалась за введеніе въ Царствѣ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Отмѣна сервитутовъ равнымъ образомъ въ принципѣ рѣшена, проектъ перейдетъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта еще въ текущемъ году и т. д.

Но все это—подробности. Самымъ важнымъ мнѣ кажется то, что съ перемѣною отношеній между правительствомъ и обществомъ измѣнится вся система управленія, что каждый вопросъ, касающійся нашихъ общественныхъ, образовательныхъ, экономическихъ условій, представится въ иномъ свѣтѣ, иначе будетъ разсматриваться».

Различіе это, по мнѣнію автора, можетъ заключаться въ томъ, что власти могутъ нынѣ давать свое согласіе на все что ведетъ къ улучшенію въ положеніи края, если только будутъ увѣрены, что отъ этого не *пострадаетъ* государственный интересъ, между тѣмъ какъ въ прежнее время возможны были только такія перемѣны, отъ которыхъ, по тогдашнему взгляду властей, долженъ былъ непремѣнно *выиграть* государственный интересъ. Впрочемъ, авторъ оговаривается, что выражая надежду относительно возможности нѣкоторыхъ смягченій, напр. въ области языка или въ училищномъ дѣлѣ, онъ не идетъ далѣе надежды; возможно и ошибиться, такъ какъ могутъ случиться и какія-либо нежелательныя затрудненія.

На это, пессимистически настроенный собесѣдникъ его возражаетъ: но въ такомъ случаѣ мы окон-

чательно окажемся несостоятельными съ своей примирительной политикой.

Авторъ объясняетъ, что его и поддерживаетъ только надежда, хотя и скромная, но всетаки надежда, что завтрашній день будетъ лучше вчерашняго. Онъ видитъ, что во всякомъ случаѣ, уже стало лучше, но надо быть терпѣливымъ и не падать духомъ при первыхъ возможныхъ затрудненіяхъ. Необходимо имѣть въ виду, что для осуществленія улучшеній мѣстная власть нуждается въ подходящихъ исполнителяхъ, которыхъ находить нелегко, а сверхъ того надо помнить о томъ, что $\frac{3}{4}$ всего числа дѣлъ касающихся Царства зависятъ отъ центральныхъ властей; мѣстная власть не имѣетъ въ нихъ рѣшающаго голоса. Иногда встрѣчаются затрудненія даже просто формальныя или различіе взглядовъ между самими центральными властями. Все это естественно и неизбѣжно и все это въ разные моменты можетъ слагаться благопріятно или неблагопріятно для скорѣйшаго проведенія какихъ-либо улучшеній на мѣстѣ.

«А то, какъ мы будемъ себя держать, развѣ не имѣетъ и не будетъ имѣть вліянія?»

М. Какое вліяніе можетъ имѣть? Думаю, что только хорошее. Разъ о единомыслии не можетъ быть рѣчи, то будетъ вполне достаточно увѣренности, что за идею примиренія стоитъ большинство польской интеллигенціи.

П. В. Согласенъ, но всѣ мы—люди, всѣ мы живемъ въ «нервномъ» вѣкѣ. Кто-либо, склоняющійся подъ бременемъ превосходящей человѣческой силы задачи и громадной отвѣтственности, можетъ бравировать и одолевать величайшія препятствія, но какое нибудь минутное впечатлѣніе, какой нибудь нежелательный

фактъ, даже и не поддающійся обобщенію, можетъ вывести его изъ равновѣсія.

Съ однимъ обстоятельствомъ, быть можетъ, самымъ важнымъ, намъ особенно слѣдуетъ считаться, съ тѣмъ именно, что между нашей программой и программой русскихъ, къ намъ расположенныхъ и искренно желающихъ примиренія, могутъ встрѣтиться существенныя противорѣчія, особенно въ вопросѣ о языкѣ.

Я знаю русскаго, имя котораго можетъ служить девизомъ примирительной политики и который такъ формулировалъ задачи этой политики: «Необходимо¹ гарантировать полную національную и религіозную терпимость, уравнивать въ правахъ край и его населеніе съ остальными частями государства, снять съ поляковъ клеймо неблагомыслія, перестать считать ихъ «гражданами особаго разряда», возстановить уваженіе къ закону, отказываться отъ практики гласныхъ и секретныхъ циркуляровъ, ослаблявшихъ и подрывавшихъ законъ, оказывать содѣйствіе всякому труду и всѣмъ задачамъ польской культуры; но одновременно съ тѣмъ, подавлять всякія проявленія заговоровъ и демонстрацій со всею строгостью, какую даютъ законъ и сила, и, насколько это возможно, не отступать съ позицій, завоеванныхъ послѣ 1863 г. государственнымъ языкомъ. Въ этомъ случаѣ должно считаться обязательнымъ начало: *uti possidetis.*»

Какъ намъ отнестись къ такой программѣ? Отклонить ли ее и дать волю случайностямъ, то есть, выражаясь яснѣе, облегчить возвратъ къ старой системѣ, или программу эту признать все таки успѣхомъ и принять ее исходной точкой для дальнѣйшаго поведенія, для дальнѣйшей дѣятельности?

Я полагаю, этотъ второй путь лучше, лучше хотя бы и потому, что иного пути не имѣется.

Что же касается самой программы, которую я съ точностью передалъ со словъ русскаго, сторонника примиренія, то намъ слѣдуетъ вполне уразумѣть и хорошо запечатлѣть въ своей памяти, что взгляды русскихъ, какъ бы они ни были склонны къ примиренію, не могутъ быть тождественными съ нашими. Принадлежимъ мы къ одной расѣ, языки наши—родственны, есть у насъ нѣсколько общихъ хорошихъ и дурныхъ качествъ, но исторія обоихъ народовъ шла разными путями и выработала разные типы, разную психологію и несходные методы дѣйствія и мышленія. Не разъ случалось мнѣ, въ разговорѣ съ русскимъ, прийти къ какому нибудь общему желательному заключенію и, въ концѣ концовъ, убѣдиться, что каждый изъ насъ вывелъ его изъ совершенно различныхъ посылокъ, и что мой собесѣдникъ пришелъ къ нему изъ такихъ соображеній, которыя мнѣ никогда не пришли бы на умъ.

Эта разнохарактерность психической организаціи не должна ни устрашать, ни разочаровывать насъ; можетъ быть даже наоборотъ. Когда мы сблизимся, когда мы лучше узнаемъ другъ друга, многое можетъ выравняться и выясниться. Для русскихъ, напр., выяснится то, что борьба съ нашей стороны идетъ не противъ государственнаго языка, но въ защиту языка родного, и что для развитія языка и умственной культуры, стоящей уже на извѣстной высотѣ, нужны извѣстныя условія. Что касается насъ, то отъ такого сближенія мы выиграемъ вдвойнѣ: во первыхъ, убѣдимся, что многое изъ того, что мы объясняемъ себѣ недоброжелательствомъ и пре-

дубѣжденіемъ, истекаетъ изъ недостаточнаго зна-
комства съ условіями нашей жизни, а, во вторыхъ,
изучивъ методъ русскаго мышленія, мы научимся
успѣшно отстаивать наши точки зрѣнія.

V.

N. Когда вы говорили о томъ, чего мы можемъ
ожидать въ томъ случаѣ, если условія съ обѣихъ сто-
ронъ окончательно сложатся и упрочатся, мнѣ пришло
на умъ такое замѣчаніе: почему всѣ возможныя реформы
и льготы вы заключаете въ извѣстныя только рамки и,
притомъ, въ рамки, напоминающія одинъ только періодъ
отъ 1856 по 1860 годъ? Почему тѣ реформы, ко-
торыя послѣдовали послѣ 1860 г., а именно въ 1861 и
1862 г., теперь уже не могутъ быть осуществимы?
Если въ то время, когда общество не умѣло цѣнить
болѣе скромныхъ реформъ, всетаки послѣдовали бо-
лѣе важныя, то почему теперь, когда польское обще-
ство при всякомъ удобномъ случѣ проявляетъ свою
признательность правительству за его добрыя намѣ-
ренія, мы не могли бы дождаться хотя бы половины
тѣхъ уступокъ, какія были сдѣланы намъ въ теченіи
двухъ лѣтъ, предшествовавшихъ возстанію? Такое
добровольное со стороны поляковъ суженіе круга
ожиданій, вліяющее вообще удручающимъ образомъ,
заставляетъ иныхъ думать, что это ошибочный образъ
дѣйствія».

На это авторъ возражаетъ, что дѣло не зависитъ
отъ того, будутъ ли надѣяться большаго или мень-
шаго, но отъ дѣйствительной возможности осущест-
вленія. А въ этомъ случаѣ, органу выходящему

въ Петербургѣ легче знать правду и на немъ лежитъ обязанность объяснять обществу истинное положеніе дѣлъ; исполняя эту обязанность газета «Край» оказываетъ, стало быть, нѣкоторыя услуги...

П. В. Нынѣшнее время у насъ я постоянно сравнивалъ съ періодомъ 1856—1860 годовъ, ни разу не сравнивъ его съ двухлѣтіемъ 1861—1862 г.г. Въ эти два года и настроеніе общества было совсѣмъ иное, и уступки имѣли уже совершенно иной характеръ. И то, и другое нынѣ не можетъ повториться. Общество 1861—1862 г. находилось уже въ предреволюціонномъ фазисѣ: порохъ еще покоился въ подземельяхъ, но фитиль былъ уже зажженъ. Каждый понималъ, что взрывъ можетъ послѣдовать въ любую минуту и эта лихорадка ожиданія жгла сердца и мозгъ. Въ настоящее же время нѣтъ надобности убѣждать кого либо въ томъ, что никакая опасность не угрожаетъ общественному спокойствію и что на стражѣ его стоятъ не только законъ и штыкъ, но и вѣское, сознающее великую свою отвѣтственность передъ исторією мнѣніе большей части населенія.

Но и правительственныя уступки невозможны въ настоящее время—въ такихъ предѣлахъ и въ томъ объемѣ, какъ въ періодъ 1861—2 г. Современныя начинанія, подобно уступкамъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра II, идутъ лишь въ направленіи постепеннаго устраненія исключительныхъ узаконеній, вызванныхъ исключительными и уже не существующими причинами, стремясь къ уравниенію законовъ и предоставленію равноправности съ прочими мѣстностями государства. Но, чтобы правительство пошло дальше, въ направленіи къ автономной самостоятельности Царства, какъ то было въ 1861 г., на это вовсе нѣтъ

данныхъ. Утверждать противное, обольщать общество, было бы съ нашей стороны не честно.

У насъ немногіе задумываются надъ вопросомъ, въ чемъ заключается источникъ даруемыхъ облегченій. Отчего произошелъ поворотъ? Немногіе обратили свое вниманіе на психологію и логику этого явленія. Правда, въ началѣ текущаго года въ одномъ изъ польскихъ журналовъ мы читали, что это произошло помимо всякой потребности въ содѣйствіи съ нашей стороны, а просто по той причинѣ, что «правда и справедливость, *вз конць* всегда должны восторжествовать». Но сомнѣваюсь, чтобы это общее мѣсто философско-историческаго характера могло убѣдить кого нибудь, хотя-бы въ виду того, что слово: «конецъ» имѣетъ особую растяжимость, а, между тѣмъ, существуютъ положенія и народы, которые не могутъ ждать.

Всякое явленіе, рядомъ съ метафизическими, въ родѣ вышеуказанной, имѣетъ и должно имѣть еще и реальныя причины. Въ чемъ заключаются причины поворота, какой мы видимъ и испытываемъ на себѣ уже три года? Какіе элементы могутъ содѣйствовать развитію его и какіе задерживать? Начну съ послѣднихъ.

Исторія Запада поучаетъ насъ, что великія историческія перемѣны въ отношеніяхъ между двумя государствами или между государствомъ и народомъ всегда совершались вслѣдствіе великихъ же причинъ: внутреннихъ или внѣшнихъ катаклизмовъ. Никогда государства, правительства, династіи не поступались своими правами, не сокращали ихъ добровольно. Мاستитый Францъ-Иосифъ заслуженно вызываетъ общее удивленіе и уваженіе, но тѣ, кто любитъ сравнивать положеніе дѣлъ въ Царствѣ П. и въ Галиціи, не дол-

жны забывать о томъ, что еслибы Австрія не была разбита подъ Садовою, конституціонная свобода никогда не потекла бы такимъ широкимъ русломъ, равноправность народовъ и земель не возросла бы такъ скоро до предѣловъ федераціи и Агамемнонъ европейскаго ареопага не былъ бы такъ популяренъ у государствъ и народовъ. Слабость Австріи обратилась въ ея доблесть и заслугу.

Между тѣмъ поворотъ въ польско-русскихъ отношеніяхъ совершился въ такой историческій моментъ, который является моментомъ великаго государственнаго торжества Россіи. Весь міръ призналъ ея могущество, сильнѣйшія государства Европы преклоняются предъ нею, добиваются ея дружбы, сближенія съ ней или, по крайней мѣрѣ, ея нейтралитета.

Читали ли вы прошлогоднюю рѣчь императора Вильгельма въ Бреславлѣ или рѣчь его въ нынѣшнемъ году въ Петергофѣ? Это—относительно Германіи. О Франціи же, которая «*corps et âme*» кинулась въ объятія Россіи, незачѣмъ и распространяться. Государства Скандинавіи, соперничая другъ съ другомъ, ищутъ точки опоры въ Петербургѣ. Объ Австріи я говорилъ. Италія еще залѣчиваетъ раны, полученныя подъ Адуей, и сторонится «большой политики». Въ Англии Россія вошла въ моду, возникаютъ общества для изученія русскаго языка и литературы; великобританское правительство, чувствуя колебаніе почвы въ Индіи, готово пойти на такой же «*modus vivendi*» съ Россіей и разграниченіе сферы вліяній въ Азіи, какъ Австрія на Балканскомъ полуостровѣ. Въ могуществѣ вліянія русской политики въ Европѣ можно было увѣриться и во время послѣднихъ осложненій въ греко-турецкую войну.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія Россія напрягла всё усилія, чтобы обезпечить западную свою границу отъ вторженія непріятели. Создана была цѣлая линія крѣпостей, могущая приостановить миллионную армію; триста тысячъ войска стоитъ близко границы; цѣлая новая сѣть проведенныхъ по всѣмъ направленіямъ желѣзныхъ дорогъ до минимума свела срокъ мобилизаціи войскъ. Войска всегда наготовѣ, что одновременно служить для государства порукой внутренняго спокойствія и охраняетъ отъ всякихъ случайностей.

Къ концу XIX столѣтія Россія сдѣлалась самымъ могущественнымъ государствомъ въ мірѣ.

Съ этимъ фактомъ надлежитъ намъ считаться. Онъ долженъ служить намъ исходнымъ пунктомъ при разрѣшеніи вопроса о томъ, въ чемъ заключается источникъ поворота русской политики относительно поляковъ. Мы должны понять, что не имѣется никакого повода для большихъ коренныхъ и принципиальныхъ перемѣнъ, что Россія *не вынуждена* къ какимъ либо уступкамъ или отступленіямъ отъ основныхъ направленій своей политики и что совершившійся поворотъ *не въ слабости ея* имѣеть свой источникъ.

Источникъ этого поворота слѣдуетъ искать исключительно въ благородномъ сердцѣ, глубококомъ умѣ и политической проницательности молодого Императора, рѣшившаго, что насталь часъ предать забвенію обиды, загладить слѣды того, что нѣкогда было, но уже миновало, и возвратить полякамъ Монаршую милость. Въ то время, когда другія государства давали льготы, какъ уступку въ критическую минуту, Императоръ Николай II, не по принужденію, а въ ми-

нугу торжества, по собственной волѣ даруетъ ихъ, потому что такъ внушаютъ Ему сердце и умъ.

Въ совершившемся въ польско-русскихъ отношеніяхъ поворотѣ слова и акты Монарха имѣли преобладающее значеніе. Помимо ихъ, помимо этой Высочайшей воли, которая въ русскомъ государствѣ является источникомъ всякой законодательной и политической дѣятельности, была бы невозможна какая либо перемѣна въ отношеніи къ намъ и самое начало ей не могло бы быть положено. Но для того, чтобы довершить эту перемѣну, чтобы упрочить и развить ее, не достаточно доброй воли и инициативы Монарха; наряду съ ней необходима наличность другихъ элементовъ и условій, и важнѣйшимъ изъ нихъ представляется — содѣйствіе съ нашей стороны.

Въ рескриптѣ на имя кн. Имеретинскаго отъ 15(27) сентября текущаго года содержится слово неизмѣримаго значенія, имѣющее смыслъ программы, на которое до сихъ поръ не было обращено достаточно вниманія, слово «облегченіе». Его Императорское Величество заявляетъ въ этомъ рескриптѣ, что проявленные польскимъ населеніемъ чувства *облегчаютъ Его въ усиліяхъ, направленныхъ ко благу польскаго народа*. Трудно было найти болѣе ясное и опредѣленное выраженіе того, что отъ нашего поведенія зависитъ возможность осуществленія намѣреній Монарха, зависитъ образъ дѣйствій правительства, зависитъ выполненіе той программы равноправности, которая была указана, какъ въ этомъ рескриптѣ, такъ и въ другихъ Высочайшихъ актахъ и словахъ. Было бы несчастіемъ, если бы мы не поняли важнаго значенія этого предваренія и предостереженія, еслибы мы о немъ позабыли.

До сихъ поръ въ Россіи преобладало мнѣніе что никакихъ уступокъ полякамъ дѣлать не слѣдуетъ, такъ какъ они не удовольствуются ничѣмъ, а всегда будутъ враждебны. Всякое послабленіе принимается ими лишь за ступеньку въ лѣстницѣ, которая, какъ въ сновидѣніи Іакова, должна вести къ воображаемому небу: независимости. Лучшие люди Россіи, которые не сейчасъ, не въ послѣднюю минуту, но съ давнихъ поръ стали признавать необходимость отмѣны системы репрессій, придерживались, однако, того мнѣнія, что при переменѣ системы слѣдуетъ остерегаться повторенія тѣхъ ошибокъ, какія допустила русская политика передъ возстаніемъ, слѣдуетъ отступать только шагъ за шагомъ, безъ лихорадочной поспѣшности, которая можетъ казаться замаскированной слабостью, и только по мѣрѣ того, какъ получится увѣренность, что въ польскомъ обществѣ одержали верхъ элементы умѣренности и порядка. Элементы эти должны служить ручательствомъ, что, воспользовавшись каждой уступкой и льготой, поляки въ то же время признаютъ ее доказательствомъ расположенія со стороны правительства и, по этому самому, усмотрятъ въ ней новый поводъ къ укрѣпленію связи съ пекущимся о ихъ преуспѣяніи государствомъ.

Такое со стороны русскихъ обусловленіе переменъ нашего положенія—прямо противоположно представленіямъ и совѣтамъ нашихъ закордонныхъ со-вѣтниковъ, увѣренныхъ, что можно принимать льготы, не расплачиваясь за нихъ и что русское правительство, а равно общественное мнѣніе и само русское общество будутъ идти въ примирительномъ направленіи, не получая никакой взаимности съ нашей стороны.

Авторъ прибавляетъ, что поляки должны выбрать одно изъ двухъ: признать неизбѣжною и спасительною перемѣну въ условіяхъ своего быта и въ такомъ случаѣ быть готовыми къ исполненію долга, какой на нихъ налагаетъ взаимность за облегченія, или же—признать что хорошее-ли или худое совершится по волѣ судьбы, независимо отъ ихъ воли и дѣйствій. Послѣднее было-бы фатализмомъ, который несогласенъ съ логикою вещей.

Н. Я также того мнѣнія, что фатализмъ—самобійственная идея и что будущность всегда добывается трудомъ; но я полагаю, мы уже заработали на лучшую долю, давая въ продолженіи 30 лѣтъ на каждомъ шагу доказательства трезвости взглядовъ и спокойствія, не впадая уже ни въ какой политическій азартъ, сидя смирно и славя Господа Бога. Вѣдь мы акуратно платили налоги и самый тяжелый изъ нихъ—налогъ крови. Вы знаете, что когда вспыхнула восточная война, пробовали было сформировать въ Турціи легіоны, вели въ Вѣнѣ переговоры съ англійскимъ агентомъ (это фактъ!), тѣмъ не менѣе, никого изъ серьезныхъ людей не удалось вовлечь въ это дѣло и образованіе изъ поляковъ вспомогательныхъ отрядовъ для Порты потерпѣло фіаско. Много поляковъ было въ рядахъ русской арміи, но не слышно было о дезертирствѣ; напротивъ: высшіе военные чины въ дневныхъ приказахъ хвалили поляковъ за мужество и отвагу. Всѣ наши обязанности по отношенію къ государству исполняли мы добросовѣстно; развѣ не достаточно этой причины для отмѣны въ Царствѣ П. исключительнаго положенія, существующаго съ 1863 г?

П. В. Воззрѣніе подобнаго рода весьма распростра-

нено и имѣть все подобіе справедливости, тѣмъ не менѣе оно совершенно не основательно. Русскіе могутъ сказать, что платить подати, отбывать воинскую повинность, наконецъ, не составлять заговоровъ и не производить мятежей значитъ быть добродѣтельнымъ по принужденію, что мы такъ поступаемъ по необходимости, такъ какъ другого выхода не имѣется; поэтому и заслуга тутъ не велика; что такого рода лояльность—пассивна, а не активна и не можетъ служить побудительной причиной для перемѣны политики. Государство заинтересовано въ томъ, чтобы десятиmillionный народъ, населяющій наиболѣе доступную мѣстность, прилегающую къ западной границѣ, народъ со славнымъ прошлымъ и большими надеждами не только *volens-nolens* мирился съ существующимъ положеніемъ вещей и въ исполненіи своихъ лояльныхъ обязанностей ограничивался тѣмъ, что называется «*stricte necessaire*», но чтобы онъ призналъ также положеніе это нормальнымъ и выгоднымъ для себя и на немъ строилъ свои планы будущаго. Что же касается поляковъ, то теорія, доказывающая, будто мы дали все, что могли дать, не безопасна въ виду того, что она совершенно оправдывала бы систему послѣдняго двадцатилѣтія, разъ система эта привела къ успокоенію края и въ достаточной мѣрѣ выработала чувства лояльности. Я позволю себѣ спросить васъ, съ какой стати правительство станетъ измѣнять систему, оказавшуюся столь дѣйствительною? зачѣмъ ему поднимать щекотливый вопросъ и искать новыхъ путей, если практикуемые пути приводятъ къ цѣли? зачѣмъ думать надъ льготами и уступками, если мы, поляки, взаимно ничего дать не можемъ?

IV. Не спору, что такая аргументація согласна

съ логикою и съ фактическимъ положеніемъ вещей: но она не разрѣшаетъ другого вопроса, а именно, кто долженъ былъ первый протянуть руку—болѣе сильный или болѣе слабый, побѣдитель или побѣжденный? Признайтесь, что благородство обязываетъ къ тому ту сторону, которая восторжествовала въ кровавой исторической борьбѣ и въ настоящее время является хозяиномъ положенія?

II. В. Вопросъ этотъ кажется мнѣ, во первыхъ, запоздалымъ, такъ какъ дѣйствительность уже дала на него отвѣтъ, а затѣмъ и чисто схоластическимъ. Кто его ставитъ, тотъ обнаруживаетъ полное незнание съ психологіей политическихъ отношеній и съ условіями, при которыхъ создаются новыя теченія, новыя комбинаціи между государствами и народами. Я знаю, что этотъ вопросъ беспокоилъ польскіе умы и отнималъ сонъ у тѣхъ, кто чувствовалъ въ себѣ особое призваніе охранять народное достоинство. Всѣ опасенія оказались напрасными. Польско-русское сближеніе произошло совершенно естественнымъ образомъ, безъ всякаго лирическаго церемоніала и совсѣмъ иначе, чѣмъ это себѣ представляли. Сперва, подъ вліяніемъ горькихъ разочарованій и чувствительныхъ испытаній, наступилъ поворотъ въ нѣдрахъ самаго польскаго общества: стали, сперва робко, а затѣмъ все громче раздаваться, приобрѣтать право гражданства и вліяніе голоса о вредѣ прежняго образа дѣйствій, подчиненія разсудка чувствамъ и неприниманія въ расчетъ реальныхъ условій жизни. Трезвость возрѣній, спокойствіе, разсудительность, которая «не питаетъ, а атрофируетъ чувство» стали считаться добродѣтелями, а «расчетъ на силы сообразныя величинѣ цѣли» — грѣшнымъ и гибель-

нымъ дѣломъ. Старшее поколѣніе принялось разбираться въ только что минувшемъ прошломъ, считать жертвы и потери, а молодое—искать новыхъ выходовъ для жизненной своей энергіи. Тогда-то возникла программа органическаго труда, труда «у основъ» быта; названіе это не было ново, новы были понятіе и форма. Эти превращенія не имѣли даже самаго легкаго оттѣнка опортунизма, были рассчитаны не на вывозъ или на показъ, но на наше собственное домашнее употребленіе, *ad forum internum*. Восточная война, предпринятая для освобожденія славянъ, разбудила и у насъ умы; появились брошюры и статьи примирительнаго характера, уменьшилось ожесточеніе печати въ Галиціи и Познани и все это, вмѣстѣ взятое, отразилось на направленіи русской прессы и общественнаго мнѣнія; тогда то и произошла та перемѣна, о которой я вамъ говорилъ. Но я вамъ еще не напомнилъ, что и въ отношеніи русскаго правительства къ польскому обществу произошли въ то время явленія, предвѣщавшія перемѣну существующей системы. Переводъ генерала Альбединскаго изъ Вильна въ Варшаву доказывалъ это. Генералъ Альбединскій на посту въ Вильнѣ выказалъ себя человѣкомъ просвѣщеннымъ и гуманнымъ; оставляя свой постъ, генералъ подалъ записку, указывавшую на необходимость религіозныхъ облегченій и уничтоженія контрибуціоннаго сбора, что было осуществлено лишь въ настоящее время, послѣ двадцатилѣтняго ожиданія. Вильно открыло ему дорогу въ Варшаву.

Въ Варшавѣ генералъ Альбединскій пошелъ той дорогою, на которую десяткомъ лѣтъ позднѣе вступили графъ Шуваловъ и князь Имеретинскій. Пре-

доставлена была большая свобода слова, учреждена кафедра польской литературы въ варшавскомъ университетѣ, увеличено было число уроковъ польскаго языка и т. д. Въ то же время въ Петербургѣ, въ канцеляріи графа Лорисъ-Меликова былъ выработанъ цѣлый рядъ проектовъ, (я слышалъ объ этомъ отъ лицъ, приглашенныхъ сотрудничать въ ихъ выработкѣ и съ которыми графъ совѣтовался). Ужасная катастрофа 1 марта 1881 г. измѣнила положеніе дѣлъ и прервала планы и труды въ этомъ направленіи; хотя я долженъ вамъ напомнить, что, спустя два года, когда умиралъ генералъ Альбединскій, онъ еще на смертномъ одрѣ получилъ рескриптъ, въ которомъ Императоръ Александръ III благодарилъ его за примирительную дѣятельность.

Не продолжителенъ былъ этотъ первый періодъ польско-русскаго сближенія (1877—1881), но едва ли можно не признавать въ немъ свидѣтельства о томъ, что въ печати, общественномъ мнѣніи и даже въ расположеніи правительства отозвались уже и въ то время тѣ перемѣны, какія произошли въ настроеніи и поведеніи польскаго общества.

По прошествіи затѣмъ десятка лѣтъ полной неподвижности политической мысли, мы снова видимъ повтореніе тѣхъ явленій, благодаря которымъ, подъ конецъ царствованія Императора Александра II, вопросъ объ улучшеніи русско-польскихъ отношеній былъ поставленъ на очередь и получилъ движеніе. Какъ только польская печать получила возможность говорить объ общественныхъ дѣлахъ со всею откровенностью и свободою, поставлена была программа, принятая огромнымъ большинствомъ общества и большинствою частью прессы, программа, сущность коей заклю-

чается въ словахъ: «самобытность національная — общность государственная». Со слова: «лояльность» снято было осужденіе, оно было введено, въ качествѣ одного изъ главныхъ пунктовъ, въ программу сношеній съ государствомъ даже на столбцахъ такихъ изданій, которыя, по своему характеру, должны особенно заботиться о своей популярности.

Заграницею въ политической литературѣ появилось нѣсколько трудовъ, проникнутыхъ трезвою и умною мыслью, тонъ закордонной прессы понизился на цѣлую октаву; столь выдающіяся изданія, какъ «Czas», «Przegląd Lwowski», «Dziennik Poznański», «Kurjer Poznański» начали очень горячо поддерживать мысль о примиреніи съ Россією. Конечно, наибольшее впечатлѣніе произвело положеніе, занятое газетою «Czas», близкою къ правящимъ сферамъ Австріи, такъ какъ всѣми понята была важность того обстоятельства, что органъ этотъ получилъ возможность отзываться сочувственно о польско-русскомъ примиреніи, не рискуя, чтобы на это морщились густыя брови въ Вѣнѣ и чтобы это вообще вызывало подозрѣніе и зависть.

Послѣдовалъ цѣлый рядъ фактовъ, завершившихся торжественной встрѣчей Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Варшавѣ, доказавшей, что лица съ громкими фамиліями, большими заслугами, извѣстные своимъ патріотизмомъ не колебались въ поддержкѣ стремленія къ примиренію своимъ авторитетомъ, принявъ въ этомъ движеніи активное, непосредственное и отвѣтственное участіе. Всѣ эти голоса, явленія и факты, свидѣтельствующіе, въ своей совокупности, о глубокихъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ настроеніи и поведеніи польскаго общества, должны были по-

влиять и повліяли на русское общественное мнѣніе и прессу, на рѣшающія сферы, облегчая починъ новаго опыта урегулированія польскаго вопроса путемъ возврата къ нормальнымъ отношеніямъ въ Царствѣ Польскомъ и сравненія этого края въ правахъ съ остальными областями государства.

Возстановите въ вашей памяти всѣ фазисы, черезъ которые прошелъ въ теченіи истекшаго двадцатипятилѣтія вопросъ о сближеніи, и вы должны будете признать, что поведеніе нашего общества, безъ ущерба для достоинства, даже для народнаго самолюбія, сыграло въ немъ большую и успѣшную роль.

Н. Но можно ли требовать, чтобы весь народъ приобрѣлъ такое политическое образованіе и выработку, чтобы онъ могъ въ любую минуту и во всякомъ положеніи ориентироваться и соображаться съ понимаемой въ этомъ смыслѣ политической необходимостью? Такого такта, такой степени зрѣлости можно требовать отъ исключеній, отъ людей, стоящихъ передъ лицомъ общественнаго мнѣнія, но не отъ массы, которая управляется чувствомъ и, потому, не всегда можетъ сохранить равновѣсіе. Наконецъ, у насъ, какъ и во всемъ остальномъ мірѣ, существуютъ разнородныя теченія, направленія и стремленія.

П. В. Въ этомъ нѣтъ ничего опаснаго. Достаточно, если ббольшая часть интеллигенціи отличается умѣренностью, а что это такъ—признаютъ даже шовинистическіе органы. Для будущности нашихъ отношеній къ правительству будетъ достаточно, если, въ концѣ концовъ, составитя и сплотится сильная умѣренная партія, въ искренность и вліятельность которой правительство будетъ вѣрить и полагаться на ея отвѣтственность. Ни одна прави-

тельственная программа не может быть проведена послѣдовательно, пока у нея не будетъ подъ ногами почвы, то есть, пока она не будетъ имѣть возможности опереться на какую нибудь многочисленную политическую партію».

Обращаясь къ началу 60-хъ годовъ, авторъ объясняетъ, что въ то время правительство, даруя широкія уступки, о которыхъ теперь уже нѣтъ и рѣчи, было въ правѣ полагать, что встрѣтитъ поддержку именно въ партіи умѣренныхъ людей, которой тогда однако не оказалось, такъ какъ партія «бѣлыхъ», во главѣ которыхъ стоялъ А. Замойскій шла въ своихъ требованіяхъ слишкомъ далеко, а Велепольскій совсѣмъ не нашелъ опоры въ обществѣ. Въ настоящее время задачу партіи умѣренныхъ людей авторъ видитъ въ слѣдующемъ: такая партія должна имѣть независимую, правдолюбивую и мужественную печать, называющую вещи ихъ настоящими именами; она должна бороться со всеми попытками разстроить дѣло, должна давать отпоръ недоброжелателямъ его, откуда бы они ни являлись, должна отстаивать интересы общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ, оцѣнивать всякое доброе намѣреніе и положительное начинаніе, должна говорить обществу не только о его правахъ, но и объ обязанностяхъ и держаться извѣстной программы.

На возраженіе собесѣдника, что этой партіи не слѣдуетъ забывать и народнаго достоинства, авторъ отвѣчаетъ, что этому достоинству было бы противно только какое-либо отреченіе отъ языка, религіи и народности—но этого нельзя ожидать ни отъ какой партіи. Затѣмъ, было бы несогласно съ народнымъ достоинствомъ введеніе въ политическія отношенія и споры элемента «сентиментальности»; но именно «Край»

всегда былъ противъ этого. Далѣе авторъ слѣдующимъ образомъ поясняетъ свою мысль:

«Отношеніе къ Монарху, свободное отъ всякихъ политическихъ расчетовъ и воззрѣній, должно имѣть опору въ чувствахъ лояльности и благодарности, но разсмотрѣніе политическихъ вопросовъ вообще съ точки зрѣнія чувствъ было бы большимъ промахомъ. Русскіе люди, отличаясь позитивнымъ складомъ ума, прекрасно понимаютъ, что наступившее послѣ 1863 г. давленіе могло отрезвить польское общество и повести къ выработкѣ въ немъ извѣстныхъ политическихъ качествъ, но не могло внушить чувствъ симпатіи и братства; да это и не было его задачей. Было бы недобросовѣстно съ нашей стороны увѣрять русскихъ будто сердце, а не умъ указываетъ теперь полякамъ тотъ путь, на который они вступили и ни одинъ русскій не повѣрилъ бы этому.

Назадъ тому приблизительно лѣтъ десять, я имѣлъ случай бесѣдовать съ русскимъ государственнымъ дѣятелемъ, отъ котораго, въ значительной степени, зависѣли наши судьбы, и отъ него я услышалъ такое мнѣніе: «*Le changement de notre politique envers vous ne sera possible qu'au moment, où nos joies seront vos joies et nos malheurs—vos malheurs*». Фраза была не изъ обыкновенныхъ, но предлагаемое ею условіе было немислимо выполнить. Сперва должно наступить сближеніе по сознанію общности интересовъ и лишь послѣ того, когда оно окажется прочнымъ, можетъ возникнуть чувство. Тѣмъ же, а не инымъ путемъ и французы съ русскими пришли къ тому, что наконецъ, побратались, и восторженно заявляли о своихъ чувствахъ. Французы говорятъ: «*le coeur parle, les raisons viennent après*», но въ данномъ случаѣ произошло какъ разъ на

оборотъ: сначала заговорили разсудочныя соображенія и лишь впослѣдствіи пришло къ нимъ на помощь чувство и тогда уже оказалась солидарность въ радости и скорбяхъ. Французско-русскія симпатіи имѣли чисто матеріальныя причины: Франція внезапно почувствовала себя изолированной, безъ союзниковъ; Россія послѣ берлинскаго конгресса охладѣла въ Германіи; была признана общность интересовъ, польза сближенія. Таково было возникновеніе нынѣшняго братскаго союза. Тѣмъ не менѣе, можно-ли сомнѣваться въ его искренности?

Наше отношеніе къ Россіи, конечно, не аналогично и послѣдствія его не могутъ выразиться съ такой стихійной силой; но примѣръ этотъ, во всякомъ случаѣ, поучителенъ.

Польско-русское сближеніе, несомнѣнно, имѣетъ такъ же матеріальную почву: мы находимъ все больше и больше точекъ соприкосновенія и подобно тому, какъ прежде усматривали нашу будущность въ отдѣленіи или, по меньшей мѣрѣ, въ обособленіи отъ государства, такъ теперь видимъ ее въ органической съ нимъ связи; въ ней мы усматриваемъ возможность сохранить, а при извѣстныхъ условіяхъ и развитъ всѣ наиболѣе нами цѣнимыя нравственныя сокровища: національность, религію и культуру.

Поэтому, въ бесѣдахъ съ русскою печатью мы не употребляемъ сантиментальныхъ аргументовъ, ссылаемся не на чувства, но на правильно понимаемые государственныя интересы, которые, какъ то говорятъ совѣсть и убѣжденіе, могутъ мириться съ нашими стремленіями».

На вопросъ, какія теченія мысли или органы могутъ вредить дѣлу примиренія или затруднять его, авторъ отвѣчаетъ указывая на два настроенія

проявляющіяся въ Галиціи и представляемыя группами людей, которыхъ онъ называетъ, однихъ—шовинистами, а другихъ—импрессионистами. Шовинисты выходятъ изъ положенія, что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, что хотя возстаніе невозможно, но возможна агитація и что хотя за нею слѣдуетъ репрессія, но репрессія пробуждаетъ духъ, а искоренить народности всетаки не можетъ. Но вѣдь постоянныя испытанія подкапываютъ силы народа, какъ матеріальныя такъ и нравственныя. Пусть утописты считаютъ не страшнымъ матеріальный упадокъ, но и они обязаны опасаться упадка образованія, застоя въ гражданскомъ развитіи, а вѣдь къ этому-то и ведетъ злосчастная теорія «возбужденія духа».

П. В. Съ шовинистами у насъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ разсужденій, такъ какъ они не желаютъ убѣдиться и никакія, даже величайшія уступки удовлетворить ихъ не могутъ. Шовинизмъ не зависитъ отъ степени или количества уступокъ, но отъ внутренняго состоянія души, вѣчно алчущей сильныхъ ощущеній и всегда ненасытной. Шовинисты не зависятъ ни отъ климата, ни отъ формы правленія, ни отъ общественныхъ отношеній; ихъ можно встрѣтить на всякой ступени прогресса государствъ и народовъ; они имѣются даже въ Швейцарской республикѣ. Они-то учреждаютъ «Лигу патриотовъ», которую французскому правительству приходится запрещать, потому что шовинизмъ Деруледовъ ведетъ его къ столкновеніямъ съ Пруссіей; они оскорбляютъ въ Мадридѣ флагъ соединенныхъ Штатовъ и вынуждаютъ испанское правительство дать удовлетвореніе; они въ 1870 г. кричали на парижскихъ бульварахъ: «à Berlin!», они же въ прошломъ году, подъ видомъ со-

храненія національнаго достоинства, втокнули Грецію въ бездну самоубійства.

«Импрессіонистами» въ Галиціи называю я людей, живущихъ исключительно нервами, измѣряющихъ все впечатлѣніемъ и обладающихъ особой способностью видѣть все въ одномъ цвѣтѣ, обыкновенно, въ черномъ. Они далеки отъ шовинизма, боятся не только революціи и заговоровъ, но даже раздраженія умовъ, понимаютъ всю необходимость урегулированія отношеній къ правительству путемъ примиренія, но не рѣшаются на активную поддержку этой идеи. Они понимаютъ пользу переменъ, совершающихся въ Царствѣ Польскомъ, но боятся, какъ огня, cadaго сближенія съ Россіей, cadaго шага съ нашей стороны, ибо каждый шагъ, по ихъ мнѣнію, не только унижаетъ насъ, не только бесполезенъ, но часто даже вреденъ. Импрессіонисты вѣрують не въ результаты труда, а въ какихъ то *Θеמידу* и *Немезиду*, которымъ мы обязаны вращеніемъ колеса исторіи:—усилія человѣческія ничего здѣсь не подѣлають, не предотвратятъ несчастія, не ускорятъ благополучія. По ихъ понятіямъ, наша примирительная партія можетъ только вовлечь общество въ униженіе, безъ всякой пользы для дѣла.

Далѣе, согласно взглядамъ импрессіонистовъ, всякая признательность за нынѣшнія реформы и льготы являлась бы непростительной ошибкой, потому что она показывала бы возможность со стороны нашего общества удовлетвориться полученной мѣрой уступокъ. Поэтому все хорошее, что мы получаемъ, слѣдуетъ дискредитировать, сводить на пустяки, понижать его цѣну, отрицательныя же явленія раздуть, такъ какъ только они характеризуютъ положеніе.

Случай въ (шавельской) гимназіи въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Галиціи получилъ огромнѣйшее значеніе, но объ указѣ, проникнутомъ высокою терпимостью, по поводу котораго возникъ этотъ случай, никто не говорилъ; отмѣна процентнаго сбора не произвела впечатлѣнія; за разрѣшеніе постановки памятника Мицкевичу не нашлось ни одного слова признательности и т. д. Не напоминаетъ ли это немного того времени, когда (1861 г.) даже такой человѣкъ, какъ Калинка, подшучивалъ по поводу введенія преподаванія польскаго языка въ училищахъ Волынской и Подольской губерній, а о приказѣ ходить по городу Варшавѣ съ фонарями писались цѣлые столбцы?

Подобнаго рода отношеній я никогда не пойму; я могу понять шовиниста, опасющагося реформъ потому, что онѣ, со временемъ, могутъ примирить общество съ существующимъ порядкомъ вещей и окончательно убить вліяніе крайнихъ партій; но не могу понять человѣка, который признаетъ всю важность перемѣны положенія, жаждетъ ея и тѣмъ не менѣе дѣлаетъ все возможное для того, чтобы дискредитировать ее и облегчить возвратъ къ прежней системѣ.

Здѣсь спорящій съ авторомъ ставитъ послѣднему на видъ, что положеніе, стало быть, представляется затруднительнымъ въ разныхъ отношеніяхъ. Авторъ признаетъ это, но утверждаетъ, что не слѣдуетъ огорчаться или предаваться апатіи. Народъ котораго насчитывается 15 милліоновъ и который вышелъ изъ тяжкихъ потрясеній, сохранивъ и жизненныя силы, и свои преданія, не долженъ впадать въ уныніе, тѣмъ болѣе что самое трудное время имъ уже пережито и что слова о довѣрїи къ чувствамъ поляковъ—рус-

скихъ подданныхъ озарили лучемъ свѣта ихъ путь къ будущему.

«Пусть наши импрессионисты доказываютъ, что уступки крайне незначительны, но они должны признать, что уступки эти существуютъ, что перемѣна совершилась, что если мы воспользуемся этимъ историческимъ моментомъ, если поймемъ всю цѣну и значеніе настоящей минуты, то можемъ ожидать, что, по самой природѣ вещей, отношенія будутъ складываться все болѣе благопріятно.

Всякая система можетъ уподобляться скатывающейся глыбѣ снѣга, причемъ постепенно возрастаютъ и быстрота ея паденія, и самый ея объемъ. Какая нибудь манифестація вызываетъ давленіе, давленіе порождаетъ чувство горечи, это чувство вызываетъ новую, еще большую репрессию и т. д. Такимъ же образомъ подвигается впередъ и разрастается система благопріятная: облегченіе вызываетъ признательность, признательность пріохочиваетъ къ дальнѣйшимъ уступкамъ, болѣе рельефныя доказательства расположенія со стороны правительства укрѣпляютъ сознаніе солидарности съ государствомъ и т. д. Это — дѣйствіе естественнаго отраженія.

«Поистинѣ, у насъ нѣтъ ни права, ни поводовъ предаваться апатіи или отчаянію. Еще не такъ давно весь нашъ трудъ представлялся паутиной тканью, которую разрывалъ малѣйшій вѣтеръ. Теперь у насъ есть подъ ногами хоть сколько нибудь твердой почвы; мы ея не растратимъ и не дадимъ растратить».

VI.

Въ предшествующемъ очеркѣ изложены съ подробностью тѣ теченія мысли, ожиданія и опасенія, которыя въ настоящее время носятя среди польскаго общества. Они охватываютъ всё стороны его быта, уясняютъ причины несчастій въ прошломъ, готовятъ почву для лучшаго будущаго. Приведены они нами, быть можетъ, даже слишкомъ подробно для русскаго читателя. Но мы не могли ограничиться ссылкой на однѣ общія заявленія польской печати въ духѣ примиренія съ судьбою и солидарности съ государствомъ. Нерѣдко нѣкоторыми русскими газетами высказываются подозрѣнія относительно искренности заявленій въ этомъ смыслѣ со стороны той умѣренной партіи, къ которой уже примыкаетъ большинство польскаго общества. Вотъ почему мы сочли нужнымъ представить, въ словахъ польскихъ публицистовъ, тѣ положительные интересы, которые произвели этотъ поворотъ въ умахъ разсудительныхъ поляковъ. Мы хотѣли показать какъ дѣйствіе открытаго механизма въ часахъ то самое, происходящее въ сознаніи современнаго польскаго общества, взаимодѣйствіе разныхъ побужденій, колебаній и истекающихъ отсюда практическихъ соображеній, которое, собственно своей силой, ведетъ къ уясненію поляками необходимости окончательно и впредь уже вполне добровольно, по убѣжденію ума, въ видахъ собственнаго блага, связать свою будущность съ преуспѣяніемъ и могуществомъ русскаго государства.

Внимательно прочтя обзоръ всѣхъ этихъ теченій мысли, ощущеній, нравственныхъ и положительныхъ интересовъ, русскіе люди не могутъ не признать

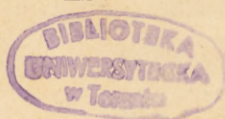
искренности примирительнаго настроенія среди современнаго польскаго общества, такъ какъ ничто здѣсь передъ ними не утаено: указаны и недоразумѣнія, и опасности, и разномысліе, наряду съ тѣмъ благопріятнымъ теченіемъ, которое уже рѣшительно и широко идетъ поверхъ всѣхъ иныхъ, еще сохранившихся изъ враждебныхъ преданій прошлаго.

Авторъ брошюры «O chwili obcesnej» писалъ ее для своихъ земляковъ; онъ ведетъ съ послѣдними бесѣду интимную, касаясь притомъ самыхъ завѣтныхъ чувствъ, дотрогиваясь до незажившихъ ранъ, слѣдя за общественнымъ мышленіемъ во всѣхъ его изгибахъ. И мы необходимо должны были войти во многіе отѣнки и подробности, чтобы представить вѣрный анализъ того, что совершается въ умахъ и сердцахъ поляковъ въ настоящее время.

Отмѣчаемый нами моментъ представляетъ высокій народно-психологическій интересъ, но можетъ приобрести и немалое историческое значеніе, если совершившійся поворотъ въ настроеніи будетъ поддержанъ возможными, согласимыми съ государственнымъ интересомъ облегченіями и вообще улучшеніями въ условіяхъ жизни польскаго населенія, условіяхъ, какъ матеріальныхъ, такъ и, въ особенности, нравственныхъ.

Такимъ образомъ, вторая часть настоящаго очерка является необходимымъ дополненіемъ къ первой, въ которой проведена мысль о необходимости установленія въ Царствѣ окончательной, раціональной системы. Въ такой системѣ должны быть ясно и твердо намѣчены достижимыя цѣли, согласованы виды власти и законныя желанія населенія. Этимъ путемъ должно быть достигнуто вполне удовлетворительное разрѣшеніе польскаго вопроса въ русскомъ государствѣ.

Настоящій моментъ представляетъ наиболѣе благопріятныя данныя, чтобы найти такое рѣшеніе, а государственная мудрость и заключается главнымъ образомъ въ умѣннѣ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ и органически связать народныя пожеланія съ государственнымъ могуществомъ и благомъ.

325275

